КР65
803
ЛН
С-30

KP65 803

КР65
803
ЛН
С30

В. СЕМЕННИКОВ

РОМАНОВЫ
и
ГЕРМАНСКИЕ ВЛИЯНИЯ
ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА"
Ленинград — 1929

П
9
П
3.С
4669
Кабинет истории
Народов СССР.
№ 1108
Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
478925
Историческая

Тип. «Красной Газеты» им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Областлит № 42973. Тираж 15000. Заказ № 2281

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мировая война, прекратив все официальные русско-германские связи, всё же не порвала и не могла порвать всех тех разнообразных нитей, которыми были соединены Россия и Германия. В обоих этих государствах оказались влиятельные социальные группы, вполне отрицательно относившиеся к начавшейся и все более разгоравшейся кровавой бойне и старавшиеся достичь скорейшего примирения России и Германии.

В своем стремлении к миру с Россией Германия проявляла большую активность. Она, уже с самых первых месяцев войны, неоднократно делала попытки возбудить перед Романовыми вопрос о заключении сепаратного мира. Для этого были использованы различные пути и, прежде всего, родственные связи (через императрицу Александру Федоровну) русского и германского царствующих домов, а также те взаимоотношения, которые существовали между русскими и германскими банковско-промышленными кругами.

Все эти попытки Германии повлиять на Романовых в смысле заключения сепаратного мира, естественно, делались в величайшем секрете. Некоторые из этих попыток, несомненно, навсегда останутся необнаруженными. Но ряд других шагов Германии в этом направлении поддается выяснению, так что уже теперь может дать довольно определенную картину.

Но попытки Германии к миру с Россией — это одна сторона вопроса, который будет рассматриваться в настоя-

щей книге; другая — это выяснение отношения возглавлявшихся Романовыми правящих русских кругов как к этим германским попыткам, так и вообще к перспективе сепаратного мира.

Во время мировой войны, — по крайней мере в последний год существования русской монархии, — в широких общественных слоях как России, так и союзных с ней государствах, было распространено убеждение, что Романовы, несмотря на все свои уверения в преданности и дружбе к союзникам, стремятся притти к сепаратному примирению с Германией. Но такое мнение основывалось тогда более на интуиции, чем на фактах, которые тогда никому вне придворного круга известны быть не могли. Первый очерк настоящей книги «Борьба за сепаратный мир Германии — России» и выясняет, помимо германских попыток к сепаратному миру, отношение к этому вопросу Романовых, — причем из приводимых фактов вытекает вывод, что они, действительно, тяготели к сепаратному миру с Германией: это тяготение к повороту от Антанты к Германии я склонен даже считать основной, руководящей линией той политики, которая персонально направлялась императрицей Александрой Федоровной и Распутиным.

Второй очерк книги «Банки и Распутин» определяет те банковские пути, через которые шли к Романовым и к правительству германские и германофильские влияния. Наконец, третий очерк «Распутин и верховное командование» рассматривает роль в этом отношении «божьего человека» и характер его «стратегических» советов. Оба эти очерка потому соединены с именем Распутина, что именно он, даже в большей степени чем императрица Александра Федоровна, являлся непосредственной точкой приложения германофильских и германских влияний, именно через него нередко доходивших до Романовых.

Само собой понятно, что в основе того тяготения царской России к сепаратному миру с Германией, которое рассматривается в настоящей книге, лежали серьезные социально-экономические причины, — именно потому, конечно, германские влияния и находили отклик внутри правящих кругов России. В связи с этим в некоторых случаях весьма трудно определить, чем объясняются те или иные русские «мирные» шаги — внешними ли германскими

влияниями, или чисто внутренними причинами, вызывавшими действия, совпадавшие с интересами Германии. Не ставя себе целью излагать подробно причины стремления царской России к сепаратному миру, я счел тем не менее полезным наметить их, хотя бы бегло, в заключении.

При работе над этой темой я пользовался всеми известными мне русскими и иностранными печатными источниками, но, кроме того, мне доступен был и ряд весьма важных рукописных документальных материалов из личных бумаг Николая II.

В заключение отмечу, что, при разработке избранной мной темы, попутно обрисовывается, как мне кажется довольно ярко, картина того разложения, до которого дошел аппарат русской монархии накануне ее падения. Это, думается, делает книгу по содержанию своему несколько более широкой, чем обещает ее заглавие, и дает мне смелость предполагать, что она может привлечь внимание и тех читателей, которые интересуются не только моей непосредственной темой, но и общей картиной истории падения Русской монархии.

1929 г. Декабрь.

Борьба за сепаратный мир Германии—России.

Германия, в отличие от своих противников, уже в самом начале войны сделала попытку нащупать почву для заключения мира. Такой шаг был предпринят 11 сентября н. ст. 1914 г., когда Германия обратилась к президенту Америки с просьбой принять на себя инициативу мирного посредничества. Однако, союзники, которым стало об этом известно неофициально, отвергли даже всякую мысль о мире [1]. Это было почти в те дни, когда в Лондоне состоялось соглашение (4 сентября н. ст.) России, Франции и Англии о том, чтобы вести войну вместе и не заключать сепаратного мира.

Потерпев неудачу с попыткой возбудить вопрос относительно общего мира, Германия через некоторое время после этого стала прилагать неофициальные усилия к тому, чтобы заключить сепаратный мир с одним из воюющих с нею государств.

В этом отношении особенное внимание германцев было обращено на Россию, отколоть которую от союза представлялось Германии гораздо более легким, чем заключить сепаратный мир с Францией или Англией, тем более что родственные связи царствующих домов России и Германии, а также русско-германские торговые и банковские отношения, облегчали почву для возможности мирных попыток.

Первые, известные нам, сделанные Германией России предложения сепаратного мира относятся к февралю 1915 года. Этот момент был выбран не случайно. Как раз в это время, в виду наступательных действий русской

армии в Галиции, германцам приходилось перебрасывать свои войска на русский фронт, — союзники же именно тогда приступили к дарданелльской операции, и 19 февраля английский флот открыл бомбардировку Дарданелл. Начало дарданелльской операции произвело в руководящих кругах России тревогу, вызванную опасением за то, что, несмотря на свои словесные обещания, союзники, если им удастся овладеть Константинополем и проливами, не предоставят их России. Несомненно, в связи с этим царское правительство решило тогда поставить этот вопрос перед союзниками в самой категорической форме, и 19 февраля — 4 марта 1915 г. министр иностранных дел Сазонов передал английскому и французскому послам «памятную записку», в которой сообщалось, что «ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть разрешен окончательно сообразно вековым стремлениям России»; при этом указывалось, что «всякое решение будет недостаточным и непрочным, в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия, не будут впредь включены в состав Российской империи».

Такая категорическая постановка вопроса была в то время мотивирована, между прочим, в личных беседах Николая II и Сазонова с французским послом Палеологом.

«Несколько недель назад, — говорил тогда Сазонов последнему, — я еще мог думать, что открытие проливов не предполагает неизбежным образом окончательного занятия Константинополя, — теперь я вынужден констатировать, что вся страна требует этого радикального решения...»

То же подтвердил Палеологу и сам Николай. Он заявил (3 марта н. ст.):

«Я не признаю за собой права налагать на мой народ ужасные жертвы, налагаемые ему войной, не давая ему, в награду осуществления его вековой мечты... Поэтому мое решение принято. Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов» [2].

Но как раз в то время, когда царское правительство решило выступить перед союзниками с категорическим на-

стоянием об этом, в Германии был разработан план заключения с Россией сепаратного мира. Об этом тогда же, — очевидно, через секретную агентуру, — стало известно союзникам и, вот, например, в дневнике английского посла в Париже лорда Берти мы находим под 2 марта 1915 г. (то есть за два дня до представления Сазоновым союзникам упомянутой «памятной записки») такую запись:

«Делькассе * мне сказал сегодня утром, что Германия делает энергичные попытки оторвать Россию от ее союзников, — он говорит, что это ей не удастся. Однако, я замечаю некоторую нервность, которая усилится, если Россия будет недовольна позицией Франции и Англии по константинопольскому вопросу»[3].

Таким образом, отсюда ясно, что союзники знали о планах Германии насчет сепаратного мира с Россией, — судя же по тому, что германцы (как мы это увидим далее) не раз указывали Романовым на ненадежность обещаний по этому вопросу Англии, несомненно, что и в Германии были осведомлены о шедших тогда переговорах Англии и Франции с Россией насчет Константинополя и о тех колебаниях, которые в этом отношении были у союзников.

Германцы весьма ловко, таким образом, выбрали момент для предложения России сепаратного мира: ведь более чем вероятно, что неудовлетворяющая царскую власть позиция союзников в переговорах о Константинополе сделала бы, даже несмотря на лондонское соглашение о незаключении сепаратного мира, спорным самый вопрос о дальнейшем участии России в войне. Момент, когда решался вопрос о Константинополе был, несомненно, одним из узловых пунктов дипломатической истории войны.

На почве осведомленности союзников о германских мирных попытках разыгралась в то время крупнейшая дипломатическая игра, придающая германским попыткам, несмотря даже на то, что они не имели успеха, большое политическое значение. Результатом этой игры явилась «уступка» России Константинополя союзниками: Англия дала на это согласие 27 февраля (по н. ст. 12 марта), то есть всего через восемь дней после вручения ей упомянутой «памятной записки» Сазонова, но согласие это было

---

* Делькассе — французский министр иностранных дел.

обусловлено доведением войны «до успешного окончания», осуществлением пожеланий Англии и Франции как в Турции, так и в других местах, а также тем, что на Россию возлагалось обязательство сделать все, что в ее власти, чтобы привлечь к союзникам для участия в войне Болгарию и Турцию; что касается Франции, то ее согласие на это было получено позже — лишь 10 апреля.

Наиболее важным из предпринятых тогда Германией шагов возбудить перед Романовыми вопрос о заключении сепаратного мира было, несомненно, выступление фрейлины М. А. Васильчиковой.

Васильчикова постоянно жила в Австрии, в своем имении (под Веной), — здесь ее застало и начало войны, но Васильчикова не вернулась тогда в Россию, а, в виде особого исключения, была оставлена австрийцами в ее имении.

Васильчикова была соединена родственными и близкими отношениями с различными представителями как русской, так и австрийской аристократии, — в частности, была очень близка к кн. Лихтенштейну, бывшему австрийскому послу в Петербурге, состояла в родстве с Павлом Скоропадским, бывшим позднее, в 1918 г., гетманом Украины (в то время он командовал на фронте одной из русских кавалерийских дивизий), и, кроме того, была лично хорошо известна Романовым.

Благодаря всем этим обстоятельствам, австро-германские власти и решили использовать Васпльчикову в качестве посредника для предварительных неофициальных сношений с Романовыми.

Переговоры с Васильчиковой вели сперва три лица (два немца и один австриец), не принадлежавшие к официальной дипломатии, но имевшие сношения с царствующими домами как Австрии, так и Германии. Эти лица приезжали в имение к Васильчиковой, где и вели с ней переговоры. Позднее она была вызвана в Берлин, и здесь с ней имел соответствующие беседы германский министр иностранных дел фон-Ягов. Он передал ей на словах несколько соображений, подготовлявших почву для постановки вопроса о мире.

О тех беседах, которые имела Васильчикова с приезжавшими к ней лицами и с фон-Яговым она сообщила в письмах (их было три) Николаю II.

Первое из этих писем, для общей характеристики этой миссии Васильчиковой, мы считаем полезным привести здесь полностью.

Вот текст этого письма, датированного «25 февраля — 10 марта 1915 года. Klein Vartenstein. Glognitz. Nieder Oesterreich».

«Ваше величество! Сознаю всю смелость моего поступка писать Вашему императорскому величеству, но только беспредельная любовь к вам, государь, и моему отечеству побуждает меня это сделать, и умоляю ваше величество соблаговолить прочесть эти нескладные, но вылившиеся из души строки.

«В настоящее грустное время, я, кажется, единственная русская, имеющая доступ к вам, ваше величество, которая находится во враждебной нам стране, и к тому же ради пребывания здесь летом семьи моего племянника Скоропадского, и анонимных доносов, что я скрываю русских шпионов, нахожусь в плену, т. е. не смею выходить из моего сада, — и ко мне сюда приехали т р о е * — два немца и один австриец, все трое более или менее влиятельные люди, и просили меня, если возможно, донести вашему величеству, «что теперь все в мире убедились в храбрости русских, и что пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли вы, государь, властитель величайшего царства в мире, не только царем победоносной рати, но и царем М и р а. У вас у первого явилась мысль о международном мире, и по инициативе вашего величества созван был в Гааге мирный конгресс. Теперь одно ваше могучее слово, — и потоки, реки крови остановят свое ужасное течение. Ни здесь, в Австрии, ни в Германии н е т н и к а к о й н е н а в и с т и против России, против русских: в Пруссии император, армия, флот сознают храбрость и качества нашей армии, и в этих обеих странах большая партия за мир, за прочный мир с Россией. Теперь всё гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние; а там и страшная желтая раса, против нее стена — одна Россия, имея во главе вас,

---

* Набранное разрядкой, как здесь, так и в далее цитируемых документах, означает, что данное место подчеркнуто в подлиннике. При цитатах документов как здесь, так и в других местах стилистические неправильности подлинника сохраняются.

государь. Одно ваше слово, и вы к вашим многочисленным венцам прибавите венец бессмертия.

Я была совсем изумлена, когда мне все это высказали. На мое возражение что могу я, мне отвечали: «Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите вы до сведения русского царя наш разговор, и тогда, стоит лишь сильнейшему из властителей, непобежденному, сказать слово, и, конечно, ему пойдут всячески навстречу». Я спросила — а Дарданеллы? Тут тоже сказали: «Стоит русскому царю пожелать — проход будет свободен».

«Люди, которые со мной говорили, н е д и п л о м а т ы, но люди с положением, и которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии. Вспоминаю князя Лобанова *, — так искренно преданный вашему величеству и России, он всегда стоял за дружбу трех императоров — l'allance des trois empereurs **.

«Здесь, повторяю, нет не только ненависти, но даже настоящего враждебного чувства к России, и трое, со мной говорившие, бывали в России, ее знают и любят. Тоже к Франции и к Японии нет ожесточенности, — но, правда, ненависть о г р о м н а я к Англии.

«Ваше величество, я себя чувствовала не в праве не передать все вышеизложенное, которое теперь (вследствие того) ***, что ни в Германии ни в Австрии нет вашего представителя, мне пришли высказать. Молю меня простить, если ваше величество найдет, что я неправильно поступила.

«Конечно, если бы вы, государь, зная вашу любовь к миру, желали бы через поверенное, близкое лицо убедиться в справедливости изложенного, эти трое, говорившие со мною, могли бы лично все высказать в одном из нейтральных государств, но э т и т р о е — не дипломаты, а, так сказать, э х о обеих враждующих стран.

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная Мария Васильчикова».

Это письмо Васильчиковой, посланное (как видно из ее второго письма) через императрицу Александру Федо-

---

* Кн. А. Б. Лобанов Ростовский — министр иностр. дел. в 1895 — 1896 г.г.

** Т. е. „союз трех императоров".

*** Поставленное в скобках добавлено по смыслу.

ровну, было получено последней в Царском Селе в то время, когда Николай находился в ставке. Отправляя 9 марта (как раз в день взятия русскими войсками Перемышля) это письмо мужу, Александра Федоровна писала:

«Посылаю тебе письмо от Маши (из Австрии), которое ее просили тебе написать в пользу мира. Я, конечно, более не отвечаю на ее письма».

На это первое письмо Васильчикова никакого ответа не получила, что видно опять-таки из ее второго письма, посланного (17-30 марта) на этот раз уже непосредственно Николаю.

В этом втором письме Васильчикова сообщает, что к ней вновь приезжали австро-германские представители (вероятно, те же: «два немца и один австриец», — как она сообщает), прося повторить русскому императору написанное в первом, быть может, до него не дошедшем, письме.

В этом новом обращении к Николаю II Васильчиковой, кроме повторения общих слов о желании Германии заключить мир с Россией, существенно только следующее указание:

«Меня просят, — пишет Васильчикова, — довести до сведения вашего величества, что из секретнейшего источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар, и что теперь ведутся тайные переговоры Англии с Японией, чтобы отдать последней Манчжурию».

Вновь предлагая возбудить вопрос о мире, австро-германские представители указывали, что, если русский император откликнется на их предложения, — «то ему пойдут всячески навстречу, и вопрос о Дарданеллах будет решен, конечно, не в пользу Англии, а России.

В приписке к тому письму Васильчикова добавляла еще такое предложение:

«Если ваше величество желало бы прислать доверенное лицо в одно из нейтральных государств, чтобы убедиться, то здесь устроят, что меня из плена освободят, и я могла бы представить этих трех лиц вашему доверенному лицу».

В связи с приведенным в этом письме Васильчиковой указанием «из секретнейшего источника» насчет Константинополя и Дарданелл, любопытно отметить, что как раз

в тот самый день, когда было писано это письмо, английский статс-секретарь по иностранным делам Грей телеграфно сообщал послу Англии в Петрограде Бьюкенену о том, что германский посланник в Стокгольме (фон-Люциус) «распространяет в печати слух, будто бы Англия и Франция заключили сепаратное соглашение о Константинополе, с целью «помешать переходу Константинополя во владение России» [5].

В шведской печати, действительно, появились тогда сообщения относительно «франко-английского соглашения против России» [6].

Хотя, на самом деле, такого соглашения не было (Англия как раз незадолго до этого, 12 марта, дала свое согласие на «уступку» России Константинополя и проливов), но предпринятые союзниками военные действия в Дарданеллах, несомненно, давали почву для подозрений, что Англия и Франция, если им удастся овладеть проливами и Константинополем, не будут особенно считаться с обещанием об «уступке» его России.

В руководящих русских кругах, именно в связи с этим, на операции в Дарданеллах смотрели с опасением. Так, например (правда, позднее) на союзной конференции в Шантильи, когда был, уже после неудачи дарданельской операции, поставлен вопрос о том, надлежит ли совершенно очистить Галлиполи, или оставить небольшой английский отряд на южной конечности полуострова, представитель русского командования генерал Жилинский высказывался за полное очищение Дарданелл — и скрытым мотивом этого было сознание опасности «создания постоянного английского порта, н о в о г о Г и б р а л т а р а при выходе в Средиземное море» [7].

Таким образом, делая подобные же указания, германцы затрагивали довольно метко весьма чувствительное для русской власти место.

Рассмотренное второе письмо Васильчиковой, отправленное 17-30 марта, Николай должен был получить в то время, когда он находился в Царском Селе (в ставку он выехал 4 апреля), и у нас нет данных судить о том, как реагировали Романовы на это второе обращение.

Впрочем, в дневнике военного министра генерала Сухомлинова, под 24 марта 1915 г., есть такая запись:

«Его величеству уже закидывает удочки Вильгельм через лиц, находящихся за границей и близких государю. Его величество выразил твердую решимость довести дело до конца и не поддаваться ни на какие уступки» *.

Очевидно, это относится к письмам Васильчиковой и, в частности, к ее письму от 17 марта.

В третий раз обратилась Васильчикова к Николаю уже почти через два месяца после этого второго письма, и так как политическая обстановка за это время несколько изменилась, мы считаем целесообразным прервать пока изложение действий Васильчиковой и сообщить о других мирных попытках хронологически более близких к ее первым выступлениям.

Такими попытками возбудить вопрос о мире является, во-первых, обращение к Николаю шведского короля Густава V, — относящееся ко времени даже более раннему, чем первое выступление Васильчиковой, — и, во-вторых, мирное посредничество, предпринятое датским королем Христианом X.

16 февраля н. ст. 1915 г. шведский король обратился к Николаю II с письмом, непосредственным поводом для которого был возбужденный тогда вопрос об обмене раненными военнопленными между Россией и Австро-Германией; предлагая русскому императору свои услуги для облегчения этого дела, Густав V вместе с тем осторожно затрагивал и вопрос о возможности прекращения войны:

«Ты понимаешь, дорогой Ники, — писал шведский король, — как сильно волнуют меня все ужасы этой страшной войны. И вполне естественно, что мои мысли заняты изысканием средств, могущих положить быстрый конец этой ужасной бойне. Но я не представляю себе, каким путем этого можно достигнуть, и совесть моя побуждает меня сказать тебе, что в любой момент, раньше или позже, когда ты найдешь это удобным, я готов тебе всемерно служить в этом деле. Если эти строки заставят тебя призадуматься, я буду чрезвычайно счастлив, и, на всякий случай, попрошу тебя написать мне несколько слов о том, как ты смотришь на мое предложение услуг.

«Я твердо верю, — прибавлял король Швеции, — что из уважения к нашей старой дружбе ты не истолкуешь ложно мое настоящее письмо» *.

Что ответил на это письмо Николай II — нам неизвестно.

По всей вероятности, с этим предложением шведского короля стоит в связи и посредничество короля датского Христиана X, уполномочившего для этого одного из близких к себе лиц, государственного советника Андерсена, который для этой цели побывал в Германии и в России, где имел беседы с Вильгельмом II и Николаем II. Взаимная связь попыток шведского и датского королей может считаться вероятной вследствие хронологической близости их выступлений: письмо к Николаю короля шведского относится к 16 февраля (н. ст.) 1915 г., а посланец короля датского Андерсен, «продолжая свои прежние усилия» по вопросу о мире, прибыл в Берлин для переговоров с Вильгельмом II 16 марта. Таким образом, есть основание думать, что в этих случаях мы имеем проявление коллективных действий правителей Швеции и Дании, тем более, что незадолго до этого, в декабре 1914 года, в Мальме состоялось свидание трех северных королей — датского, шведского и норвежского, на котором, несомненно, так или иначе был затронут и вопрос об отношении к мировой войне.

Помимо этого, есть основание поставить посредническое выступление датского короля в некоторую связь и с мирными германскими предложениями, сделанными через Васильчикову: в пользу этого говорит опять хронологическая близость этих шагов — первое письмо Васильчиковой было послано 10 марта н. ст., а уполномоченный датского короля Андерсен прибыл в Берлин менее чем через неделю после того, 16 марта.

Уже после посещения Германии, где Андерсен имел беседы по вопросу о возможности мира с императором Вильгельмом II и канцлером Бетманном-Гольвегом, посланец датского короля отправился в Россию, где был принят Николаем II, которому представил письменное (на английском языке) «Резюме бесед с императором и с рейхсканцлером», а также, переданную Вильгельмом II, с целью «информирования царя», записку о сравнительном количестве убитых, раненых и пленных у Германии и Австрии — с одной стороны, тройственного союза — с другой.

Как видно из упомянутого «резюме», разговоры с Андерсеном Вильгельма II и Бетманна-Гольвега носили слишком

И. Н. П.
Кабинет истории
Народов СССР.

общий, неопределенный характер — никаких конкретных взглядов, или предложений в них высказано не было. По существу, посредничество датского короля, как видно из «резюме», клонилось к зондированию почвы о возможности заключения общего мира между Германией и всеми ее противниками, но, очевидно, император Вильгельм не прочь был воспользоваться этим посредничеством и для попытки к сепаратному миру с Россией. Об этом можно судить по такому, передаваемому Андерсеном, взгляду германского императора:

«Он прекрасно знает, что король не может быть заинтересован в сепаратном мире, но, несмотря на все, что произошло, он все еще верит, что лучшая дорога к миру пролегает через доброе сердце царя; впрочем, он не имеет возражений против того, чтобы начала Англия или последовала».

К этому можно прибавить, что австрийский министр Буриан, хорошо, видимо, осведомленный о миссии Андерсена, прямо указывает, что Андерсен пробовал добиться от русского царя согласия на сепаратный мир с центральными державами. Хотя Андерсен и встретил, — по словам Буриана, — любезный прием, но ему было, однако, указано, что Россия отвергает всякую мысль о сепаратном мире. Вместе с тем тот же Буриан сообщает, что Андерсен приезжал в Россию с той же целью и вторично, в июне 1915 г., но также безрезультатно, хотя он и заметил на этот раз в России «меньшую враждебность по отношению к Германии».

Прежде чем говорить о дальнейших мирных попытках Германии, мы хотим еще отметить, что одновременно с тем, как действуя через Васильчикову, германцы и австрийцы добивались сепаратного мира совместно, в Австрии возник и другой план, а именно — независимо от Германии заключить сепаратный мир с Россией. Этот план, относящийся к весне 1915 г., намечался в штабе австрийского главного командования, точнее — у руководителя его генерала Гетцендорфа. Согласно этому плану, вызванному, видимо, успехами русского наступления в Галиции, России предполагалось предложить такие условия: предоставить ей Галицию вплоть до реки Сана и признать «сферой влияния» России Румынию и Болгарию; вместе с тем выражалось согласие на то, чтобы России принадлежало главенство над

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА

проливами. С другой стороны, Австрия претендовала, согласно этому проекту, на получение Сербии, Черногории и Албании [11].

Однако, этот план об отколе Австрии от Германии заглох под влиянием успехов германцев на востоке.

После неудачи посреднических попыток датского и шведского королей, а также первых выступлений Васильчиковой, германцы решили предпринять более энергичные шаги. Результатом этого было обращение к Александре Федоровне, с предложением по поводу сепаратного мира, ее брата, великого герцога гессенского Эрнеста-Людвига (это было сделано через месяц после второго письма Васильчиковой).

О полученном от брата письме с таким предложением Александра Федоровна извещала находившегося в ставке Николая 17 апреля 1915 г.

«Я получила, — писала Александра Федоровна, — длинное милое письмо от Эрни (Эрнест-Людвиг, герцог гессенский). Я тебе его покажу по твоем возвращении. Он пишет: «если кто-нибудь может понять его (тебя) и знает, что он переживает, — то это я», и крепко тебя целует. Он стремится найти выход из этой ужасной дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое бы встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения. План его основан на том, что в Германии нет настоящей ненависти к России».

Оказывается, что герцог гессенский был так уверен в согласии на свое предложение, что, не дожидаясь ответа от своей сестры, уже послал в Стокгольм доверенного человека. Александра Федоровна сообщает об этом далее:

«Э. послал уже туда к 28-му (2 дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю. Я немедленно написала ответ (все через Дэзи) и послала этому господину, сказав ему, что ты еще не возвращался, и чтобы он не ждал, и что, хотя все и жаждут мира, но время еще не настало».

Упоминаемая здесь «Дэзи» — это, вероятно, наследная принцесса шведская Маргарита.

Непосредственно за этими строками Александра Федоровна прибавляет еще несколько замечаний:

«Я хотела, — пишет она, — кончить с этим делом до твоего возвращения, так как знала, что тебе это было бы неприятно. В. (т. е. Вильгельм II), конечно, ничего абсолютно не знает. Эрни пишет, что они стоят твердой стеной во Франции и, по словам его друзей, также на юге в Карпатах. Они думают, что у них 500000 наших пленных. Все письмо очень милое и любящее. Оно меня очень обрадовало, хотя, конечно, вопрос о господине, который там ждет, а тебя здесь нет, был очень сложным. Э. будет разочарован».

Итак, как ни грустно было Александре Федоровне «разочаровывать» своего брата, вопрос не мог стать на какую-либо практическую почву уже, прежде всего, потому, что самого Николая не было в то время в Царском Селе, да и самое предложение запоздало, так как посланное герцогом гессенским лицо отправилось в Стокгольм еще за два дня до получения Александрой Федоровной уведомления об этом и могло ждать там «только неделю».

Это было в апреле, а в мае, через месяц, снова выступила Васильчикова: она опять обратилась с письмом к Николаю (от 14-27 мая), причем на этот раз уже из Берлина, куда ее вызвали для переговоров о сепаратном мире. По ее словам, к ней по этому поводу приезжали многие, и в том числе не раз бывал у нее германский министр иностранных дел фон-Ягов. Васильчикова сообщает, что она успела побывать и у брата Александры Федоровны герцога гессенского.

Васильчикова, — как сама она писала Николаю, — пользовалась в Берлине «полной свободой» и имела «всяческие права» — «с ведома императора Вильгельма». Несомненно потому, — заметим кстати, — что германский император был осведомлен об упомянутом плане герцога гессенского, с которым Васильчикова действовала в полном контакте. Если же Александра Федоровна и уверяла своего мужа, будто Вильгельм II «ничего абсолютно не знает» об этом плане, то это ложное утверждение понадобилось, очевидно, только для того, чтобы не очень смущать Николая.

Что касается содержания письма Васильчиковой (от 14-27 мая), то в нем она, сообщая, что в Германии «желание мира с Россией очень усилилось», передает сущность тех бесед, которые вел с ней фон-Ягов (она сообщает их на французском языке, на каком и велись эти разговоры).

«Все здесь держатся того мнения, — пишет Васильчикова, — что мир между Германией и Россией — вопрос жизни и смерти для обеих стран, которые связаны между собой столькими торговыми интересами и, в действительности, ни в чем не расходятся в своей внешней политике. Само собой понятно, что в этот мир должна быть включена и Австрия, ибо Германия не может и не хочет покинуть Австрию, которая во всяком случае выйдет из этой войны ослабленной».

«Необходимо, — говорится далее, — прекратить бойню именно теперь, когда, несмотря на большие потери и с той и с другой стороны, ни одна из воюющих стран не разбита. Россия выиграет, — передавала Васильчикова слова фон-Ягова, — гораздо больше, если она заключит выгодный мир с Германией, даже и в вопросе о Дарданеллах, который Германия рассматривает как вопрос, имеющий первостепенное значение для России».

Одновременно с этими уверениями фон-Ягов старался подорвать доверие Романовых к Англии.

«Англия, — передавала его слова Васильчикова, — стремится к преобладающему влиянию в Константинополе и, несмотря на все свои обещания, она никогда не позволит России захватить этот город, или оставить его во власти России, если бы последней удалось его занять».

«Германия, — говорил затем фон-Ягов, — нуждается в России сильной и монархической, и оба соседние царствующие дома должны поддерживать свои старые монархические и дружественные традиции. Продолжение войны считают здесь, — передавала Васильчикова, — опасностью для династии. Здесь отлично понимают, что Россия не хочет покинуть Францию, но и в этом вопросе — вопросе чести для России — Германия понимает ее положение и не будет ставить ни малейших препятствий к справедливому соглашению».

Далее Васильчикова передавала германский взгляд на вопрос о Польше, указывая, что в Германии яко бы «и не

помышляют о создании нового царства Польского, которое явилось бы источником раздоров».

Свое общее впечатление от бесед с фон-Яговым Васильчикова формулировала так:

«Вообще, из всех этих разговоров ясно видно, что Англия — не истинный друг России и что в Германии никто не удивится, если через несколько лет она предложит Германии использовать ее силы против России, — но Германия желает прочного мира с Россией».

Таково, в главных чертах, содержание бесед фон-Ягова с Васильчиковой, предназначенных, согласно его собственному желанию, к передаче Николаю II.

В заключение своего письма Васильчикова просила Николая приказать дать ей ответ для передачи фон-Ягову. При этом, вновь подтверждая предложение о посылке доверенного лица (очевидно, в нейтральное государство) для переговоров, Васильчикова вместе с тем добавляла:

«Если бы ваше величество пожелали, чтобы я лично передала все слышанное и все, что видела здесь и в Германии, мне всячески облегчат путешествие в Царское Село, — но я должна все же вернуться в Австрию до окончания войны» [12].

Однако, и эти германские предложения, как и предшествовавшие, успеха не имели.

Обрисовав теперь, насколько возможно, все эти попытки, мы можем, таким образом, видеть, что, начиная с февраля 1915 года, и затем в марте, апреле, в мае Германия предпринимала какой-либо шаг в пользу сепаратного мира. Затем новая попытка была сделана в июле.

Прошло полтора слишком месяца после предложения герцога гессенского о встрече русского и германского представителей в Стокгольме, — план этот, казалось, не осуществился, но вот в начале июня появился в Стокгольме некий немецкий господин, желавший переговорить о мире с русским представителем. Немец этот, бывший директором «Deutsche Bank» (Немецкого банка) Монкевицем, нашел себе собеседника в лице какого-то русского коммерсанта, имевшего коммерческие связи с Берлином. Сначала они виделись в Стокгольме, а потом этот русский коммерсант (по определению русского посланника в Стокгольме Неклю-

дова, это был «состоятельный русско-польский еврей») был вызван Монкевицем для переговоров в Мальмэ. Содержание своих разговоров с Монкевицем он, по поручению последнего, передал русскому посланнику Неклюдову, который нашел, что сообщенные ему слова Монкевица имеют характер «прямого предложения» сепаратного мира.

В своей беседе, предназначенной для передачи посланнику, Монкевиц, помимо изложения намечаемых Германией условий мира с Россией, высказывал пожелание, «чтобы в Мальмэ, или Копенгагене, встретились как можно скорее, и самым секретным образом, с германской стороны — лица вроде Бедельсона или Варбурга, с русской стороны выдающийся финансист...» (фамилия не указана). В общем, переговоры о мире должны были бы начать частные лица, «не компрометируя, таким образом, официальной дипломатии обеих стран».

Намечавшиеся Монкевицем уполномоченные были: Варбург — гамбургский банкир, исполнявший вместе с тем и разные дипломатические поручения, Бедельсон — шведский финансист.

О предложениях Монкевица русский посланник Неклюдов сообщил министру иностранных дел Сазонову телеграммами от 7-20 и 15-28 июля, а также письмом от 18-31 июля, причем в последнем указывал, что «предложения эти носят довольно серьезный характер, ибо такое лицо, как директор «Deutsche Bank» Монкевиц не стал бы действовать по собственному почину» [13].

Весьма вероятно, что «свидание» Монкевица с неизвестным русским стоит в связи, как с тем планом, который герцог гессенский намечал в письме к Александре Федоровне, так и с теми пожеланиями, которые неоднократно высказывались в письмах Васильчиковой. Но ближайших практических результатов это «свидание» опять-таки не имело.

При обзоре этих германских попыток к сепаратному миру нам не приходилось упоминать имени Распутина, но уже в обстоятельствах миссии Монкевица обнаруживаются те пружины, которые, как это мы потом увидим, прямо ведут в распутинский круг и к самому Распутину.

Однако, если рассмотренные нами германские попытки февраля — июля 1915 года, обзор которых мы здесь закан-

чиваем, не выдвигают пока на эту «мирную» арену фигуры Распутина, зато они довольно ярко характеризуют отношение к вопросу о сепаратном мире Александры Федоровны. Особенно рельефно обнаруживается ее сочувствие к примирению с Германией на том, как реагировала она на командировку германского представителя в Стокгольм: она сама пишет ему ответ, предупредительно извещая этого германского посланца, чтобы он, в виду отсутствия ее мужа, не ждал напрасно в Стокгольме

Но еще более, пожалуй, выразительно обрисовалось отношение Александры Федоровны к германским стремлениям позднее, когда, уже в декабре 1915 г., Васильчикова решилась, по директивам герцога гессенского (а следовательно, и Вильгельма II), проникнуть в Россию. Мы не будем говорить подробно об этой ее командировке, так как видимых результатов она не дала, отметим лишь, чтобы дорисовать роль Александры Федоровны, как отнеслась она к этой миссии Васильчиковой.

Когда Васильчикова появилась на русской границе, то, естественно, что военные власти сомневались, пропустить ли ее, и не следует ли подвергнуть допросу и обыску [14]. Очевидно, в ответ на эти сомнения были даны директивы свыше, и Васильчикова была не только пропущена, но даже встречена специально командированным лицом, кроме того, в Петербурге для нее заранее было приготовлено особое помещение. Васильчикова побывала в Царском у Александры Федоровны и передала ей письма герцога гессенского и других родственников. Вместе с тем Васильчикова зачем-то сочла нужным обращаться с письмами к Сазонову и другим министрам, а также к председателю Гос. думы Родзянко. Вследствие этого тайна командировки Васильчиковой раскрылась, дело получило большую огласку, и Николаю, чтобы не скомпрометировать себя, пришлось не только выслать ее (в имение сестры — в Черниговской губернии), но и лишить фрейлинского звания (1 января 1916 г.).

В Александре Федоровне эта репрессия вызвала большое неудовольствие.

«Мне жаль, — писала она 3 января 1916 г., — что у Мани отняли шифр (фрейлинский), но, если так, то и с некоторых господ, которые позволяют себе говорить такие

вещи, теперь отлично можно будет снять их золоченые мундиры и аксельбанты. Прикажи Максимовичу * последить за клубом».

Через два дня (5 января) А. Ф. снова писала о Васильчиковой:

«Мита Бенк(ендорф) ** говорил у Павла (вел. кн. Павел Александрович), что Маша привезла письмо от Эрни. А. (Вырубова) сказала, что ничего не знает, а Павел заявил, что это — правда. Кто же сказал ему? Все они находят справедливым, что она лишена шифра; я лично нахожу, что С. Ив. Т. *** и Лили, которые поступали так дурно, состоя при моей особе, гораздо скорее должны были бы пострадать, да и некоторые господа тоже. Кажется, в печати появилось письмо к ней от княгини Голицыной, ужасное письмо, обвиняющее ее в шпионаже и т. д. (чему я продолжаю не верить, хотя она поступила очень неправильно по глупости и, боюсь, из жадности к деньгам). Но неприятно, что опять упоминается мое имя и имя Эрни».

Александра Федоровна, как видно из этой цитаты, осталась недовольна тем, что все это дело вскрылось: как смел в. к. Павел говорить о привезенных письмах («кто ему сказал?»). Таким образом, в курсе дела могла быть только чета Романовых, и если бы Васильчикова действовала «правильно», то, быть может, был бы и другой результат.

Императрица Александра Федоровна таким отношением к Васильчиковой вполне выдает свои германофильские симпатии: действительно, считая, что Васильчикова является платным германским представителем (действовала «по жадности к деньгам»), А. Ф., тем не менее, не только желает поддерживать с ней втихомолку сношения, но, даже, когда это дело обнаруживается, считает, что Васильчиковой вполне все-таки возможно носить звание фрейлины ее, русской императрицы.

Теперь, выяснив позицию Александры Федоровны, мы остановимся на вопросе, почему Романовы весной — летом

---

* Генерал адъютант.

** Бенкендорф Д. А. — член сов. Рус. для внешн. торговли банка, вращался при дворе.

*** Тютчева С. И. фрейлина, противница Распутина.

1915 года не согласились пойти на какие-бы то ни было переговоры с Германией, несмотря даже на все сочувствие этому императрицы.

Ближайшей причиной этого отрицательного отношения было, несомненно, то, что царская власть, как раз в связи с планами Германии о сепаратном мире, была в то время подкуплена своими союзниками обещанием уступки Константинополя. Эта «уступка» стоит в самой тесной связи с германскими мирными предложениями.

Связь эта особенно определенно видна из авторитетного английского официального издания «History of the Great War, Nawal operations», by I. S. Gorbett; здесь сказано:

«Отчасти в результате своего преждевременного усилия обессилить давление (германской армии) на Францию Россия жестоко бедствовала во всех отношениях, — так жестоко, что Германия, как это было известно нашему Foreign Office (министерству иностранных дел), уже выработала соблазнительный план привлечения России к сепаратному миру и отречения от своих союзников. Поэтому ничто не было столь своевременно, как отказ от нашей прежней (до 1903 г.) обструкционистской политики в отношении проливов. По этим соображениям, с полного согласия лидеров оппозиции, было решено предоставить России контроль (над проливами), которого она так долго жаждала».

Согласие на «уступку» Константинополя и проливов было, как мы видели, дано Англией 12 марта н. ст. 1915 г. (Францией — лишь через два месяца, 10 апреля), а первое письмо Васильчиковой относится к 10 марта н. ст. (т. е. написано за два дня до английского согласия).

Обещание Константинополя, во-первых, связывало царскую власть по рукам и по ногам, и, во-вторых, было настолько для нее соблазнительно, что давало силу пренебречь германскими предложениями.

Второй и, пожалуй, не менее важной причиной уклонения Романовых от германских попыток примирения, — притом причиной, сохранявшей непреходящее значение во все время войны (константинопольские мечты с течением времени поблекли),—было убеждение Николая II, что заключение сепаратного мира «вызвало бы революцию». О таком

взгляде царя мы узнаем из письма к нему его жены, сообщающей ему, между прочим, о том, что недавно у вел. кн. Павла Александровича был французский посол Палеолог, который очень хитро старался выведать, в виду распространившихся слухов, не имеет ли Николай намерения заключить сепаратный мир:

«Павел, — передает Александра Федоровна, — отвечал, что он уверен, что это неправда, тем более, что при начале войны мы решили с нашими союзниками, что мир может быть подписан только вместе, ни в каком случае сепаратно.

«Затем я сказала Павлу, — продолжает А. Ф., — что до тебя дошли такие же слухи насчет Франции. Он перекрестился, когда я сказала ему, что ты ч не помышляешь о мире и знаешь, что это вызвало бы р.золюцию у нас, — почему-то немцы и стараются раздувать эти слухи. Он сказал, что слышал, будто немцы предложили нам условия перемирия. Я предупредила его, что в следующий раз он услышит, будто я желаю заключения мира...»

Николай в ответном письме похвалил жену за то, что она «давала совершенно правильные ответы по вопросу о мире». «Это, — прибавлял Николай, — как раз главный пункт моего рескрипта старому Горемыкину, который будет опубликован».

Убеждение в возможности революции от заключения сепаратного мира было весьма сильным аргументом против последнего, основанным на чувстве самосохранения. Но откуда же ждали Романовы этой революции, как последствия разрыва с союзниками? Вне всякого сомнения не от рабочих масс. Очевидно, в глазах Романовых угроза революции от сепаратного мира виднелась в стороне тогдашней воинствующей «общественности»: Дума, «союзы», кадеты, «мерзкий Родзянко» и т. д. — вот откуда Романовы, по их пониманию, могли ждать революции, как последствия разрыва с союзниками.

Но существовал и другой взгляд — его, как мы видели, указывали Романовы из Германии: «продолжение войны считают здесь опасностью для династии» — так писала Васильчикова. Однако все значение этого указания в то время, как видно, еще не было понято Романовыми.

Но, если теперь мы допустим, что в романовском кругу, действительно, стала вскоре созревать мысль о необходимости сепаратного мира, то в таком случае первой предпосылкой для этого являлась бы, вследствие усвоенного ими вышеотмеченного взгляда, решительная борьба с теми слоями буржуазии, которые были особенно воинственно настроены. В связи с возможностью постановки вопроса о мире, эта борьба должна была принять особенно живой, актуальный характер. И что руководящее ядро позднее могло именно так рассуждать, подтверждается наблюдением над ходом правительственной политики, которая с особенно резкой реакционностью стала проводиться со второй половины 1915 г.

К этому можно прибавить, что сама Александра Федоровна дала указание, подтверждающее эту нашу мысль — 31 декабря 1915 г., при новогодних пожеланиях, она писала мужу:

«А для внутреннего спокойствия необходимо подавить те мятежные элементы, что стараются разорить страну и втянуть тебя в б е с к о н е ч н у ю б о р ь б у». Подавить надо было не потому, что эти элементы были так уже опасны своей «мятежностью», а потому, что они воинственно, шовинистически настроены, и, вследствие этого, втягивают Романовых в «бесконечную борьбу».

Итак, германские мирные попытки, сделанные весной — летом 1915 г., успеха не имели. Германцы не дооценивали, видимо, серьезности тех причин, которые удерживали Романовых от попыток примирения. Они рассчитывали, что им удастся подорвать у Романовых доверие к обещаниям Англии об «уступке» Константинополя, — убеждению же Николая, что заключение сепаратного мира, т. е. п р е к р а щ е н и е войны, вызовет революцию, они, как отмечено, противопоставляли мнение, — по существу своему гораздо более веское, — что именно п р о д о л ж е н и е войны является опасностью для династии.

Не считая, вследствие этого, возбужденного вопроса о сепаратном мире безнадежным, некоторые влиятельные представители Германии склонны были главную причину уклонения Романовых от переговоров видеть совсем в ином — этой причиной считали пребывание на посту верховного главнокомандующего великого князя Николая

Николаевича и ту роль, которую руководимая им «ставка» играла не только в военных операциях, но и в политике. Так, германский кронпринц, в своих мемуарах, указывая, что Германия, возбуждая весной 1915 г. вопрос о сепаратном мире, должна бы была действовать более решительно, отмечает вместе с тем имевшееся тогда к этому главное, по его мнению, затруднение:

«Главное затруднение, — говорит кронпринц — заключалось в том, что великий князь Николай Николаевич находится еще у власти» [15].

Таков был взгляд германцев... Он имел за собой некоторые основания, так как вел. кн. Николай Николаевич был ярым сторонником войны и оказывал в этом смысле свое влияние на царя; при устранении Николая Николаевича, немцы рассчитывали склонить Николая II к сепаратному миру.

Подобно германцам, отрицательно относились к пребыванию Николая Николаевича на посту «верховного» Распутин и императрица Александра Федоровна; они повели против Николая Николаевича кампанию, увенчавшуюся, в результате, полным успехом.

Вдохновителем этой кампании, — по собственным признаниям Александры Федоровны, — был Распутин.

Распутин был определенным сторонником мира. Еще во время балканской войны, в которую очень хотел вмешаться Николай II, именно советы Распутина, — по словам графа Витте (передаваемым в мемуарах Извольского), а также и по свидетельству Вырубовой, — оказали главное влияние на то, что Николай не решился тогда вступить в войну [16]. В этом отношении уже тогда Распутину пришлось противопоставить себя вел. кн. Николаю Николаевичу, который, — вероятно, не без влияния «черногорок» (жены Николая Николаевича Анастасии Николаевны и ее сестры Милицы, дочерей черногорского короля Николая), — с особенной энергией настаивал на том, что Россия должна принять участие в этой войне.

Сыграв тогда умиротворяющую роль, Распутин и позднее, даже почти накануне мировой войны, не раз высказывал печатно (и, конечно, в романовском кругу) свои «мирные» взгляды. Делалось это бычно в различных «интервью» и «беседах» с сотрудниками газет.

В этом смысле заслуживает, прежде всего, внимания один, относящийся к октябрю 1913 г., отзыв Распутина, где он излагает свои «мирные» взгляды.

«Ведь вот, родной, — говорил Распутин своему собеседнику, — ты-то, к примеру сказать, пойми! Была война там на Балканах этих. Ну и стали тут писатели в газетах, значит, кричать: быть войне, быть войне! И нам, значит, воевать надо... И призывали к войне и разжигали огонь... А вот я спросил бы их, — с особенной экспрессией подчеркнул Распутин, — спросил бы писателей:

— Господа! Ну для чего вы это делаете? Ну, нешто это хорошо? Надо укрощать страсти, будь то раздор какой, аль целая война, а не разжигать злобу и вражду».

И, видимо, сознавая ту роль, которую сыграл сам он в том, что Николай воздержался от участия в балканской войне, Распутин делал следующее знаменательное замечание:

«И, вот, конечно, — говорил он, — тому и тем, кто совершил так, что мы, русские, войны избегли, тому, кто доспел в этом, надо памятник поставить, истинный памятник, говорю... И политику мирную, против войны, надо счесть высокой и мудрой».

В связи с этим Распутин упоминал и о союзниках и о «братушках»:

«Что нам, — спрашивал он, — показали наши «братушки», о которых писатели так кричали, коих защищали, значит... Мы увидели дела братушек и теперь поняли... Все... Да... А что касаемо разных там союзов, — то, ведь, союзы хороши, пока войны нет, а коль она разгорелась бы, где бы они были? Еще неведомо...» [17].

Свой взгляд на «братушек» несколько подробнее Распутин развивает в другой беседе. Собеседник Распутина завел с ним разговор о том, что надо «защищать от притеснений угнетаемые Турцией народы», — «старец» ответил ему вопросом: «А, может быть, славяне неправы, а, может быть, им дано испытание?»

При этом Распутин вспомнил свои впечатления из поездки на Афон.

«Я ездил в Иерусалим, бывал в старом Афоне — великий грех там от греков, и живут они неправильно, не по-мо-

нашески. Но болгары еще хуже. Как они издевались над русскими, когда нас везли; они — ожесточенная нация, ощетинилось у них сердце; турки — куда религиознее, вежливее и спокойнее. Вот, видишь как, а когда смотришь в газету — выходит по иному. А я тебе говорю сущую правду».

Таким образом, никаких «славянофильских» чувств Распутин не питал; наоборот, как видно из этого отзыва, он скорее был «туркофилом».

Помимо «бесед» и «интервью», Распутин несколько раз высказывал свои взгляды и в статьях за своей подписью (очевидно, статьи были записаны с его слов и обработаны). Так, в журнальчике «Дым отечества» 1913 г. была помещена статья Распутина о трехсотлетии дома Романовых, к чему он опять-таки притянул и вопрос о войне. Оказывается, теперь, после юбилея, соседи, убедившись будто бы в силе России, ее «обидеть, тронуть не посмеют»... Это было, конечно, кривлянье, необходимое в положении Распутина, но он прерывает его дельной мыслью — опасением за то, что все-таки «наши патриоты поднимут войну»... И Распутин определенно высказывается против этих стремлений «патриотов»: «Зря, — говорит он, — они болтают и воинствуют» [18].

Такие «мирные» взгляды Распутина, высказывавшиеся им накануне самой войны неоднократно, обратили на себя, между прочим, внимание другого противника войны, графа С. Ю. Витте. Последний весной 1914 г., в разговоре с вел. кн. Андреем Владимировичем, высказывал мнение, «что есть лишь один человек, который мог бы помочь в данное время и распутать сложную политическую обстановку»; таким человеком, — по мнению Витте, — был Распутин [19]. Конечно, в этом отзыве находившегося не у дел сановника более всего говорит голос самолюбия, уязвленного тем, что не он, Витте, «распутывает» завязавшиеся узлы, но с иронией Витте несомненно уживалось и действительное признание значения «мирной» роли Распутина. И это яснее всего видно из того, что очень сочувственно об усилиях последнего предотвратить войну Витте говорил также и в «интервью», помещенном в то же почти время в одной из иностранных газет [20].

Когда Распутину сообщили об этом «очень, повидимому,

приятном» для его самолюбия взгляде Витте «старец» отозвался на это (в конце мая 1914 г.) так:

«О приятности там, или неприятности для самолюбия говорить не будем... Это особь статья. А что вот относительно противничества войне, то оно, конечно... кто же станет желать зла себе и своим? Достоинство свое национальное нам соблюдать надо, конечно, — но оружием бряцать не пристало. Я завсегда это высказывал. Ну, а что касается графа С. Ю. Витте, то он говорил очень разумно, потому сам он разумный» [21].

Распутин, в известной мере, старался оправдать те надежды, которые на него возлагались Витте и другими сторонниками мира, но в период кризиса, непосредственно предшествовавшего войне, Распутин, незадолго до того раненый Хионией Гусевой, находился у себя на родине в селе Покровском тобольской губернии. Не имея возможности лично воздействовать на Романовых, он пытался высказать свой взгляд посредством телеграмм. Так, 19 июня 1914 г. Распутин им телеграфировал:

«Верю, надеюсь на мирный покой, большое злодеяние затевают, не мы участники» и т. д. [22].

Но это были только надежды; принужденный теперь, чтобы сохранить свое положение, скрывать свои «мирные» настроения, Распутин не решился даже на более категорические настояния.

Тем не менее, ближайшие к Распутину лица находили, что он мог бы, если бы находился в Царском, удержать Николая от войны. Так Вырубова, — по словам Палеолога, — утверждала, что «если бы старец был здесь, у нас не было бы войны». Но этот взгляд, понятно, наивен: перед волей русского империализма, признавшего, что «мы готовы к войне», естественно, стушевалась единоличная воля даже Распутина.

Война началась... Под влиянием воинственного угара, которым был охвачен и сам Николай и широкие слои буржуазии, Распутин в разговорах с царем не смел видимо, — тем более сразу после начала войны, — заикаться о совсем отрицательном к ней отношении. Однако, Александра Федоровна Романова, при удобных случаях, старалась напомнить мужу взгляды Распутина. Так, 1 ноября 1915 г., А. Ф. писала мужу:

«Наш Друг (Распутин) был всегда против войны и говорил, что Балканы не стоят того, чтобы весь мир из-за них воевал, и что Сербия окажется такой же неблагодарной, как и Болгария».

Еще ранее в письме А. Ф. от 11 июня, где она убеждает мужа слушаться Распутина, мы находим, между прочим, такой довод в пользу этого:

«Он (Распутин) знает, что говорит, когда говорит так серьезно. Он был против твоей поездки в Л(ьвов) и П(еремышль), и теперь мы видим, что она была преждевременна. Он был сильно против войны, был против созыва Думы и печатания речей (думских)».

«Он был сильно против войны» и, как можно продолжить мысль ее (по аналогии с заключением о преждевременности поездки в Львов): теперь мы видим, что она, эта война, ненужна. А, если так — не следует ли теперь исправить ту ошибку, которую допустили, начав войну? Именно так смотрел, например, на дело упомянутый нами Витте, который, когда война началась, «со спокойной и высокомерной дерзостью везде толковал о необходимости ликвидировать эту нелепую авантюру», — и это казалось некоторым настолько серьезным, что 8 ноября 1914 г., французский посол Палеолог счел нужным обратить внимание министра иностранных дел Сазонова на необходимость того, чтобы Николай «принял некоторые меры против кампании (Витте), которая принимала слишком опасный характер» [23].

Однако, Распутин, хотя и делал, несомненно, в душе такие же, как Витте, выводы, но мог вести свою линию только в очень замаскированной форме, так, чтобы все те, кому не следовало этого знать, не догадывались бы, к чему в конце концов эта линия должна привести.

При таких условиях, борьба Распутина и Александры Феодоровны против Николая Николаевича была проведена ими под разными придуманными мотивами, главная же причина, по которой они добивались устранения «верховного», никогда не могла быть ими раскрыта.

Кампания их против Николая Николаевича нашла яркое отражение в письмах Александры Феодоровны к Николаю. Пользуясь ими и другими данными, восстановим в главнейших чертах эту историю.

Первые выпады Распутина против «верховного» проявляются еще в сентябре 1914 г. 24 числа этого месяца А. Ф. сообщает мужу о таком подозрении:

«Он, — пишет А. Ф. про Распутина, — постоянно опасается, что Bonheur (Николай Николаевич), т. е. собственно галки * хотят, чтобы он добился трона в Польше, либо в Галиции, что это их цель, но я сказала, чтобы она (Вырубова) успокоила его (Распутина) — совершенно немыслимо, чтобы ты когда-либо рискнул сделать подобное. Григорий ревниво любит тебя, и для него невыносимо, чтобы Н. играл какую-либо роль».

Итак, на этот раз А. Ф. сама разрушила подозрения Распутина, и затем в течение четырех месяцев никаких выпадов против в. к. Николая Николаевича мы в переписке Романовых не встречаем. Но с конца января А. Ф., совместно с Распутиным, начинает вести против Николая Николаевича энергичную атаку.

Первые шаги ее проявляются, в неясной, правда, форме, уже в письме от 22 января, где А. Ф. указывает мужу, что он, согласно просьбе Распутина, «не должен ни разу упоминать о главнокомандующем» в каком-то своем манифесте.

Однако, сам Николай в это время отзывается о своем дяде довольно сочувственно; так, 26 января, после какой-то беседы с последним, Николай пишет:

«Мы вплотную поговорили о некоторых серьезных вопросах и, к моему удовольствию, пришли к полному согласию по тем, которые затронули. Должен сказать, что, когда он один и находится в хорошем расположении духа, то он здоров — я хочу сказать, что он судит правильно. Все замечают, что с ним произошла большая перемена с начала войны...»

Но А. Ф. выясняет мужу неосновательность такого благодушного взгляда. 29 января она пишет:

«Я так рада, что ты обстоятельно побеседовал с Н. — Фредерикс ** прямо в отчаянии (и справедливо) от многих его неразумных приказов, только ухудшающих дело, и по поводу еще многого, о чем сейчас лучше не говорить; он находится под влиянием других и старается взять на себя

---

* Жена Николая Николаевича Анастасия Николаевна и ее сестра Милица.

** Министр двора.

твою роль, что он не в праве делать, за исключением разве вопросов, касающихся войны. Этому следовало бы положить конец. Никто не имеет права перед богом и людьми узурпировать твои права, как он это делает, — он может заварить кашу, а позже тебе не мало труда будет стоить ее расхлебывать, меня это ужасно оскорбляет. Никто не имеет права так злоупотреблять своими необычайными полномочиями».

В другом письме (от 4 апреля) это выясняется конкретнее:

«Хотя Н., — пишет А. Ф., — поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга, так же как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. твоим стилем — он должен был писать более просто и скромно».

Затем ряд указаний дает А. Ф. относительно того, чтобы Николай Николаевич не сопровождал ее мужа в только-что взятые Львов и Перемышль:

«Прости мне, — пишет она 6 апреля, — что я это говорю, но Н. не должен тебя туда сопровождать — ты должен быть главным лицом в этой первой поездке. Ты, без сомнения, сочтешь меня старой дурой, но, если другие об этом не думают, то приходится мне».

Затем (7 апреля) она предупреждает мужа, ссылаясь уже на мнение Распутина:

«Он не советует брать с собой Н. — находит, что всюду тебе нужно быть одному, и с этим я вполне согласна».

Николай, однако, осмелился этот раз не исполнить этих советов; в ответ на укоры, Николай оправдывается: «он (в. к. Николай) сопровождает меня, а не я нахожусь в его свите».

А. Ф. наружно смиряется с этим, но считает долгом упомянуть, что Распутин очень беспокоится об этой поездке: он, оказывается, «все эти ночи горячо молился — почти не спал, так беспокоился за тебя» (Николая). Она объясняет и причину беспокойства: «ведь какой-нибудь царшивый еврей мог бы причинить несчастье» (письмо от 12 апреля).

Но для Распутина и А. Ф. представляется опасным не только эта поездка, но и вообще самое пребывание Николая в ставке:

«Наш Друг, — пишет она 10 июня, — боится твоего пребывания в ставке, так как там тебе навязывают свои объяснения и ты невольно уступаешь, хотя бы твое собственное чувство подсказывало тебе правду, для них неприемлемую. Помни, что ты долго царствовал и имеешь гораздо больше опыта, чем они... Нет, слушайся нашего Друга, ведь ему, его сердцу, дороги интересы России и твои».

Возбуждение А. Ф. против Николая Николаевича в дальнейших письмах проявляется все более и более. 12 июня она пишет мужу:

«Как бы я хотела, чтобы Н. был другим человеком и не противился божьему человеку. Это всегда приносит несчастье в их работе».

Но за Николаем Николаевичем, помимо того, что он противится «божьему человеку», есть, оказывается, еще тяжкие преступления в прошлом:

«Мы, — говорит однажды А. Ф., — еще не подготовлены для конституционного правительства. Н. и Витте виноваты в том, что Дума существует, а тебе она принесла больше забот, чем радостей».

И, в связи с этим, А. Ф. замечает:

«Ох, не нравится мне присутствие Н. на этих больших заседаниях по внутренним вопросам. Он мало понимает нашу страну и импонирует министрам своим громким голосом и жестикуляцией. Меня его фальшивое положение временами бесит.., Он не имеет права вмешиваться в чужие дела, надо этому положить конец и дать ему только военные дела, как Френч и Жоффр *. Никто теперь не знает, кто император, — ты должен мчаться в ставку и вызывать туда министров, как будто ты не мог их видеть здесь, как в прошлую среду. Кажется со стороны, будто Н. все решает, производит перемены, выбирает людей — это приводит меня в отчаяние» (письмо от 17 июня).

В одном из следующих писем (от 24 июня) Александра Федоровна настаивает, чтобы Николай поехал повидать войска, но обязательно один, без главнокомандующего.

«Поезжай к войскам, не говоря Н. ни слова... Пускай, наконец, увидят, что ты действуешь, руководясь собствен-

---

* Английский и французский главнокомандующие.

ным желанием и умом, который стоит их всех, взятых вместе».

Однако, не рассчитывая на силу этого своего довода, Александра Федоровна старается вместе с тем терроризировать своего супруга:

«Но, если ты, — пишет она, — скажешь об этом Н., шпионы в ставке (кто?) дадут знать германцам, которые приведут в действие свои аэропланы. Три простых автомобиля не будут особенно заметны, но телеграфируй мне, чтобы я могла знать о твоем решении и известить нашего Друга, чтоб он тогда помолился за тебя».

Итак, в то время, когда в ставке искали предательства в кругу Распутина — Александры Федоровны, последняя, сражаясь со ставкой, пользовалась тем же оружием, так и называя ее «предательская ставка».

Иногда Александра Федоровна пытается воздействовать и нежностью:

«Ах, мой Ники, дела идут не так, как следовало бы! Поэтому Н. и удерживает тебя там, чтобы влиять на тебя своими мыслями и дурными советами. Неужели ты мне еще не хочешь поверить, мой мальчик?»

Во что нужно было «поверить» — объясняется дальше, где А. Ф., между прочим, очень ядовито затрагивает самолюбие своего мужа:

«Разве ты не можешь понять, — внушает она, — что человек, который стал просто предателем божьего человека, не может быть благословен, и дела его не могут быть хорошими. Впрочем, что ж, если надо, чтобы он оставался во главе войск — ничего не поделаешь. Все неудачи падут на его голову, но во внутренних ошибках будут обвинять тебя, потому что никто внутри страны и не думает, что он царствует вместе с тобой» (письмо от 24 июня).

Боясь влияния на своего мужа со стороны Николая Николаевича, А. Ф. указывает в этом же письме, что последний, в свою очередь, опасается ее воздействия на царя, «направляемого Григорием».

Это последнее письмо А. Ф. относится к 25 июня 1915 г.; через три дня, 28 июня, Николай вернулся из ставки в Царское, где и пробыл долгое время.

Нельзя отказать Александре Федоровне в том, что кампания ее против Николая Николаевича была проведена

блестяще; все приемы, все способы были пущены в ход, чтобы воздействовать на Николая: и убеждения, и угрозы, и нежность, и ложь, а главное — весь великий авторитет Григория Распутина.

Впрочем, сама Александра Федоровна, как это мы уже отметили, главную руководящую роль в этой борьбе приписывает не себе, а Распутину. Это видно и из нескольких ее позднейших высказываний. Так, в письме к мужу от 10 октября 1915 г. она пишет относительно Николая Николаевича и «черногорок», между прочим, следующее: «Они замышляли совершенно другую игру. Наш Друг во-время раскрыл их карты и спас тебя тем, что убедил прогнать Н. (Николая Николаевича) и принять на себя командование».

Однако, активнейшая роль и самой Александры Федоровны выразительно, как мы видели, обрисовывается из всей истории этой борьбы против Николая Николаевича.

Все то, что нами пока изложено, вскрывает только одну сторону этой борьбы: это сторона, так сказать, русская, но тут была и сторона германская.

Мы уже, хотя бы из приведенных ранее слов германского кронпринца, могли видеть, что пребывание вел. князя Николая Николаевича на посту верховного главнокомандующего и связанное с этим его политическое значение рассматривались в Германии, как одно из главных (а по мнению кронпринца — даже главное) препятствий к вовлечению Романовых в переговоры о сепаратном мире. В связи с этим, австро-германцы пытались и со своей стороны вести борьбу против Николая Николаевича. Это делалось путем разбрасывания на русском фронте обращенных к русским солдатам, прокламаций, в которых будто бы от имени Николая II вся вина за эту войну возлагалась на Николая Николаевича. Прокламации эти (обнаруженные собственно на австрийском фронте) были такого содержания.

«Солдаты!

«В самых трудных минутах своей жизни обращается к вам, солдатам, ваш царь.

«Возникла сия несчастная война против воли моей: она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича и его сторонников, желающего устранить меня, дабы

ему самому занять престол. Ни под каким видом я не согласился бы на объявление сей войны, зная наперед ее печальный для матушки России исход, но коварный мой родственник и вероломные генералы мешают мне в употреблении данной мне богом власти и, опасаясь за свою жизнь, я принужден выполнять все то, что они требуют от меня.

«Солдаты! Отказывайтесь повиноваться вашим вероломным генералам, обращайте оружие на всех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой родины.

Несчастный ваш царь Николай» [24].

Не трудно видеть, что эта прокламация выдвигает против Николая Николаевича как раз те мотивы, какие приводились Распутиным и Александрой Федоровной во время кампании, ими веденной.

Когда Николай устранял «верховного», то он руководился, как мы видели больше всего именно опасением, что последний в конце концов свергнет его с престола. Это именно тот основной мотив, который выставлен и в германской прокламации.

Равным образом и указание прокламации, что вел. кн. Николай мешает царю «в употреблении данной богом власти», соответствует тем мотивам, которые привели Александра Федоровна и Распутин.

Надо еще подчеркнуть, что эти австро-германские прокламации стали распространяться на фронте с января 1915 г., то есть именно с того времени, когда началась, — или, по крайней мере, стала обнаруживаться в письмах Александры Федоровны, — кампания ее и Распутина против «верховного».

Не беремся решать, являются ли отмеченные совпадения случайными, или они имеют особый смысл; как бы то ни было они показывают, что, ведя кампанию против Николая Николаевича, Распутин и Александра Федоровна добивались той же самой цели, которая стояла и перед германцами.

Для уяснения дальнейшего хода событий этого времени, надо заметить, что в первой половине июня Николаем было принято несколько решений, которые можно было рассма-

тривать, как некоторую вынужденную уступку «общественному мнению», сделанную в виду предстоящего созыва Государственной думы.

Так, 6 июня был уволен от должности министра внутренних дел Маклаков, замененный князем Щербатовым; 12 июня Николай уведомлял свою жену, что вместо Сухомлинова он, по рекомендации Н. Н., намерен назначить военным министром Поливанова; через три дня, 15 июня, Николай сообщал А. Ф., что он решил вместо Саблера назначить обер-прокурором синода «чистого, благочестивого и благонамеренного человека» — Самарина.

Кроме того, тогда же созрело решение созвать Государственную думу — на 19 июня.

Все эти мероприятия были приняты Николаем помимо А. Ф. и Распутина, и объяснялись влиянием «ставки», которого они так боялись. Но, испытывая это влияние, Николай находил, что все эти меры необходимы: «С такими людьми (как Самарин), — писал Николай 15 июня, — в правительстве можно работать, и все они будут держаться сплоченно. Это совершенно несомненно».

Эти самовольные действия Николая вызвали со стороны А. Ф. поток укоров и упреков. Целое письмо посвящает она оттоворкам от назначения Самарина (но Николай уже предложил ему место); она ссылается на то, как волнуется Распутин от слухов об уходе Саблера и назначении Самарина, сама же она — прямо в отчаянии».

«Я имею основательные причины его (Самарина) не любить, — долбит А. Ф., — так как он всегда говорил и теперь продолжает говорить против нашего Друга, — и все пойдет плохо... Он будет работать против нас, раз он против нашего Друга...» (письмо от 14 июня).

Все эти мотивы повторялись потом с утомительной настойчивостью. Вместе с тем, А. Ф., подкрепляя себя мнением Распутина, требовала, чтобы Николай не созывал Думы. Так, 17 июня 1915 г., А. Ф. писала Николаю:

«Теперь, в августе, собирается Дума, а наш Друг тебя несколько раз просил сделать это как можно позднее.. Не забудь, что ты **есть** и **должен** оставаться самодержавным императором!»

Тот же мотив повторяется и далее. — например, в письме от 25 июня:

«Дорогой мой, — пишет А. Ф., — я слыхала, что этот мерзкий Родзянко с другими ходил к Горемыкину просить, чтобы немедленно созвали Думу. О, прошу тебя, не позволяй! Это не их дело! Они хотят обсуждать дела, которые их не касаются, и вызвать еще больше недовольства. Надо их отстранить... Россия, слава богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться! Не позволяй им наседать на тебя. Это ужасно, — если им сделать уступку, то они подымут голову».

Таким образом, ближайшая программа А. Ф. и Распутина выявилась к этому времени вполне ясно: они п р о т и в созыва Думы, п р о т и в тех министров, которые могли бы работать совместно с Думой, и п р о т и в дальнейшего пребывания Николая Николаевича в должности главнокомандующего.

Вместе с тем выдвигалась программа «ставки», под влиянием которой во время своего там пребывания, как мы видели, подпадал Николай.

В ставке, где господствовало антираспутинское настроение, относились более терпимо к работе с наиболее умеренной частью Думы и находили желательным некоторое подновление «кабинета министров» путем включения сюда таких людей, которые, во всяком случае, не были бы слишком враждебны либеральной «общественности». Несмотря на все свое отвращение к Думе, Николай, под влиянием ставки, иногда пытался, как мы отметили, делать некоторые шаги в рекомендуемом ему направлении.

Когда Николай явился в Царское к своей супруге, то она, в дополнение к письмам, применила, очевидно, всю силу своего личного, непосредственного влияния, чтобы заставить мужа исполнить все ее настояния, и главное из них — уволить Николая Николаевича. В результате, уже к 10 августа эта цель Распутина и Александры Федоровны была достигнута, и Николай в этот день телеграфно уведомил кавказского наместника графа Воронцова-Дашкова о том, что он решил взять на себя верховное командование армиями, с назначением в. к. Николая Николаевича кавказским наместником.

Известие об этом решении Николая сразу стало известно в придворном и думском кругу и везде вызвало огромную

тревогу. Начались различные обращения к царю, направленные к тому, чтобы предотвратить его от этого, уже принятого им, решения.

Волнение, вызванное этим решением в думской среде, выразилось в докладе председателя Думы Родзянко (11 августа), который умолял Николая не принимать на себя верховного командования. Но просьбы Родзянко не имели никакого результата. Тем не менее, председатель Гос. думы продолжал настаивать и на следующий день написал Николаю особый доклад, в котором, несмотря на свое камергерское звание, высказывался довольно резко. Этого доклада Николай, — по словам Родзянко, — не мог ему простить «до последних дней» [25]. Председатель Государственной думы считал этот момент вступления Николая II в верховное командование «исходным пунктом нашей гибели», то есть гибелью всего монархического строя.

В своем докладе Родзянко, между прочим, писал.

«В этот страшный час еще небывалой в истории России опасности, когда возникает вопрос о возможности тяжелого тевтонского ига над русской землей, вы, государь, должны вне и выше быть органов власти, на обязанности которых лежит непосредственное отражение врага.

«Вы не можете быть действующим лицом, вы должны быть судьею, милостивым поощрителем или неумолимым карателем.

«Если же вы, государь, примете на себя непосредственное водительство нашею славною армиею вы, государь, последнее прибежище нашего народа, кто же осуществит тогда суд в случае неудачи или поражения? Неужели, государь, не ясно, что вы добровольно отдадите вашу неприкосновенную особу на суд народа, — а это есть гибель России.

«Подумайте, государь, на что заносите вы руку? — на себя, государь!

В дальнейшем тексте Родзянко, между прочим, говорит Николаю:

«Народ не иначе объяснит ваш шаг, как внушенный вам окружающими вас немцами, которые в понятии народном связываются с нашими врагами и изменою русскому делу».

Затем Родзянко указывает на возможность того, что «армия, лишенная пользующегося ее полным доверием вождя, упадет духом.

«В этом случае, — утверждает Родзянко, — поражение неминуемо, а внутри страны неизбежно вспыхнет тогда революция и анархия, которые сметут все, что стоит на их пути».

В заключение Родзянко умоляет царя отменить это решение, как бы это ни было ему тяжело.

Доклад этот, конечно, также никакого успеха не имел.

20 августа, перед самым отъездом Николая в ставку, для принятия командования, в Царском Селе состоялось заседание совета министров, на котором последние также пытались убеждать Николая не принимать на себя этой роли. Все министры, кроме председателя совета Горемыкина и его прихвостня А. А. Хвостова, были в этом отношении единодушны. Но Николай, уже умудренный Распутиным и Александрой Федоровной, остался непоколебимым.

Однако, министры на этом не успокоились и на следующий день, 21 августа, выступили с коллективным обращением по тому же вопросу. Это заявление здесь приводим.

«Всемилостивейший государь! Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к вам. Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к вам и родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий.

«Вчера в заседании совета министров, под вашим личным председательством, мы повергли перед вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что вашему императорскому величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной вам России.

«Государь, еще раз осмеливаемся вам высказать, что принятие вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, вам и династии вашей тяжелыми последствиями.

«На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение, во всяком случае недопустимое, в настоящие дни гибельно.

«Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить вам и родине».

Это обращение подписали министры: Харитонов, Кривошеин, Сазонов, Барк, князь Щербатов, Самарин, граф Игнатьев, князь Шаховской».

Таким образом, как видно из этого заявления, против председателя совета Горемыкина создалась оппозиция почти из всех остальных министров.

Никакого результата приведенное обращение министров тоже, конечно, не имело, и 23 августа Николай официально объявил о том, что он принимает на себя верховное командование.

Это была крупнейшая победа Распутина и Александры Федоровны, победа полная и решительная, и сознание этого отразилось в торжествующем тоне ее первого письма к Николаю после его отъезда в ставку. В виду чрезвычайной характерности этого письма для обрисовки той роли, которую сыграла при этом и собиралась играть в будущем Александра Федоровна, приводим из этого письма (от 22 августа 1915 года) довольно большую выдержку.

«Так тяжело, — писала А. Ф., — отпускать тебя совершенно одного, но бог о ч е н ь близок к тебе, больше, чем когда-либо! Ты вынес один, с решимостью и стойкостью, тяжкую борьбу ради родины и престола. Никогда не видали они раньше в тебе такой решимости, и это не может остаться бесплодным.

«Не беспокойся о том, что остается позади. Необходимо быть строгим и прекратить сразу все. Дружок, я здесь, не смейся над своей глупой, старой женушкой, но на мне надеты невидимые брюки, и я смогу заставить старика (Горемыкина) быть энергичным. Говори мне, что делать, пользуйся мной, если я могу быть полезной. В такие времена господь мне подает силу, потому что наши души борятся за правое дело против зла. Это все гораздо глубже, чем кажется на-глаз. Мы, которым дано видеть все с другой стороны, видим, в чем состоит и что означает эта борьба. Ты, наконец, показываешь себя государем, настоящим с а м о д е р ж ц е м, без которого Россия не может существовать! Если бы ты пошел на уступки в этих разнообразных вопросах, они бы еще больше вытянули из тебя. Единственное спасение в твоей твердости. Я з н а ю, чего тебе это стоит, и ужасно за тебя страдаю. Прости меня, — умоляю мой ангел, — что не оставляла тебя в покое и при-

ставала к тебе так много! Но я слишком хорошо знала твой исключительно мягкий характер, и тебе пришлось преодолеть его на этот раз и победить, одному против всех. Это будет славная страница твоего царствования и истории России — вся история этих недель и дней. Бог, который справедлив и около тебя, спасет твою страну и престол через твою твердость. Редко кто выдерживал более тяжкую борьбу, чем твоя, — она будет увенчана успехом, только верь этому. Твоя вера была испытана, и ты остался твердым как скала, за это ты будешь благословен. Бог помазал тебя на коронации, поставил тебя на твое место, и ты исполнил свой долг. Будь в этом твердо уверен: он не забывает своего помазанника. Молитвы нашего Друга денно и нощно возносятся за тебя к небесам, и господь их услышит.

«Те, которые боятся и не могут понять твоих поступков, — говорит А. Ф. далее, — убедятся позднее в твоей мудрости. Это начало славы твоего царствования. Он (Распутин) это сказал, и я глубоко этому верю. Твое солнце восходит, и сегодня оно так ярко светит».

В свою очередь, и сам Николай II сознавал значение этого момента:

«Начинается новая чистая страница» — писал он, сменив Николая Николаевича.

В связи со сменой вел. кн. Николая Николаевича стояли и другие политические решения, важнейшим из которых был, конечно, роспуск Государственной думы 3 сентября 1915 г.

Помимо роспуска Думы, в связи с отстранением Николая Николаевича стоит и увольнение тех министров, которые подозревались в либерализме и в подписании протестующего против смены письма, вызвавшего страшную ярость Александры Федоровны. Особенно ненавистными для нее были министры Щербатов и Самарин, против которых она и раньше выступала. Теперь возбуждение против этих министров еще более усилилось, и в одном из писем Александры Федоровны (от 24 августа) встречаются даже такие воинственные строки этой «женщины в невидимых брюках» (как она сама про себя говорила):

«Мне хочется, — пишет она. — отколотить почти всех министров и поскорее выгнать Щербатова и Самарина».

А в другом письме, от 11 сентября, Александра Федоровна с удовольствием предвкушает то время, когда Самарин «полетит со своей нелепой, нелойяльной, сумасбродной идеей о спасении России».

В таких выразительных словах характеризовала «спасение России» русская императрица...

Смена министров шла в такой хронологической последовательности: первыми были уволены, 26 сентября, Щербатов и Самарин, затем Кривошеин — 26 октября; после него Харитонов — 25 января 1916 г. и т. д.

Долго оставался министром Сазонов, — его уволили только 7 июля 1916 г. Но, очевидно, такое продление, несмотря на энергичную борьбу против Сазонова Александры Федоровны, объясняется только тем, что Николай боялся этой отставкой задеть союзников, которые с именем этого министра связывали уверенность в том, что верность союзу не будет нарушена.

По этим же, «союзническим» побуждениям был оставлен и Барк, ибо непосредственно с ним вели союзники переговоры о займах, и он был специалистом в этой области. Тем не менее, Александра Федоровна вела кампанию и против Барка, и еще в декабре 1915 г. вспоминала про участие его в коллективном обращении: «Он сам, — писала А. Ф. про Барка, — не чувствует себя очень твердо на своем посту с тех пор, как подписал это письмо с другими министрами, которые с тех пор почти все вышли в отставку».

Итак, со сменой вел. кн. Николая Николаевича был связан разгон Государственной думы и «реформирование» состава совета министров.

Но эти дни смены имеют политическое значение не только по рассмотренным правительственным мероприятиям: с этими же днями, несмотря даже на всю тревогу от увольнения Николая Николаевича, был связан также особый подъем либерально-националистской «общественности». Представители ее в эти дни почти в тех же словах, что и Романовы приветствовали «новую эру».

Но, если для Романовых эта «эра» начиналась в виду решения их разогнать Государственную думу, уволить «верховного» и «либеральных» министров и вообще взять твердый реакционный курс, ориентируясь, прежде всего, на

волю Распутина, то либеральная буржуазия видела «новую эру» совсем в ином: в образовании думского «прогрессивного блока» и в тех политических выступлениях как Государственной думы, так «союзов» (земского и городского) и различных городских дум, где был выставлен лозунг — «министерство общественного доверия».

Впервые этот лозунг «министерство доверия» прозвучал на чрезвычайном собрании московской городской думы 10 августа. Под давлением этого выступления сорганизовался и думский «прогрессивный блок»: в него вошло свыше трехсот депутатов (из общего числа 442), принадлежавших к «кадетам», «октябристам», «прогрессистам»; сюда же примкнула часть «националистов» и «правых». Этот «блок» принял, в общем, ту же программу, какая была выставлена и московской думой.

Но либеральной общественности недолго пришлось торжествовать начало «новой эры»: 3 сентября Дума была закрыта, и приподнятое настроение стало снова тревожным.

Затем, 7 — 9 сентября, в Москве собрались «общегородской» и «общеземский» съезды, которые протестовали против роспуска Гос. думы и также вынесли пожелание «министерства доверия». Все это было повторено потом различными провинциальными думами и другими организациями либеральной буржуазии.

Определявшийся с каждым днем все более и более «твердый» правительственный курс, по которому так давно вздыхали помещики-полукрепостники, вскоре нашел себе полную поддержку со стороны состоявшихся съездов «правых». Первый такой съезд происходил в Петрограде 21—23 ноября 1915 года. Председателем съезда был Щегловитов, который, назвав здесь манифест 17 октября «потерянной грамотой», заявил, что они, правые, признают не эту, а совсем другую грамоту — об избрании в 1613 году на царство Михаила Федоровича Романова.

Выдвигая свою программу, этот съезд вместе с тем заявил, что роспуск Государственной думы был вполне своевременным, так как деятельность прогрессивного блока «обещала внести в государство опасную смуту»; съезд одобрил также смену министров, сочувствовавших требованиям «блока», и высказал, что земский и городской союзы, а также военнопромышленные комитеты, пребывают нор-

мальной деятельности самоуправлений и присваивают себе задачи, принадлежащие государственной власти.

Впрочем, среди «правых» было много элементов, находившихся теперь в «оппозиции». Принадлежавшие к ней лица, при всем своем сочувствии к принципам «чистой монархии», не считали данную правительственную власть за «чистую», так как фактически во главе ее стоял «грязный мужик», Григорий Распутин. Это была оппозиция против Распутина, но, конекно, не против системы.

Вот что, в связи с этим, говорил, например, на одном из съездов отставной бюрократ В. И. Гурко:

«Мы желаем, — держал он речь, — сильной власти, мы понимаем власть, вооруженную исключительным положением, власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом».

Такая оппозиция раздражала Романовых чуть ли не более, чем та, которая требовала «министерства доверия», и Александра Федоровна сочла нужным послать Николаю эту выдержку из речи Гурко, прибавив кстати: «Докажи им теперь всюду, где можешь, что ты самодержавный повелитель».

Ряды такой «правой» антираспутинской оппозиции были довольно велики, и это значительно уменьшало удельный вес той помещичьей группы, которая еще поддерживала распутинскую власть. Но за то те, кто ее поддерживали, все эти отставные бюрократы — Штюрмеры, Щегловитовы, Белецкие, — все они, имея тесную личную связь с Распутиным, выдвигались вновь к власти при его посредстве.

Таким образом, опору для своей политики Распутин нашел, прежде всего, в группах тех «правых», которые, исходя из убеждения, что «Россия, слава богу, не конституционая страна», стремились к самой черной реакции.

Эти «правые» всегда отрицательно относились к союзу с Францией и с своей стороны выдвигали мысль о необходимости союза с Германией. Политические истоки такого германофильского направления наиболее ярко выражены одним из лидеров «правых», бывшим министром внутренних дел (при Витте) П. Н. Дурново, в представленной им Николаю II почти накануне войны, в феврале 1914 г., осо-

бой записке. В этой записке, отличающейся кстати сказать, замечательной проницательностью, находим, между прочим, такие мысли:

«Как бы печально, — писал Дурново, — ни складывались экономические перспективы, открывающиеся нам, как результат союза с Англией, — следовательно, и войны с Германией, — они все же отступают на второй план перед политическими последствиями этого, по существу своему, противоестественного союза. Не следует упускать из вида, что Россия и Германия являются представительницами консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и, в несравненно меньшей степени, Францией... С этой точки зрения, борьба между Германией и Россией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как, несомненно, сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала, единственным надежным оплотом которого являются названные две великие державы. Более того — нельзя не предвидеть, что, при исключительных условиях надвигающейся мировой войны, таковая, опять-таки независимую от ее исхода, представит смертельную опасность и для России и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном изучении всех современных государственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая силою вещей перекинется и в страну победительницу». [26]

Таким образом, как можно видеть из этой записки Дурново, в основе «пацифизма» тех кругов, к которым он принадлежал, громадную роль играл страх перед возможностью революции.

Из всего этого уже видно, что за борьбой Распутина с Николаем Николаевичем стала обнаруживаться борьба двух различных социальных групп, а вместе с ней и борьба «ориентаций»: «союзнической» и германской. На смену одной, империалистской группы к государственному аппарату стала постепенно подходить «пацифистская» группа. Возможность этого подхола была облегчена сменой верховного командования — в этом ее крупный политический смысл, обеспечивающий данному моменту значение поворотного этапа царской политики.

В январе 1916 года Распутин и Александра Федоровна Романова торжествовали новую победу: председателем совета министров, вместо Горемыкина, хотя и лакействовавшего перед Распутиным, но недостаточно усердно, был назначен Штюрмер, который пользовался определенной репутацией сторонника примирения с Германией.

Небезынтересна история этой кандидатуры, выдвинутой и проведенной Распутиным, при энергичном содействии А. Ф. и афериста Манасевича-Мануйлова.

Первые упоминания о Штюрмере встречаются в письмах А. Ф. к Николаю, с начала января; видимо, указав еще ранее, во время личных свиданий с Николаем, на желательность назначения главой министерства Штюрмера, А. Ф. в письме от 4 января снова возбуждала этот вопрос.

«Милый, — писала она, — подумал ли ты серьезно о Штюрмере? Я полагаю, что стоит рискнуть (его) немецкой фамилией, так как известно, какой он верный человек... и он хорошо будет работать с новыми энергичными министрами».

Николай, однако, колебался (как видно из письма от 5 января), ссылаясь на мнение А. Н. Хвостова, что Штюрмер слишком стар и «голова его уж не так свежа, как раньше».

Что касается «немецкой фамилии», то Николая, видимо, этот вопрос не очень смущал, — однако, сам Штюрмер, желая сделаться министром и, видимо, предчувствуя, что некоторым препятствием к этому может служить его фамилия, оказывается, уже, чтобы «руссифицироваться», возбудил вопрос о переименовании в Панина (то же письмо Николая).

Видя колебания Николая, А. Ф. продолжала настаивать

«Милый, — писала она 7 января, — но я все-таки подумала бы о Штюрмере. У него голова вполне свежа. Видишь ли, у Хвостова есть некоторая надежда получить это место, но он слишком молод. Штюрмер годился бы на время, а потом, если тебе понадобится Хвостов, или, если найдется другой, то можно будет сменить его. Только не разрешай ему менять фамилию: «Это принесет ему более вреда, чем, если он останется при своей почтенной старой», как — помнишь? — сказал Григорий. А он высоко ставит Григория, что очень важно».

В дополнение к этому письму, А. Ф. 8 января передает Николаю в телеграмме мнение Распутина:

«Он надеется, что ты не разрешишь переменить фамилию и назначишь того, о котором мы с тобой говорили (т. е. Штюрмера), он подойдет больше всех в настоящее время».

Продолжая и в следующем письме (9 января) настаивать на назначении Штюрмера, А. Ф. прибавляет: «Пусть возмущаются, кому угодно, — это неизбежно при каждом назначении». Вместе с тем А. Ф. предлагает Николаю вызвать Штюрмера для переговоров в ставку.

Но Николай от такого вызова уклоняется (письмо от 9 января), ссылаясь, что в ставке он принимает только по военным делам и, кроме того, он «не хочет давать повода для разных толков и предположений». «Я хочу, — заявляет Николай, — чтобы его назначение, если оно состоится, грянуло как гром».

В результате, конечно воля Распутина исполняется: 20 января Штюрмер был назначен главой правительства.

Это назначение, действительно, «грянуло как гром»: и в России и за границей оно было понято, как крупная победа «немецкой партии». И германцы, действительно, возлагали на Штюрмера большие надежды. Вот что, например, говорит по этому поводу бывший германский кронпринц:

«Благоприятная минута для заключения мира с Россией представилась в конце лета 1916 г., когда военное положение России было очень плохо. Царь как раз тогда назначил Штюрмера главой министерства, а этот человек был, несомненно, к нам расположен. Я даже видел в этом назначении неоспоримый признак желания начать переговоры с нами о мире. Убежденный, что это клонится к нашему благополучию, я всячески доказывал нашим правителям, что необходимо как можно скорее схватиться за протянутую руку» [27].

В связи с этим, как сообщает далее кронпринц, летом и осенью немецкие дипломаты вели об этом частые переговоры между собой и с главной квартирой, но «к практическому осуществлению так и не пришли».

Но, несмотря на назначение главой правительства Штюрмера, министерство иностранных дел продолжало оставаться в руках такого ярого сторонника войны, каким был

Сазонов; это яснее всего показывает, что в первую половину года, пока он ведал «иностранными делами», никаких официальных переговоров о сепаратном мире быть не могло.

Но, ведь, германцы, как мы видели, возлагали, и с полным основанием, главную надежду для возбуждения вопроса о мире не на официальную дипломатию, а на сношения частных представителей с той и другой стороны.

После неудачи миссии директора «Deutsche Bank» (Немецкого банка) Монкевица прошел уже целый год, и вот в том же самом Стокгольме, который еще весной 1915 г. намечался герцогом гессенским для переговоров о мире русского и германского представителей, состоялась, в самом начале июля 1916 г., встреча и беседа двух лиц, — товарища председателя Государственной думы А. Д. Протопопова — с русской стороны, и, уже упоминавшегося нами, Варбурга — со стороны германской.

Эта часовая беседа явилась весьма крупным фактом политики, хотя она и не привела к официальным переговорам о мире России и Германии. Отчасти эта беседа интересна и тем, что она дает возможность наглядно обнаружить те «силы» и тех лиц, которые добивались сепаратного мира двух этих государств. Поэтому нам надо несколько остановиться на обстоятельствах этой беседы.

Протопопов имел эту «беседу» в то время, когда возвращался из Англии, куда он ездил в составе так называемой «парламентской делегации»; последняя вернулась в Петроград 17 июня, но Протопопов, по просьбе министра финансов Барка, несколько задержался в Лондоне для переговоров о займе. «Беседа» Протопопова в Стокгольме происходила в присутствии другого участника делегации, члена Государственного совета гр. Д. А. Олсуфьева, некоего Поляка и стокгольмского банкира Ашберга.

По возвращении Протопопова в Петроград, в думском кругу стало известно об этой «беседе» (со слов самого Протопопова), промелькнуло об этом сообщение и в печати, но в общем никакого значения этому факту придано не было, ввиду того полного доверия, которым пользовался тогда Протопопов в среде «прогрессивного блока». И только, впоследствии, когда Протопопов был назначен министром

и вполне обнаружил свою ультрареакционную позицию и свою связь с Распутиным, на «стокгольмскую беседу» взглянули, как на сознательную попытку нащупать почву для сепаратного мира.

Так оно, конечно, и было в действительности: несомненно, эта «беседа» стоит в связи и с планом герцога гессенского (т. е. собственно Вильгельма II) о встрече в Стокгольме русского и германского представителей и с предложением об этом же директора «Немецкого банка» Монкевица, который, как мы видели, как раз и намечал, чтобы для частных переговоров о мире с германской стороны выступил именно встретившийся с Протопоповым Варбург.

Для характеристики того, какими кругами была ближайшим образом организована эта «беседа», укажем подробнее, кто такие были ее участники:

Прежде всего — кто такой Варбург? Это — брат владельца (и, вероятно, совладелец) гамбургской банковской фирмы «М. М. Варбург и К°», исполнявший вместе с тем и некоторые дипломатические поручения германского правительства. Фирма «Варбург и К°» — один из крупнейших банков Германии — вместе с гамбургским же «Немецким банком» и другими наиболее мощными европейскими банками входила, между прочим, в состав грандиозного финансового треста «Société financière des valeurs américaines», учрежденного в Брюсселе для финансирования американских предприятий; банк Варбурга имел финансовые сношения и с Россией, где, в частности, обслуживал интересы германских акционеров Русско-азиатского банка (в Петрограде).

Нейтральный участник беседы Ашберг — крупный стокольмский банкир, находившийся в тесной связи с русскими банками, по поручению синдиката которых он ездил в 1916 г. в Америку для проведения там русского займа.

Что касается Протопопова, то он, отправляясь в составе «парламентской делегации» в Европу, был не только товарищем председателя Госуд. думы, но, в то же время, одним из виднейших деятелей, и даже председателем, «совета съездов металлообрабатывающей промышленности» (т. е., в сущности, металлургического синдиката); посредством этого Протопопов был тесно связан с банковскими кругами. Вместе с тем Протопопов уже несколько лет был весьма

близко связан с Распутиным и «тибетским врачем» Бадмаевым, которыми он выдвигался в министры еще до своей поездки за границу.

Другой русский участник «беседы» — Поляк был, по определению Протопопова, «крупный финансист», нефтепромышленник.

Таким образом, мы можем видеть, что для обсуждения вопроса о возможности сепаратного мира Германии с Россией сошлись представители некоторых банковских групп обеих стран. Это, конечно, имеет свой смысл, но вместе с тем нисколько не колеблет нашего предположения о связи этой «беседы» с планом Вильгельма об организации такой встречи, переданным Александре Федоровне герцогом гессенским, — не колеблет именно вследствие тех отношений, которые везде существуют между правящей властью и представителями банкового капитала.

Содержание «беседы» подробнее всего известно из сообщения самого Протопопова, сделанного 29 августа 1916 г. в Москве на собрании губернских предводителей дворянства [28]. Весьма вероятно, что Протопопов, в целях предохранения себя от различных обвинений, умолчал о наиболее щекотливых обстоятельствах этой беседы, — тем не менее и то, что рассказал Протопопов, представляет некоторый интерес.

«Наша беседа с Варбургом, — сообщал Протопопов, — началась с его заявления, что моя статья, помещенная в английских газетах, о том, что державы «согласия» приобрели нового мощного союзника в факте недостатка провианта в Германии, не соответствует истине. Действительно, в Германии выдача пищевых продуктов ограничена, но это ограничение не является следствием недостатка припасов, а принудительной мерой, которая дает Германии возможность вести войну в течение долгого времени...

«Далее Варбург доказывал, что дальнейшее продолжение и развитие войны бесцельно: оно повлечет за собой только новые жертвы, прольет еще потоки крови, но ни к каким практическим результатам не приведет, так как общее очертание пограничных линий останется и будет закреплено в том виде, как оно находится в данное время.

от «Эту мировую войну, — говорил Варбург, — вызвала Англия, и она одна повинна в миллионах человеческих жертв. Если бы Англия сразу сказала, что она выступит с державами согласия, то войны не было бы. Дружба с Англией невыгодна России: Англия всегда вела лживую политику и обманывала своих союзников. Дружба с Германией дала бы России больше, чем союз с Англией. Неужели Россия забыла 1878 год, забыла, как все напряжение государства, все блестящие победы ее войск были сведены к нулю, как только английский флот появился в Мраморном море? Теперь Англия также обманывает своих союзников, и она одна извлечет выгоды из войны».

В ответ на это Протопопов указал, что Англия в то время выполняла то, что было предусмотрено ее договором с Австрией, хотя последняя и не выполнила тогда своих обязательств о выставлении 200-тысячной армии на границе России в случае появления русских войск у Константинополя. Вместе с тем Протопопов отметил, что, хотя мир с Германией в течение полутора столетий, действительно, не нарушался, но он обходился России слишком дорого; при этом Протопопов, по его словам, обратил внимание на то, какой ценой был куплен нейтралитет Германии во время русско-японской войны.

«Варбург, не отвечая на сделанные ему возражения, продолжал настаивать на бесцельности дальнейшей бойни и указал, что обвинения Германии в завоевательных стремлениях ошибочны. Немцы совсем не желают новых приобретений. Они только хотят справедливого исправления границ. Курляндия должна принадлежать Германии, а не России, к которой она привязана искусственно. На вопрос — как же латыши, Варбург заметил, что о латышах говорить не стоит — это мелочь. Польша, — продолжал Варбург, — должна соотавить особое государство, и почин государя в этом отношении как нельзя более соответствует гуманным начинаниям и пожеланиям польского народа. Восстановление Польши в ее границах будет только выполнением долга справедливости».

На вопрос Протопопова, какие же должны быть границы Польши — географические или этнографические, Варбург ответил: «конечно этнографические».

Протопопову в ответ на это, напомнил Варбургу про то, что если Польша будет восстановлена в ее этнографических границах, то в состав этого будущего государства должна войти и часть Польши, отошедшая по разделу к Германии.

«На это Варбург возразил, что в Германии нет поляков: поляки только в России и Австрии; в Германии каждый поляк, по национальности и по убеждениям — такой же немец, как и он, если не больше.

«Что касается бывших французских владений, — продолжал Варбург, — Эльзаса и Лотарингии, то Германия сознает допущенную ею после франко-прусской войны крупнейшую политическую ошибку. В то время Германия могла взять лишних 10 миллионов контрибуции, но не должна была увечить государство. Она приобрела из-за этого непримиримого врага в лице Франции, и ей за ошибку приходится платиться. Лотарингия могла бы быть Франции возвращена; что касается Эльзаса, то он отнят у Франции еще при Людовике XIV, и о нем сейчас не может быть никакой речи.

«Коснувшись вопроса о Бельгии, Варбург сказал, что Бельгию, им очень жалко: бельгийцы — хороший и трудолюбивый народ, но у них был секретный договор с Англией,— за это Бельгия поплатилась. На аннексию Германия не покушается, и Бельгию она восстановит, при условии обеспечения границ Германии. Сербия сейчас в ужасном положении. Она истекает кровью, но что делать — это результат войны. Против посягательства России на захват Галиции, Буковины и проливов, если союзникам удастся ими овладеть, Германия ничего не имеет и лишь твердо стоит за незыблемость границ на западе России в том виде, как они определились в данное время.

«Варбург прибавил, что Англия хочет господства и связывает волю русского государя, запрещая ему заключить сепаратный мир».

В дальнейшем разговор не имел ничего интересного и, — по словам Протопопова, — был закончен им самим, несмотря на желание Варбурга продолжать беседу.

Все это, как видим, были более или менее общие слова. Как же, — возникает вопрос, — отнеслись к «стокгольмскому свиданию» сами Романовы и, в частности, Николай?

Вскоре по возвращении из-за границы Протопопову была «устроена» возможность представиться Николаю II. Когда перед этим Протопопов рассказывал о стокгольмской встрече Милюкову и сообщил ему, что собирается передать об этом и царю, Милюков, по его собственным словам, «испугался и думал, как бы это предложение (Варбурга) не было принято серьезно»; Милюков убеждал Протопопова «не приписывать особого значения» этому делу и смотреть на него «как на случайный эпизод туриста». Но Протопопов знал, что это свидание для него — большой козырь, и Милюков должен был позднее сознать свою ошибку: «потом, — говорит он, — я убедился, что он (Протопопов) сделал как раз обратное (совету Милюкова), придал этому очень большое значение, и на этом выиграл в мнении государя» [29].

Впрочем, о впечатлении, произведенном Протопоповым и его рассказами на Николая, мы имеем и собственное свидетельство последнего. В письме к жене, от 20 июля 1916 г., он писал:

«Вчера я видел человека, который мне очень понравился, это — Протопопов, тов. председателя Гос. думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказал мне много интересного. Он бывший офицер конно-гренадерского полка, и Максимович хорошо его знает».

Из всего этого, во всяком случае, видно, что «стокгольмская беседа» не только не скомпрометировала Протопопова в глазах Николая, но даже произвела на него благоприятное впечатление, по крайней мере в том виде, в каком Протопопов ее изобразил.

Но истинных пружин «стокгольмской беседы» Николай, видно, не узнал, как не были об этом осведомлены и думские круги, продолжавшие твердо верить в Протопопова. Суть дела знали только Распутин, Бадмаев, некоторые видные банковские дельцы, группировавшиеся вокруг Распутина и, вероятно, императрица Александра Федоровна. Эти лица вместе с тем понимали, что «стокгольмская беседа» открывает Протопопову возможность сделать и новые шаги в пользу сепаратных переговоров с Германией.

Весьма важно отметить, что в ближайшие к «стокгольмской беседе» дни (7 июля) состоялся и другой крупный «мирный» шаг, притом уже не скрытый: это — отставка

министра иностранных дел Сазонова и назначение на его место Штюрмера. И отставка Сазонова и это назначение были везде и поняты, как симптом того, что царская власть замышляет стать на пути, ведущие к сепаратному миру с Германией.

Особую же тревогу отставка Сазонова, — даже когда она только была предположена, — вызвала у союзных дипломатов. В связи с этим, английский посол Бьюкенен счел даже возможным обратиться к Николаю II с совершенно-невероятной в дипломатической практике секретной телеграммой (от 6—19 июля 1916 г.), в которой предостерегал царя против намечаемой отставки министра:

«До меня дошли, — писал Бьюкенен Николаю, — упорные слухи, что ваше величество возымели намерение освободить г. Сазонова от его обязанностей министра иностранных дел вашего величества. Так как мне невозможно просить об аудиенции, я решаюсь на это личное обращение к вашему величеству и прошу, прежде чем вы примете окончательное решение, взвесить серьезные последствия, которые может иметь отставка г. Сазонова на важные дипломатические переговоры, которые ведутся сейчас, и на еще более важные переговоры, которые не замедлят возникнуть по мере продолжения войны».

Конечно, тут главная причина была не в «важных дипломатических переговорах», а в том, что в лице Сазонова союзники видели такого министра, на которого могли вполне полагаться, — уход же Сазонова, в связи с тем, что правительство России возглавлялось Штюрмером, давал союзникам повод для самых мрачных прогнозов.

В связи с этой отставкой, которая по выражению русского посла в Лондоне, гр. Бенкендорфа, подернула дымкой доверие Англии к России, последний указывал даже на то, что, если когда-либо после заключения мира рушится основа современной английской политики, то «неизбежно установится англо-германское соглашение». Находя, что отставка Сазонова — событие такого «глубокого значения», что огромным впечатлением от нее «потрясен мир» (!), Бенкендорф советовал Штюрмеру обнародовать особую декларацию с указанием на то, что Россия и в будущем намерена соблюдать принцип англо-русского соглашения.

Во всяком случае, отставка Сазонова и назначение Штюрмера были новым крупным успехом Александры Федоровны и Распутина.

Через недолгое время после назначения Штюрмера Александра Федоровна и Распутин захотели использовать и Протопопова: они поспешили выдвинуть кандидатуру, так понравившегося Николаю, товарища председетеля Госуд. думы в министры внутренних дел.

Любопытнее всего, что несколько ранее предложение назначить Протопопова министром (торговли) было сделано не кем иным, как самим Родзянко. Об этом Николай писал А. Ф. 25 июня, — рассказывая про беседу с Родзянко, Николай сообщал:

«Из всех сказанных им глупостей самой большой было предложение заменить Штюрмера Григоровичем (на время войны), а также сменить Трепова на Шаховского. На должность первого он предложил инженера Воскресенского (я его не знаю), а на должность второго — своего товарища Протопопова. Наш Друг упоминал, кажется, как-то о нем. Я улыбнулся и поблагодарил за совет».

Действительно, трудно было не улыбнуться при таком совете: Распутин и Родзянко сошлись на одной кандидатуре! Объясняется такое совпадение мнений, конечно, только тем, что Распутин з н а л, кого и почему он рекомендовал, а Родзянко, как и другие члены Думы, был одурачен Протопоповым, игравшим в Думе роль, совсем несходную с его распутинскими настроениями.

Итак, в начале сентября Распутин решил сделать Протопопова министром. Это дело было проведено быстро и энергично. 7 сентября А. Ф. писала Николаю:

«Штюрмер хочет предложить на пост министра внутренних дел кн. Оболенского из Курска — Харькова (перед тем он был в старой ставке при Николаше!!), работающего теперь по продов. вопросу, но Григорий у б е д и т е л ь н о просит назначить на этот пост Протопопова. Ты знаешь его, и он произвел на тебя хорошее впечатление — он член Думы (н е л е в ы й), а потому будет знать, как с ними себя держать... Мне кажется, — прибавляет она, — что ты не мог бы ничего сделать лучше, как назначив его. Уже, по крайней мере, 4 года, как он знает и любит нашего Друга, а это многое говорит в пользу человека. Оболенский же,

наверное, опять из той клики. Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство нашего Друга».

Николай в ответном письме, от 9 сентября, писал:

«Мне кажется, что этот Протопопов — хороший человек, но у него много дел с заводами и т. п. Родзянко уже давно предлагал его на должность министра торговли вместо Шаховского. Я должен обдумать этот вопрос, так как он застигает меня совершенно врасплох».

При этом Николай необходимость «обдумать» мотивировал такой — конечно, нелепой, с точки зрения его жены — мыслью:

«Мнения нашего Друга о людях, — решился высказать Николай, — бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь, — поэтому нужно быть осторожным, особенно, при назначениях на высокие должности».

Но, в конце концов, несмотря на такие временные сомнения, Николай, конечно, склонился перед волей Распутина, и уже 14 сентября А. Ф. приветствовала своего мужа:

«Да благословит господь выбор тобою Протопопова! Наш Друг говорит, что ты этим избранием совершил акт величайшей мудрости».

Таким образом, Протопопов, которого и сама Александра Федоровна ни разу еще не видала, был назначен министром.

С назначением Протопопова, главные министерские посты были закреплены за представителями группы Распутина — Александры Федоровны. Романовы, таким образом, становились на «мирные» позиции. Это, в известной мере, объясняется тем, что к тому времени в некоторых слоях полукрепостников-помещиков и буржуазии, а также отчасти и самими Романовыми, было понято, что война вызывает такое усиление революционного движения, которое в конце концов может подвергнуть опасности самое существование монархии.

«Династия переживает тяжелые испытания», — писала мужу А. Ф. 26 марта 1916 г. А 4 ноября того же года она высказывала взгляд, что «не имей мы Его (Распутина)— все давно было бы копчено», «в этом, — прибавляла Александра Федоровна, — я твердо убеждена». Значит, по ее

мнению, только он, этот великий пророк и святой, поддерживал еще бренное тело монархии.

Итак, Романовы начали постепенно понимать серьезность положения, — и это было одной из причин стремления к миру.

В то же время на своих съездах «правые» настаивали на усугублении реакционного курса. Однако, ответственные представители этих помещичьих и бюрократических кругов, как Щегловитов, Маклаков и т. п., вращавшиеся на придворной арене и рассчитывавшие вновь получить министерские посты, не смели, однако, из боязни «общественности», раскрыть свои карты, и гласно заявить о необходимости сепаратного мира, который был тем не менее логическим завершением рекомендуемой ими политики.

Но предпринимали ли Романовы, после «стокгольмского свидания» Протопопова с Варбургом и назначения министром иностранных дел Штюрмера, какие-либо шаги к примирению с Германией — этот вопрос, за отсутствием документальных данных, приходится оставить открытым. Однако, надо отметить, что именно к октябрю-ноябрю 1916 г., к тому времени, когда у власти находились и Штюрмер и Протопопов, относятся самые упорные сообщения о том, что русское правительство ведет сепаратные переговоры с Германией. Нам остается только указать на самую вероятность этих сообщений.

Известия о сепаратных переговорах, распространявшиеся тогда в европейской печати, шли из Швейцарии. В швейцарской газете «Berner Tagewacht» (интернационалистский орган Роб. Гримма) были даже напечатаны тогда пункты мирных условий, предложенных Германией России; при этом воспроизведены портреты Штюрмера и фон-Ягова. Русская миссия в Берне пыталась выступить с опровержением этого, но газета отказалась придать какое бы то ни было значение опровержению, при чем, в подтверждение своего заявления, ссылалась, между прочим, на то, что в торговых кругах Швейцарии имеются об этом «положительные сведения из торговых кругов России».

Германские авторы, касаясь вопроса о мире с Россией, хотя и признают, что назначение Штюрмера было понято, как признак желания начать переговоры, но уверяют, что к ним все-таки приступлено не было. Так, германский

канцлер Бетманн-Гольвег в своих «Размышлениях о мировой войне», касаясь этого вопроса, говорит, что он лично, после всех сделанных германцами попыток, не верил (в конце 1916 г.) в возможность сепаратного мира с Россией.

Но вместе с тем, сам же Бетманн-Гольвег указывает, что в то время в Германии было распространено другое мнение, которое рассматривало сепаратный мир с Россией, «как дело, само собой разумеющееся», и упустить эту возможность, согласно этому взгляду, «могла только самая бездарная дипломатия» [20].

К числу лиц, придерживавшихся, повидимому, именно такого взгляда, принадлежал, между прочим, и «создатель морской мощи Германии» известный Тирпиц. В написанных им мемуарах есть также упоминания о каких-то «беседах», которые осенью 1916 г. он имел с некоторыми русскими по вопросу о сепаратном мире, — но эти упоминания весьма неопределенны. Гораздо важнее то, что Тирпиц изложил при этом ту примерную программу, которая по взгляду его и, очевидно, лиц его группы могла бы быть положена в основу сепаратного мира с Россией, ставшего тогда для немцев, по мнению Тирпица, «вопросом жизни и смерти». Приведем соответствующее место из мемуаров Тирпица:

«Осенью 1916 г., — пишет он, — я имел случай беседовать с некоторыми русскими, дружески расположенными к Германии, и из этих бесед, в связи с другими признаками, я заключаю, что существовала возможность заключить мир с Россией. Конечно, я не мог и теперь не могу иметь полного представления, на каких условиях был достижим подобный мир. Однако, в качестве основы для переговоров, имевшей вероятность успеха, можно представить себе следующие условия: мы должны были бы пойти навстречу для удовлетворительного разрешения сербского вопроса, признав десять, также и царем принятых в 1914 г., пунктов ультиматума (австрийского Сербии.—*В. С.*) и назначив арбитраж для решения остальных двух пунктов, так что в общем Россия достигла бы успеха без поражения Австрии. Мы могли бы потребовать продвижения нашей границы до Нарева, дабы обеспечить Восточную Пруссию от повторения испытанного ею нашествия, а взамен предложить ей соответствующую часть Восточной Галиции, за

что Австрия, в случае надобности, могла бы быть вознаграждена в Новобазарском санджаке и Албании. Мы выхлопотали бы России право прохода военных судов через Дарданеллы и, если бы она согласилась заключить с нами союз, предоставили бы ей один из островов в Эгейском море. Мы отказались бы от Багдадской железной дороги, или допустили бы русских к участию в ней. Мы предоставили бы России Персию и взяли бы на себя русские долги Франции. Если бы России удалось устроить мир между нами и Японией, то за это можно было бы предложить ей еще более благоприятные условия. Что касается Константинополя, то русские должны были бы согласиться с тем, что мы не можем допустить уничтожения Турции. Однако, мы дали бы обещание постепенно преобразовать нашу турецкую политику. Можно было бы также позаботиться о личном вознаграждении великих князей и проч.».

Далее Тирпиц говорит, что и Австрию можно было бы склонить к принятию таких условий, а затем он намечает условия примирения с Японией, рассчитывая и на возможность союза с ней.

«Все сказанное, — пишет он, — должно лишь приблизительно показать, на какой почве можно было бы попытаться притти к соглашению с Россией и Японией. При этом главным для нас оставалась бы враждебная Англии ориентация нашей общей политики. Русско-японское сближение в 1916 г. давало основу для этого последнего великого союза, направленного против англо-саксов».

Затем Тирпиц рисует еще более далекие горизонты:

«Сверх того, — пишет он, — открывались более широкие и далекие перспективы, как, например, пересмотр Пражского договора на тот случай, если бы Дания, вслед за Россией, вступила в более тесное общение с нами, в соответствии с ее интересами и географическим положением по отношению к России и Германии.

«При посредничестве царя, мы могли бы побудить французов к миру уступкой им чего-либо в роде занятой ими маленькой части Эльзаса, что было бы для них приемлемо, при их тогдашнем положении.

«Весь мир континента, — утверждает Тирпиц, — должен был бы и мог бы быть выполнен при посредстве Петербурга» [31].

Так пишет Тирпиц, который вопреки другому германскому военному течению, настаивавшему на необходимости в первую очередь сокрушить Россию, считал главным врагом Германии Англию.

В словах Тирпица заслуживает, между прочим, быть подчеркнутой мысль о том, что русско-японское сближение 1916 г. «давало основу для последнего великого союза, направленного против англо-саксов».

Речь идет, конечно, о заключенном Россией и Японией 20 июня—3 июля 1916 г. тайном соглашении относительно, «охранения Китая» от политического господства «какой-либо третьей державы». Согласно этому договору, в случае чьего либо посягательства на Китай, Россия и Япония обязались к совместному вооруженному выступлению. Этот тайный договор, если бы он мог быть известен своевременно союзникам, не способствовал бы, конечно, укреплению их отношений к России, так как, по существу, он, несомненно, был направлен не только против Америки, но и против союзной России Англии.

Все приведенные данные не представляют, однако, ответа на вопрос, велись ли в это время, при Штюрмере, сепаратные переговоры между агентами царской России и Германии. Но, в сущности, вопрос о том, были эти переговоры, или нет, не так уж и важен, — гораздо важнее то, что Романовы готовились к этим переговорам, что они «протягивали руку» Германии (говоря словами кронпринца) и что следовательно правы были те германские круги, которые считали, что упустить возможность мира с Россией могла только «самая бездарная дипломатия». И эта подготовка отразилась как на общей линии политики правительства, как на соответствующем подборе его состава, так и — это мы покажем далее — на решении некоторых отдельных вопросов, которые ставились тогда на очередь.

Общая линия внутренней политики, тяготевшей все более и более к крайней реакции, вполне соответствовала стремлению к сепаратному миру, — соответствовала потому, что, борясь с либерально-буржуазной общественностью, распутинская власть пыталась парализовать именно ту силу, которая, по представлению этой власти, угрожала

революцией, в случае, если бы сепаратный мир был заключен.

Что касается отдельных вопросов, на решении которых выявляется выжидательная, по отношению к Германии, позиция правящей группы, то, в связи с этим, заслуживает особого внимания образ действий Романовых относительно «польского вопроса» и вопроса об опубликовании соглашения о Константинополе и проливах.

Царское правительство, дав в начале войны различные обещания полякам, не предприняло, однако, в течение двух лет никаких шагов для реализации этих обещаний; только в апреле 1916 г. Сазоновым был выработан проект польской автономии. Но этот проект, с которым согласился и Николай II, встретил противодействие со стороны Штюрмера. Сазонов был уволен в отставку, — но вопроса об автономии, тем не менее, не снял с очереди и ставший министром иностранных дел Штюрмер, который предполагал опубликовать подобный акт, хотя и в значительно урезанной, по сравнению с проектом Сазонова, форме. В основу акта были Штюрмером положены начала «областной автономии». 18 июля этот акт был закончен обсуждением в совете министров и представлен Николаю. Но затем дело приняло совершенно иной оборот благодаря настояниям Александры Федоровны: подготовив соответствующую почву в письмах к мужу, она 22 июля обратилась к нему с просьбой «задержать разрешение польского вопроса» до ее приезда в ставку, о чем Штюрмером, по ее распоряжению, была отправлена Николаю телеграмма. Затем, при докладе по этому вопросу Николаю, Штюрмер (21 вагуста) не получил определенного ответа, но при следующем докладе (10 сентября) царь высказал ему уже свое окончательное решение, что он предполагает опубликовать этот акт «только по вступлении русских войск в занятые неприятелем пределы Польши». Таким образом, этот вопрос был снят с очереди.

Какую же цель преследовала настаивавшая на этом Александра Федоровна и распутинская группа, агентом которой она являлась? По всей вероятности, цель была именно в том, чтобы, в виду подготовки сепаратного мира с Германией, не обострять вопроса о Польше такими обещаниями, которые в известной степени связывали бы рус-

скую политику. В такой тактике некоторые не без основания видели «ловкий ход для примирения с Германией».

Не менее характерен образ действий Николая II и в вопросе об опубликовании сообщения по поводу состоявшегося соглашения об «уступке» России Константинополя. Этого опубликования давно желало русское правительство, и, после предварительного обмена мнений по этому поводу Штюрмера с представителями союзников, Николай, в личном письме к английскому королю Георгу, от 29 августа 1916 г., возбудил перед ним вопрос о желательности опубликовать сообщение о том, что Англия и Франция считают обладание России Константинополем «неизменным условием мира». Английский статс-секретарь по иностранным делам Грей согласился с возбужденным вопросом (3 сентября), но просил небольшой отсрочки. Сообщая об этом русскому послу в Лондоне Бенкендорфу (5 сентября), Штюрмер говорил о «чрезвычайном желании дать русскому общественному мнению удовлетворение», но предлагал Бенкендорфу говорить с Греем по этому поводу только в том случае, если Грей сам поднимет этот вопрос. Когда же Грей, действительно, заговорил об этом с Бенкендорфом, сообщив, что у него готово уже предисловие к этим документам, и все дело остается лишь за Францией, то Штюрмер, в ответ на сообщение о этом Бенкендорфа, з а б и л о т б о й. Это видно из следующей телеграммы Штюрмера послу в Лондоне, от 30 сентября 1916 года:

«При переговорах с лордом Греем по поводу опубликования соглашения о Константинополе и проливах, благоволите иметь в виду, что, поднимая этот вопрос, я отнюдь не настаиваю на немедленном назначении срока опубликования. Понятно, что для устранения всех встречающихся на этом пути препятствий потребуется некоторое время».

Между тем уже само английское правительство не хотело теперь медлить с этим вопросом и вело с Францией переговоры относительно опубликования, хорошо понимая, что оглашение факта «уступки» Константинополя, еще более привязывая Россию к «союзникам», будет лишним грузом в их пользу против колебаний царского правительства в сторону Германии. Однако, на телеграмме Бенкендорфа, от 5 октября, где сообщалось об этих стараниях

Англии, Николай сделал следующую, весьма характерную отметку: «Не нужно торопиться» (Ц. Ставка. 12 октября 1916 г.) [32]

Таким образом, Николай и Штюрмер стремились теперь, вопреки своим первоначальным желаниям, затормозить опубликование этого соглашения.

Все это, так же как отношение к «польскому вопросу», показывает, что правящая группа, действительно, «протягивала руку» Германии, но ее руководящая милитаристская группа не оценила этих усилий. Наоборот, воспользовавшись тем, что царское правительство отказалось от мысли опубликовать акт о Польше, германское правительство, по инициативе военного командования, 22 октября (5 ноября н. ст.) 1916 года возвестило, как известно, об организации польского королевства под германским главенством.

Однако, наиболее умеренные австро-германские круги находили этот акт крупнейшей политической ошибкой; такого мнения был, например, министр Эрцбергер, который опубликование этого акта считал «положительно политической катастрофой для центральных держав», так как этим актом, по взгляду Эрцбергера, австро-германцы «глубоко подсекли единственную возможность мира» [33].

В связи с рассматриваемыми нами здесь фактами, представляет интерес еще один вопрос: как относились фактические правители России императрица Александра Федоровна и Распутин к союзникам, продолжавшим подстегивать царское правительство к продолжению войны? Некоторые характерные штрихи для ответа на этот вопрос дает переписка Романовых. Так, в письме Александры Федоровны, от 2 ноября 1915 г., мы читаем:

«Я предвижу ужасные осложнения по окончании войны, когда надо будет разрешать вопрос о балканских государствах, и опасаюсь, что эгоистическая политика Англии резко столкнется с нашей».

Это — пока еще только недоверчивость, и притом разумная. Но приведем другой отзыв, позднейший. Погибает английский фельдмаршал Китченер, организатор английской армии, — и вот, как реагирует на эту смерть руководитель Романовых, Распутин:

«Она (Вырубова), — пишет А. Ф. Николаю 5 июня 1916 года, — забыла тебе сказать, что, по мнению нашего Друга, для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он мог бы причинить вред России, и что нет беды в том, что вместе с ним погибли его бумаги».

При этом Александра Федоровна объясняет мотивы такого взгляда Распутина:

«Видишь ли, его всегда страшит Англия, какой она будет по окончании войны, когда начнутся мирные переговоры».

Суждение Распутина о том, что Англия помешает русской буржуазии урвать некоторые намеченные ею лакомые куски, имеет, несомненно, свои основания, но каково это трогательное, христианское отношение к гибели вождя союзников!

Это, во всяком случае, показывает, что и у Распутина и у Александры Федоровны была достаточная «психологическая» почва для измены Англии, для примирения с Германией.

Но примирения не последовало. Видимо, отчаявшись достичь сепаратного мира, германцы 29 ноября (ст. ст.) 1916 года сделали общее, ко всем своим противникам, предложение приступить к переговорам о мире. А незадолго до этого, 12 ноября, был уволен от своих должностей Штюрмер, на которого возлагались такие надежды, как на сторонника соглашения с Германией.

Перейдем теперь к последним дням 1916 и первым неделям 1917 года, когда происходила решительная мобилизация всех русских реакционных сил, готовившихся своим контр-ударом «подавить» надвигавшуюся революцию. Перед царской властью ставилась тогда дилемма — или продолжение войны и революция, или прекращение войны (т. е. сепаратный мир) и попытка подавления революции. Само собой понятно, какой путь избирали правые, которые играли при этом руководящую роль.

Вскоре же после убийства Распутина, которое уже рассматривалось в некоторых кругах, как симптом наступающей революции, один из лидеров «правых», бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков обратился к Николаю с письмом, где намечал ряд мероприятий для борьбы с назревающим «штурмом власти». Николай своевременно

на письмо это определенного ответа не дал, но месяца через полтора, 8 февраля, вспомнил о Маклакове и через Протопопова поручил ему написать манифест о роспуске Государственной думы, которая должна была собраться 14 февраля.

Маклаков — имя вполне определенное: один из самых видных «правых», он был сторонником прекращения войны; по сведениям французской печати, он, совместно с Щегловитовым и бар. Таубе (товарищем министра народного просвещения), еще в конце 1914 года представил Николаю записку о необходимости прекращения войны. Но тогда еще не настало для этого время, — зато теперь Маклаков стал нужен снова.

В ответ на приказание Николая, Маклаков писал ему 9 февраля, что он обсудит внимательно проект предполагаемого манифеста совместно с Протопоповым, и затем будет просить позволения лично представить этот манифест царю. Далее Маклаков говорил:

«Но я теперь же дерзаю высказать свое глубокое убеждение в том, что надо, не теряя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти для того, чтобы встретить все временные осложнения, — на которые Дума и союзы, несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Государственной думы, — подготовленным, уверенным в себе, спокойным и неколеблющимся. Это должно быть делом всего совета министров, и министра внутренних дел нельзя оставить одного в единоборстве со всей той Россией, которая сбита с толку. Власть больше чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего».

Последние слова дают определенный лозунг, в них смысл всего. Гроза висит над монархией, над династией — надо победить внутреннего врага «чего бы то ни стоило». И хотя Маклаков не договаривает, до какой предельной стоимости можно дойти в расплате за победу над революцией, совершенно ясно, что сепаратный мир вполне входит в эту цену: ведь враг внутренний «стал и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего».

Отсюда уже следует, что надо прежде всего подавить главного — внутреннего врага, а с второстепенным — внешним врагом можно и помириться.

В тесном контакте с «правыми», представителем которых был Маклаков, как и ранее «работали» представители некоторых банковских групп.

В руководящем кругу «правых» была выработана тогда целая программа действий, и лозунг Маклакова — «победа над внутренним врагом, чего бы то ни стоило» — был только ее отзвуком. Эта программа, на которую намекает и сам Маклаков, была изложена в особой, представленной Николаю, записке, составленной во влиятельнейшем кружке «союзника», сенатора Римского-Корсакова. Эта группа, в которую входили и сам Маклаков и Штюрмер, для «подавления мятежа», предлагала осуществить «в нужный момент» следующие мероприятия.

На все высшие государственные посты и на высшие командные тыловые должности назначить лиц, не только издавна известных своей преданностью «единой царской самодержавной власти», но и способных стать «решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией». «В сем отношении, — говорилось в записке, — они должны быть единомышленны и твердо уверены в том, что никакая иная примирительная политика невозможна; они должны, кроме того, клятвенно засвидетельствовать перед лицом монарха свою готовность пасть в предстоящей борьбе, заранее на сей случай указать своих заместителей, а от монарха получить всю полноту власти».

Государственная дума должна быть немедленно распущена, без указания срока нового ее созыва, но с «определенным напоминанием о престоящем коренном изменении статей (86, 87, 111 и 117) основных законов и положений о выборах в Государственный совет и Думу».

В обеих столицах, а также в больших городах, «должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то и осадное), со всеми его последствиями, до полевых судов включительно».

Тотчас же должны быть закрыты «все органы левой и революционной печати».

Все заводы, мастерские и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризованы, с перечислением

всех рабочих, пользующихся отсрочкой, в разряд призванных и с подчинением их всем законам военного времени.

Государственный совет, впредь до общего пересмотра основных законов и окончания войны, остается, но все выходящие из него законопроекты «представляются на высочайшее благоусмотрение с мнением большинства и меньшинства». Самый состав Государственного Совета должен быть реорганизован таким образом, чтобы в числе назначенных в него лиц «не было ни одного из участников так называемого прогрессивного блока» [34].

Вот в главных чертах план, который намечался. Это — программа целого государственного переворота и окончательного упразднения законодательных функций Гос. думы.

Заметим, в связи с этим, что, хотя приведенная программа прямо и не соединена с прекращением войны, тем не менее именно в это время обсуждались вопросы о том, как бороться с «беспорядками», неизбежными при демобилизации. Борьбу с «беспорядками» предполагалось поручить казакам, причем 1 февраля казачий атаман граф Граббе представил Николаю II (очевидно, по его приказанию) доклад, в котором, основываясь на том, что «демобилизация огромной армии не может не сопровождаться серьезными нарушениями порядка», намечал ряд мероприятий для борьбы с этим, — «иначе отдельные вспышки могут, распространяясь, принять характер восстания».

Одновременно с этой подготовкой к подавлению революции (а также и к демобилизации) были сделаны, — как об этом говорят различные источники, — шаги к переговорам с Германией о сепаратном мире.

Первое сообщение об этом известно из секретной телеграммы английского посланника в Копенгагене Пэджета статс-секретарю по иностранным делам Англии Грею, от 10 февраля (27 января ст. ст.) 1917 года. Телеграмма гласит:

«Г. Андерсен уведомил меня конфиденциальным образом, что, по сведениям, полученным от одного шведского банкира, между чинами русского и германского министерств иностранных дел начаты переговоры о заключении сепаратного мира. Посредниками в этих переговорах являются шведско-немецкие банкиры и банкиры германского происхождения в России».

Упоминаемый здесь Андерсен — лицо авторитетное, — это именно он, в качестве посланца датского короля, обращался весной и летом 1915 г. к Вильгельму II и к Николаю II с посредническими предложениями в пользу мира.

Рядом с этим известием следует здесь сообщить, что за несколько дней до этого к русскому посланнику в Стокгольме Неклюдову явился болгарский посланник в Берлине, Ризов, прибывший в Стокгольм со специальной целью сообщить русскому посланнику о желании Болгарии вступить в мирные переговоры с Россией. Но отклика на это Ризов у Неклюдова не встретил, да и самое предложение было сделано в довольно неопределенной форме. Любопытно только отметить, что Ризов, между прочим, заявил Неклюдову, что «через месяц, самое позднее — через полтора произойдут события, после которых, — он уверен, — со стороны русских будет более склонности разговаривать с ними».

Но Ризов этим своей миссии не закончил и отправился из Стокгольма в Христианию к русскому посланнику Гулькевичу. Здесь (22 января — 4 февраля 1917 г.) Ризов поставил вопрос более определенно и прямо заявил Гулькевичу просьбу телеграфировать в министерство иностранных дел «о желании Германии заключить на чрезвычайно выгодных условиях сепаратный мир с Россией».

При этом, хотя Ризов и говорил, что он выступает исключительно по личной инициативе, не имея полномочий ни от германцев ни от своего правительства, тем не менее, — по словам Гулькевича, — «не оставил ни малейшего сомнения, что действовал по поручению германцев».

Но Гулькевич, в ответ на просьбу Ризова, официально отказался сообщить его предложение в министерство иностранных дел (однако, конечно, телеграфировал туда об этом тотчас же).

Ввиду этого отказа Гулькевича. Ризов тогда же уехал из Христиании, предупредив Гулькевича, что он отречется от своего предложения, если посланник кому-либо, кроме своего правительства, сообщит о нем.

Между тем министр иностранных дел Покровский (заменивший Штюрмера), получив и от Неклюдова и от Гулькевича сообщения об этом предложении, дал им дирек-

тивы, в случае новых попыток со стороны Ризова, «выслушать его внимательно и добиться от него более точной формулировки условий» [35].

Таким образом, отказа на предложение сепаратного мира с Германией со стороны русского правительства на этот раз не было... Но стоит ли приведенное выше сообщение Андерсена в какой-либо связи с предложением Ризова — нам неизвестно.

Вместе с тем еще через несколько дней произошло загадочное мирное обращение от России к Австрии. Об этом в своих мемуарах рассказывает австрийский министр иностранных дел граф Чернин.

«В последние дни февраля 1917 года, — пишет Чернин, — произошло любопытное событие: 26 февраля ко мне явился один господин, представивший мне доказательство, что он является полномочным представителем от нейтральной державы. Он сообщил мне, что ему поручено дать мне знать, что воюющие с нами державы, или, во всяком случае, одна из них готова заключить с нами мир, и что условия этого мира будут для нас благоприятны. Он особенно подчеркивал, что об отпадении Венгрии или Чехии от двуединой империи не будет больше и речи. Мне было предложено, в случае готовности пойти навстречу этому предложению, иметь в виду, что это предложение враждебной державы потеряет всякое значение, если только оно станет известным третьей державе, дружественной нам или той» (т. е. той, которая делала это предложение). Мой собеседник не мог сказать ничего больше, но из последних его слов следовало, что предложение исходит от одной из неприятельских держав без ведома других. Я ни минуты не сомневался, что дело идет о России, и мой собеседник подкрепил это предположение, хотя определенно подчеркнул, что утверждать этого он не может».

При посредничестве одной из нейтральных держав, Чернин немедленно телеграфно ответил (куда — им не указано), что Австро-Венгрия готова прекратить кровопролитие, но подчеркнул, что она неотделима от ее союзников. 9 марта на это последовал дальнейший ответ, но не было дано прямого ответа, идет ли речь только о мире с Австрией, или и

с ее союзниками. «Желая как можно скорее добиться полной ясности и не терять ни минуты времени», Чернин немедленно ответил, что просит неприятельскую державу командировать доверенное лицо в нейтральное государство, куда и он с своей стороны тотчас же направит представителя. Но на эту вторую телеграмму Чернин ответа уже не получил и, как сам он подчеркивает, семь дней спустя царь был свергнут.

«Очевидно, — прибавляет Чернин, — с его (царя) стороны дело шло о последней попытке спастись, и вполне возможно, если бы она имела место на несколько недель раньше, то судьба не только России, но и всего мира, приняла бы другой оборот» [36].

Чернин говорит обо всем этом так осторожно и с такими подробностями, что нет оснований заподозрить правильность его сообщения, тем более что он вообще очень добросовестно относится к изложению других подобных фактов.

Но является вопрос, как примирить эти два сообщения — Андерсена и Чернина. В этом отношении возможны, конечно, только предположения. В частности, можно предложить такую попытку примирения этих двух известий. Как видно из слов болгарского посланника Ризова, которые мы приводили выше, он, при своем мирном предложении, ставил условием, чтобы, кроме русского правительства, никто об этом предложении не был осведомлен; в связи с этим вероятно, что Германия держала это предложение в секрете и от своей союзницы Австрии, — тем более, что почти в это же время и Австрия пыталась в т а й н е о т Г е р м а н и и вести переговоры с Францией о заключении сепаратного, по отношению к Германии, мира с союзниками. При таких условиях, возможно, что и та попытка, о которой сообщает Андерсен (если даже она не связана с предложением Ризова), могла быть сделана втайне от Австрии. А в таком случае в правящей русской группе, желавшей начать переговоры о мире, могло явиться естественное желание позондировать по этому вопросу почву и в Австрии. Этим и могут, думается нам, быть объяснены те шаги, о которых говорит Чернин.

Но все это, понятно, лишь догадки: выяснить все эти хитросплетения секретной дипломатии крайне трудно и, во многих случаях, совсем невозможно.

Тем не менее, самый факт попыток правящей русской группы — уже перед самой революцией — приступить к сепаратным переговорам о мире с Германией мы можем считать достаточно достоверным; в этом смысле особенно симптоматичны и цитированная инструкция министра иностранных дел Покровского и сообщаемый Андерсеном факт, что посредниками в переговорах между Россией и Германией являются шведско-немецкие банкиры и банкиры германского происхождения в России,—ту же роль играли эти банкиры и во время стокгольмских переговоров Протопопова, а последний действовал и теперь, активно «спасая» в данный момент совместно с Маклаковым Россию от революции.

Итак, мы можем заключить, что выработанной в кругу «правых» программе внутренней политики — программе подавления революции — вполне соответствовал намечавшийся план грандиозного переворота в области политики внешней — поворота от Антанты к Германии.

Какие же причины помешали правящим кругам сделать решительный шаг к заключению мира?

В общем, яснее других здесь выступают следующие три причины.

Во-первых, это то, что романовская власть, естественно, боялась пойти на разрыв с англо-французским капиталом, да и не была расположена отказаться от тех территориальных захватов, которые сулило ей продолжение войны в согласии с союзниками.

Вторая причина — и для Романовых, видимо, особенно сильная — связана с убеждением их, что заключение сепаратного мира вызовет революцию со стороны той самой либерально-империалистской буржуазии, которая, ориентируясь на союзников, настаивала на войне до победы.

Наконец, третья причина, вероятно, зависела уже от того, что стоявшая у власти в Германии милитаристская группа не хотела итти на такие условия мира, которые могли бы удовлетворить царизм, и, в частности, не давала ему желательного разрешения вопроса о проливах и Константинополе. К этому надо присоединить и ряд грубых тактических ошибок, допущенных германцами, — особенно издание акта об образовании зависимого от Германии Польского государства; ошибками было, между прочим, и откровенное

расхваливание немецкими газетами Штюрмера, ловко использованное Милюковым в думской речи об «измене», явившейся одной из причин увольнения этого министра, на которого германцы, видимо, не без основания, возлагали такие надежды.

Таким образом, царской России и монархической Германии примириться не удалось, хотя взаимные ожидания этого мира продолжались вплоть до тех пор, пока русская революция не изменила всю международную ситуацию.

Банки и Распутин.

Одним из самых могущественных путей для влияния Германии на Россию, и в частности на Романовых, во время войны, — как, конечно, еще в большей степени в довоенное время, — являлись, несомненно, банки, то есть те экономические связи, которые существовали между русскими и германскими банковскими кругами.

В смысле непосредственного, личного влияния на Романовых главную роль играл Распутин, и этой его ролью чрезвычайно успешно пользовались всевозможные банковские дельцы самых различных калибров, начиная с таких лиц, которые имели связи с крупнейшими европейскими банками и трестами, и кончая мелкими спекулянтами закулисной «черной» биржи. Эти банковские и биржевые дельцы не только проводили через Распутина различные, иногда многомиллионные, аферы, но и давали ему директивы в разнообразных вопросах политики, сообразно с тем, что диктовали им интересы их финансовых операций. Эти директивы Распутин непререкаемым тоном пророка вещал императрице Александре Федоровне, и последняя, обычно без особого труда, добивалась у своего мужа исполнения воли «божьего человека». Таким путем, при посредстве Распутина, осуществлялась связь между банками, с одной стороны, Романовыми и их правительством — с другой.

В этом отношении некоторым банковским группам и отдельным банковским дельцам пришлись весьма на руку даже и «мирные» настроения Распутина. Подобно тому, как отрицательно относились к войне с Германией руко-

водящие слои, отражавших интересы крупных помещиков, «правых» (что мы видели, хотя бы, на цитированной записке Дурново), — точно так же смотрели на перспективы войны с Германией и некоторые группы представителей банковско-промышленного капитала.

В связи с этим можно отметить, что, как сообщает в своих мемуарах император Вильгельм II, Коковцов *, имевший большое влияние в банковских кругах, еще в феврале 1914 г. (когда, по сведениям Вильгельма II, война с Николаем II была уже предрешена) подавал царю записку, в которой советовал не только не начинать войны, но, наоборот, тесно связаться с Германией; Коковцов при этом исходил из убеждения, что, если начнется война, то она будет неудачной и приведет к гибели династию» [37].

Накануне самой войны, когда уже разразился кризис, некоторые банковские группы также предприняли шаги к предотвращению войны. В мемуарах Гельфериха, который был не только крупным государственным деятелем Германии, но, вместе с тем, и одним из руководителей «Deutsche Bank» (Немецкого банка), рассказывается, что «русская партия мира», во главе с тем же Коковцовым, именно в эти решающие дни посылала в Берлин бывшего директора кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдова с директивами воздействовать в берлинском банковском кругу в пользу мирного разрешения конфликта [38]. Этот Давыдов в банковском мире значил едва ли не больше самого Коковцова и, в частности, был председателем правления «Русского для внешней торговли банка», связанного с тем самым «Немецким банком», который возглавлялся Гельферихом.

Итак, уже из этого видно, что у некоторых банковских групп была почва для политического контакта с Распутиным, который всегда отрицательно относился к возможности войны.

В настоящем очерке будут приведены различные факты, показывающие, как на правительственных мероприятиях и назначениях отражалось воздействие окружавших Распутина банковских лельцов. Вместе с тем мы преследуем здесь цель определить то промышленно-банковское ядро, которое стояло в центре государственной машины монархии

---

* Бывший министр финансов и председатель совета министров.

и оказывало решающее влияние на направление политики Романовых.

Русские частные банки, среди которых главную роль играли банки петербургские, были объединены в особую организацию синдикатского типа, носившую название «совета съездов». В руках руководящей группы банков находились различные отрасли русской промышленности, при чем едва ли не самую крупную роль играл банковый капитал в наиболее важной для войны промышленности, металлургической.

Подобно банкам, металлургические предприятия России также были объединены: это объединение носило название «совета съездов металлообрабатывающей промышленности». Председателем этого «совета» был Протопопов, избранный на эту должность (во время «съезда», состоявшегося 29 марта 1916 г.) в качестве нужного человека — товарища председателя Государственной думы, которого металлургические короли рассчитывали держать в своих руках. Кроме Протопопова, в «совет» этот входили: А. И. Путилов—председатель правления Русско-азиатского банка, А. И. Вышеградский — директор Петроградского международного банка и еще два лица, состоявших членами совета этого последнего банка; все эти лица были, вместе с тем, крупнейшими участниками ряда металлургических предприятий.

Среди всех русских банков первое, по своему значению, место, несомненно, занимал Петроградский международный коммерческий банк, — он был «заинтересован» в различных русских акционерных предприятиях с общим их капиталом около полумиллиарда рублей.

Вместе с тем Международный банк, совместно с Русским банком для внешней торговли составлял ту пару русских банков, которая находилась в наибольшей связи с германским капиталом. В некоторых других банках играл главную роль французский и английский капитал, но, несмотря даже на то, что общая сумма французского капитала, вложенного в русские коммерческие банки, была несколько больше количества германского капитала, именно германский капитал был связан с наиболее могущественными русскими банками.

«Крупное участие германского капитала, и в частности германских банков, — говорится в исследовании П. В. Оля «Иностранные капиталы в России» (II, 1922 г.), — в акци-

онерных капиталах наших коммерческих банков оказывало не только сильное влияние на их деятельность, но и почти на все отрасли нашей промышленности, независимо от участия германских капиталов в отдельных ее отраслях».

В частности, наиболее интересные для нас Петроградский международный банк и Русский для внешней торговли банк, — по сведениям, идущим от лица, близко знакомого с закулисными тайнами этих банков (E. Agahd. «Grossbanken und Weltmarkt». Brl. 1914.), — «работали на ¾ немецкими капиталами»[39]; по другим данным, основанным на официальных сведениях, доля «участия» германского капитала была в них меньше, а именно: в Международном банке — 20 миллионов (из общей суммы акционерного капитала в 60 миллионов), в Русском для внешней торговли банке — 24 миллиона (из всего акционерного капитала также в 60 миллионов)[40], — однако есть основание думать, что при таком расчете не могло быть принято во внимание то, замаскированное под разными формами «участие», которое было известно только лицам, близким к этим банкам.

Что касается непосредственного отношения этих банков к германским, то Международный банк принадлежал к концерну берлинского «Disconto gesellschaft» (Учетного общества), являясь, в сущности, «обществом-дочерью» последнего, а Русский для внешней торговли банк зависел от берлинского же «Deutsche Bank» (Немецкого банка).

Международный банк имеет для нас главный интерес не только вследствие того, что он вообще играл среди русских банков руководящее значение, но и потому, что именно от этого банка, точнее — от отдельных его заправил, протягиваются самые крепкие нити к Распутину.

Как в этом международном банке, так и вообще в руководящей банковской среде и в среде металлургистов, наибольшее видную роль играл известный делец Манус и его группа. Имя его еще при царизме не раз фигурировало в печати в связи с именем Распутина; теперь же связь их подтверждается различными, опубликованными после революции данными[41].

Манус был самым крупным акционером Международного банка, — так в январе 1917 г. из 33066 акций, представленных на чрезвычайное собрание акционеров, 13580 принадлежало Манусу (впрочем, до войны еще более крупным, чем

он, акционером был некто Ландсгоф, русский тайный советник и казначей спб. общества германских подданных для оказания помощи нуждающимся соотечественникам); вместе с тем Манус состоял членом совета Сибирского торгового банка (также зависевшего от «Немецкого банка»), директором правления Петроградского вагоностроительного завода, председателем правления Российского транспортного и страхового общества и пр. и пр.

Для характеристики роли Мануса можно отметить, прежде всего, то, что даже сам тогдашний министр финансов арк был, в значительной степени, обязан своей карьерой именно Манусу, а также издателю известного журнала «Гражданин» князю Мещерскому. Манус принадлежал еще до войны к кружку последнего, заведывал в «Гражданине» финансовым отделом, сам кое-что писал в нем (под псевдонимом «Зеленый» и даже частично субсидировал этот журнал. Во время войны, благодаря полумиллионному пожертвованию, Манус получил генеральский чин действительного статского советника, что было устроено при посредстве Распутина.

Приступая к обрисовке роли Мануса и влияния его, через Распутина на Романовых, мы изложим здесь весьма характерную историю о том, как Манусом, вместе с другим крупнейшим промышленно-банковским дельцом, уже упомянутым, Путиловым, был проведен, при посредстве Распутина, 350-миллионный железнодорожный заем.

Мысль о желательности такого займа была первоначально сообщена Манусом и Путиловым одному из видных распутинцев, интимному другу четы Романовых Н. П. Саблину [42] (контр-адмирал, командир царской яхты «Штандарт»). Последний, очевидно, также как-либо «заинтересованный» в этом деле, передал о возникшем проекте Александре Федоровне, — она же сочла нужным сообщить об этом Николаю. 26 апреля 1916 г. она ему писала:

«Н. П. (т. е. Саблин) сказал мне в разговоре о предложении (вероятно, какого-нибудь банкира, но по-моему, оно превосходно) сделать немного попозже внутренний заем на миллиард, на постройку железных дорог, в которых мы банкиры и купцы, страшно разбогатевшие теперь, сразу же сильно нуждаемся. Он будет покрыт почти сразу, так как дадут крупные суммы — ведь они понимают выгоду. Таким

образом, найдется работа для наших запасных, когда они вернутся с войны, и это задержит их возвращение в свои деревни, где скоро начнется недовольство — надо предупредить истории и волнения, заранее придумав им занятие, а за деньги они будут рады работать. Пленные могут все начать. В связи с этим найдется масса работы для раненых офицеров — по линии, на станциях и т. д.».

Александра Феодоровна спрашивает при этом Николая, не может ли она переговорить об этом со Штюрмером, чтобы разработать план, как это сделать, а тот уже затем переговорит с министром финансов Барком.

Из дальнейших писем А. Ф. видно, что «Штюрмер нашел мысль о железнодорожном займе удачной и чрезвычайно своевременной», для приведения же этой мысли в исполнение Штюрмер (вероятно, и раньше знавший от Распутина об этом деле) обещал в тот же день прислать к Александре Федоровне министра финансов Барка.

Вскоре после этого, 18 мая, А. Ф. писала Николаю, чтобы он вызвал к себе Штюрмера для переговоров относительно этого займа, и, очевидно, тогда же была им получена окончательная на это санкция.

Надо заметить, что тогда, когда А. Ф. возбуждала вопрос о займе (апрель 1916 г.), у правительства определенного плана железнодорожного строительства не было. Однако, через полтора месяца, благодаря исключительной (очевидно, вследствие нажима распутинцев) энергии министерства путей сообщения, этот план был разработан: 8 июля 1916 г. министр путей сообщения А. Ф. Трепов уже докладывал Николаю II, что образованное при министерстве путей сообщения особое междуведомственное совещание пришло к заключению, что надлежит соорудить в ближайшее пятилетие не менее 30.000 верст рельсовых путей, т. е. ежегодно строить до 6.000 верст, в том числе 4.000 верст средствами казны, а 2.000 верст — на частные средства.

10 июля Трепов внес в Государственную думу, как видно из его доклада Николаю, законопроект о закреплении по смете чрезвычайных расходов министерства путей сообщения кредитов на пятилетие на постройку новых железных дорог, при чем к этому законопроекту была приложена и предварительная схема железных дорог, намеченных к сооружению в ближайшее пятилетие [43].

Дело, таким образом, шло блестяще, и в сентябре 1916 г. было объявлено о выпуске 4½% железнодорожного займа, гарантированного правительством на сумму 350 миллионов рублей; в этом принимали участие двенадцать железнодорожных обществ. О результатах займа Штюрмер докладывал Николаю 9 октября; из этого доклада видно, что, хотя намеченную Манусом и Путиловым сумму и сократили до 350 миллионов, однако «банкиры и купцы» (т. е. прежде всего те же Манус и Путилов, действовавшие от лица разных банков) покрыли заем в три дня на сумму свыше 1 миллиарда 400 миллионов (как это и предвидели инициаторы займа, проектировавшие выпустить его на миллиард рублей), вследствие чего между подписчиками на заем была произведена соответствующая разверстка.

К истории этой операции надо еще добавить, что к ней имели отношение не только русские банки, но и американский банковский синдикат. В этот синдикат намечено было передать заложенные в русском Государственном банке частными банками облигации этого займа; взамен этого предполагалось получить американскую валюту, которая перепала бы правительству, частные же банки получили бы за эту операцию соответствующий процент. Для обсуждения этого вопроса, по инициативе Протопопова и под его председательством, было собрано особое совещание представителей частных банков [44]. Переговоры по этому вопросу с американским банковским синдикатом от имени синдиката русских частных банков поручено было вести шведскому банкиру Ашбергу, — очевидно, тому самому, который был участником «стокгольмского свидания» Протопопова с Варбургом (банковская фирма «Варбург и К°», в свою очередь, была связана с Русско-азиатским банком, где во главе правления стоял упомянутый Путилов).

Таким образом, на рассказанной здесь истории мы видим технику проведения подобных предприятий. Правда, имя самого Распутина не упоминалось нами в этой истории, но прикосновенность его к этому делу несомненна, так как не только Манус, но и Саблин были своими людьми у Распутина. Между прочим, видно, что по какой-то причине Саблин незадолго до этого несколько отошел от Распутина, но, когда заем был проведен, то Распутин засвидетельствовал Александре Федоровне, что он Саблиным «доволен», так как

«через страдания (!) он (Саблин) совершенно вернулся к нему (Распутину) и к богу».

Инициатором этого займа, так блестяще проведенного Александрой Федоровной, был, как мы видели, кроме Манусa, также А. И. Путилов. Это был крупнейший промышленник и банковский делец: председатель правления Общества Путиловских заводов, председатель правления Русско-азиатского банка, член «совета съездов металлообрабатывающей промышленности» и участник многих акционерных металлургических и нефтепромышленных предприятий. Путилов этими банковскими и промышленными связями был тесно соединен как с англо-французским, так и с германским капиталом. В этом последнем отношении особенно интересна связь Путиловских заводов с знаменитой германской фирмой Берты Крупп. До войны, в феврале 1914 г., наделал много шума и произвел тревогу во Франции инцидент с попыткой англо-германского синдиката овладеть большинством акций Путиловского завода.

К числу афер, проведенных компанией Путилов — Манус относится также интересный эпизод с попыткой секвестра Путиловского завода, о чем рассказывает в своих мемуарах председатель Гос. думы Родзянко.

Как раз в то время, когда, благодаря работе «особого совещания по обороне» и других общественных организаций, начала налаживаться поставка в армию снарядов, неожиданно встала возможность закрытия одного из самых крупных по этой части заводов — Путиловского. Причина этого оказалась в том, что председатель правления Общества Путиловских заводов А. И. Путилов, желая сорвать с правительства субсидию в 36 миллионов рублей, устроил так, что Русско-азиатский банк в лице его председателя правления — того же самого А. И. Путилова — закрыл Путиловскому заводу кредит. Когда этот маневр был произведен, то Путилов и стал требовать от правительства субсидий, грозя в противном случае остановить завод. «Так как, — говорит об этом Родзянко, — завод работал для войны, то естественно было ждать, что перед ассигновкой не остановятся, хотя бы и в тридцать шесть миллионов».

Однако, некоторым членам Думы была ясна закулисная подкладка этой истории, и ввиду этого Родзянко предложил, вместо выдачи субсидии, просто секвестровать завод.

«Решение о наложении секвестра было принято в совещании (по обороне) почти единогласно, — рассказывает Родзянко, — но неожиданно получилось высочайшее приказание вновь пересмотреть вопрос. Это было сделано с помощью того же Распутина, с которым Путилов, на всякий случай, поддерживал хорошие отношения. Действительно, в следующем заседании все представители министров голосовали против секвестра, и один из них, адмирал Гирс, встал и открыто заявил: «Мне приказано голосовать против» [45].

Таким образом, вследствие воздействия Распутина, секвестр был отклонен. Однако, в конце концов Николай велел все-таки секвестр произвести. Афера Путилова на этот раз не прошла, но это был редкий случай, объясняемый, вероятно, тем, что дело это получило большую огласку.

Помимо финансовых афер, Манус занимался и «политикой»: его имя связывалось в свое время со всеми слухами о стремлениях правящей русской группы к сепаратному миру, а французский посол Палеолог утверждает даже, что Манус был агентом Германии, притом наиболее влиятельным.

Вот по этому поводу слова Палелога:

«Не думаю, чтобы среди тайных агентов, которых Германия держит в русском обществе, она имела более активных, более ловких, более влиятельных, чем банкир Манус. Добившись обычным путем разрешения жить в Петрограде, он приобрел в последние годы значительное состояние маклерством и спекуляцией. Деловое чутье внушило ему мысль о близости к самым махровым защитникам трона и алтаря. Так, он рабски пресмыкался перед князем Мещерским, знаменитым редактором «Гражданина». В то же время его скромная и находчивая щедрость снискала ему мало-помалу расположение всей шайки Распутина.

«С начала войны, — пишет затем Палеолог, — он (Манус) ведет кампанию за скорое примирение с центральными державами, к нему очень прислушиваются в мире финансов, причем у него есть связи с большинством газет. Он находится в беспрерывных сношениях с Стокгольмом... т. е. с Берлином».

В дальнейших словах Палеолога высказывается мнение, что Манус «является главным распорядителем германских субсидий в России». У него, по словам Палеолога, ежене-

дельно обедает Распутин; сюда же приглашаются адмирал Нилов (приятель Николая II и его собутыльник), Белецкий, поддерживающий постоянные сношения через Вырубову с Александрой Федоровной, и другие влиятельные лица.

«Распутин, — говорит Палеолог, — скоро пьянеет и болтает без удержу. Я не сомневаюсь, что подробный отчет об этих оргиях отправляется в Берлин, подкрепленный комментариями и точными подробностями» [46].

Таковы слова Палеолога. Конечно, его сообщения нередко бывают далеки от достоверности, и с тем большей осторожностью нужно отнестись к его словам в данном случае, когда речь идет о шпионаже: но, даже и независимо от свидетельства Палеолога, несомненна, как мы видели, тесная связь Мануса с германским капиталом, — а эта связь, конечно, диктовала ему и ту политическую линию, которая была выгодна Германии. В этом смысле, надо думать, Манус влиял и на Распутина.

Не имея личной связи с Романовыми, Манус входил, однако, в соприкосновение с ними, и не только через Распутина, но и через своего подручного, шталмейстера Бурдукова, о котором мы скажем ниже, и через Вырубову. Бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов показывал Следственной комиссии, что в его руки попадали перлюстрированные телеграммы за подписью «Зеленый» (т. е. Манус), адресованные Вырубовой, — последняя же передавала их во дворец.

Вокруг Мануса, как биржевого «туза», естественно, группировался целый ряд «сотрудников», в числе которых главную роль играло несколько лиц из кружка князя Мещерского, к которому, как мы упоминали, примыкал и сам Манус.

Среди этих лиц наиболее заметной фигурой был Бурдуков, участвовавший вместе с Манусом в различных предприятиях. Бурдуков, имевший значение и при дворе, выдвинулся на придворную арену исключительно потому, что он был одним из любимых «сожителей» издателя «Гражданина» кн. Мещерского; интимных отношений к последнему было достаточно для того, чтобы Бурдуков (быв. армейский офицер) получил генеральский чин, придворное звание и был назначен членом тарифного комитета министерства финансов. Вследствие разных фиктивных должностей и командировок

Бурдуков нажил довольно большие средства, — это (а также полученное позднее от Мещерского наследство) дало ему возможность пуститься в разные коммерческие предприятия, а «близость» к Мещерскому обеспечила сотрудничество с Манусом. Последний, — по словам министра внутренних дел Хвостова, — держал Бурдукова на большом жалованьи, чтобы посылать для проведения разных дел, тогда как сам Манус предпочитал оставаться в тени.

Эти связи Бурдукова дали ему, между прочим, возможность возбудить в 1914 г., незадолго до войны, в министерстве финансов ходатайство о предоставлении ему грандиозной концессии на ипотечные банки в Польше. Осуществлению этого плана помешал, однако, другой придворный аферист князь Андроников, который, естественно, не мог допустить, чтобы такое крупнейшее дело досталось его сопернику, и потому, под предлогом «защиты прав» поляков, настоял через Горемыкина на отклонении этого проекта.

Бурдуков находился в близких отношениях также с Протопоповым и даже официально состоял при министре внутренних дел, «помогая», в некоторых отношениях, Протопопову в его управлении министерством: так, когда Протопопов вступал в должность министра, то речь, произнесенная им по этому случаю перед служащими министерства, была, — по признанию самого Протопопова, — написана Бурдуковым.

Одновременно с этим на Бурдукове лежала обязанность передавать Протопопову взятки от Мануса. Так, например, Протопопов получил от него, при посредстве Бурдукова, 50 тысяч на покупку какой-то муки будто бы для «лавок общества борьбы с дороговизной».

К этой же компании принадлежало, по своим финансовым связям, и еще одно лицо, о котором также следует упомянуть: это — И. И. Колышко, чиновник особых поручений министерства финансов, журналист, промышленный и банковский делец; в этой последней области он фигурировал, как член совета общества Брянского завода, как директор правления общества Тавризской железной дороги, кандидат в директора товарищества Петроградского вагоностроительного завода и проч. Как раз через эту последнюю «должность» Колышко связывался с Манусом, так как последний был здесь директором правления.

Принимая участие в этих предприятиях, Колышко во время войны неоднократно ездил в Стокгольм и Копенгаген, «имея поручения от металлургического треста» насчет покупки стали и т. п.; имеются также сведения, что Колышко сыграл «не последнюю роль» в подготовке свидания Протопопова с Варбургом.

Точно так же принимал Колышко участие и в организации протопоповской газеты «Русская воля». Однако, когда «Русская воля» организовалась. Колышко «в газету не пустили», так как «к этому времени определилось нечто такое, что делало его (Колышко) работу в печати уже невозможной» [47]. Позднее, после революции, в мае 1917 г., Колышко был арестован по обвинению в шпионаже.

Вместе с тем можно отметить, что, подобно Бурдукову и другому аферисту — Манасевичу-Мануйлову, Колышко сделал себе карьеру, главным образом, благодаря «близости» к кн. Мещерскому.

Все приведенные нами данные соединяют несколько имен: Манус, Протопопов, Колышко, Бурдуков. От всех лиц из этой компании протягиваются через Распутина, Протопопова, Бурдукова нити к романовскому «трону», — другие пути от той же кампании идут к германскому капиталу.

В связи с этим, небезынтересно указать на то таинственное общение, которое перед самой революцией происходило у этой финансовой группы с представителями так называемых «правых», а также и с самой императрицей Александрой Федоровной.

24 февраля 1917 г. А. Ф. сообщала Николаю про их общего приятеля, уже известного нам, Саблина.

«Он обедает сегодня с Маклаковым, Калининым, Римским-Корсаковым и др. у Бурдукова».

Это был, конечно, не столько обед, сколько политическое совещание; на нем у доверенного лица Мануса, Бурдукова заседали: министр внутренних дел и председатель металлургического синдиката Протопопов («Калинин»), Маклаков, который в эти дни по поручению Николая должен был «спасать Россию» от «внутреннего врага», один из главарей «союза русского народа» Римский-Корсаков, «личный друг» Николая Саблин и другие последние защитники «престола».

Видимо, на этом обеде, который был, наверное, важнее многих заседаний «совета министров», были приняты какие-то серьезные решения, — по крайней мере, через два дня после этого Бурдуков стал настаивать на необходимости его личного свидания с Александрой Федоровной. Об этом 26 февраля она писала мужу:

«Бурдуков настаивает на том, чтобы повидать меня сегодня, а я так надеялась никого не видеть».

Нам неизвестно, конечно, что сообщил представитель Мануса 26 февраля императрице, — мы хотим только отметить, что, по всей вероятности, именно в этом кружке — Протопопов, Маклаков, Манус, Бурдуков и К-о. — намечались последние решения о сепаратном мире.

От Мануса и его группы мы перейдем теперь к «деятельности» весьма близкого к Распутину придворного авантюриста князя Андроникова, при энергичном участии которого был, после разгона в сентябре 1915 г. Государственной думы, выдвинут на пост министра внутренних дел А. Н. Хвостов, бывший нижегородский губернатор, член Государственной думы фракции «правых»; нам придется здесь говорить о нескольких обстоятельствах, связанных с карьерой последнего. Но имена Андроникова и Хвостова влекут за собой еще третье имя — директора Соединенного банка графа Татищева, о котором мы также будем здесь упоминать.

В то время, когда Распутин уже достиг своего полного могущества, Андроников, в сущности, стал самым близким к нему человеком; однако, влияние Андроникова продолжалось недолго; в январе 1916 г. он был заподозрен вместе с А. Н. Хвостовым в организации покушения на Распутина, и вследствие этого как последний, так и Александра Федоровна порвали с ним всякие связи.

Официальной профессии Андроников не имел никакой, если не считать, что он состоял «чиновником особых поручений» сперва при министерстве внутренних дел, а затем при синоде, и движущим мотивом всей своей обширной «общественной деятельности» он считал патриотические мотивы; на вопрос, что он представляет собой по профессии, Андроников гордо отвечал: «Гражданин, желающий как можно больше принести пользы», — или же, что он «человек в настоящем смысле этого слова, интересующийся всеми

вопросами государственной жизни, близко принимающий все к сердцу и желающий принести как можно больше пользы».

Сообразно с такими целями, Андроников считал своим долгом вести знакомство со всеми министрами, переносить сплетни от одного из них к другому, давать им свои советы, подносить каждому новому министру икону, а жене министра букет; кроме того, для большего успеха своей деятельности, он стал даже издавать в 1916 г. журнальчик «Голос Руси» (в духе «Гражданина» князя Мещерского).

Естественно, что Андроников занимался вместе с тем и коммерческими предприятиями: сначала пытался организовать «марганцевое предприятие» на Кавказе, а потом, во время войны, был занят «крупной операцией по покупке (при содействии военного министра Сухомлинова), на акционерных началах, в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям» [48].

Этих данных нам пока достаточно, и мы прямо перейдем к вопросу о том, как проведена была Андрониковым кандидатура Хвостова в министры.

В переписке Романовых, которая является лучшим источником для выяснения тогдашних политических махинаций, упоминание о кандидатуре Хвостова мы встречаем впервые в письме А. Ф. к Николаю от 22 августа 1915 г.

«Я надеюсь, — пишет А. Ф., — что Горемыкин одобрит назначение Хвостова — тебе нужен энергичный министр внутренних дел; если он окажется неподходящим, можно будет его позднее сменить — беды в этом нет. Но, если он энергичен, он может очень помочь, и тогда со стариком (Горемыкиным) нечего считаться. Если ты его берешь, то телеграфируй мне «хвост (thail) годится», и я пойму».

Однако, еще не получив ответа от мужа, А. Ф. узнала, что Горемыкин не склонен одобрить назначение Хвостова:

«Относительно Хвостова, — писала А. Ф. Николаю, — он (Горемыкин) думает, что лучше не надо его. Он в Думе выступал против правительства и германцев (он племянник министра юстиции), находит его слишком легкомысленным и не совсем верным в некоторых отношениях».

Николаю, видимо, тоже не хотелось назначать Хвостова: повлияли здесь довод Горемыкина, что Хвостов не желателен, так как «выступал против правительства и германцев»,

или Николай просто боялся назначать энергичного человека — нам это неизвестно.

Нам известно только то, что уже за несколько времени до того, как были писаны цитированные письма, сама А. Ф. были убеждена в в больших достоинствах Хвостова; это объясняется тем, что Андроников, летом 1915 г. особенно сблизившийся с Распутиным, проник через него в большое доверие к Вырубовой и повел там агитацию в пользу назначения министром внутренних дел Хвостова, а товарищем его — Белецкого, и, как видим, эта агитация была настолько убедительна, что А. Ф. выставила перед Николаем кандидатуру Хвостова еще в то время, когда ни она, ни Вырубова его лично не видали.

Уже позднее Андроников лично привез Хвостова к Вырубовой, и последняя была очарована. Об этом А. Ф. сообщала Николаю в письме от 29 августа:

«Любимый мой, — писала она, — А. (Вырубова) только-что видела Андроникова и Хвостова; последний произвел на нее прекрасное впечатление (старик * против него, я же его не знаю, и потому не знаю, что сказать). Он очень тебе предан, говорил с нею спокойно и хорошо о нашем Друге, рассказал, что на завтра готовится запрос в Думе о Григории; просили подписи Хвостова, но он отказал и заметил, что, если этот вопрос будет поднят, то амнистия не будет дарована. Они подумали — и опять отказались от запроса. Он рассказал такие ужасы про Гучкова. Был сегодня у Горемыкина, говорил про тебя, что ты спас себя, приняв командование, — Хвостов поднял вопрос о германском засилье и дороговизне мяса, чтобы левые их не поднимали. Теперь, когда это обсуждается правыми, это безопасно. Вообще она им очарована».

После того, как Вырубова была так очарована Хвостовым, А. Ф. повела перед Николаем энергичнейшую агитацию в пользу его назначения. Каких только доводов не выставляла А. Ф., чтобы его выдвинуть: «Хвостов, — говорила она, — надеется все наладить через 2-3 месяца»; он будет защищать «нашего Друга» и, следовательно, «Бог благословит его работу»; Николай бы, — уверяет А. Ф., — «наслаждался» работой с этим человеком, и, кроме того, как оказывается,

---

* Горемыкин.

именно он ,Хвостов, просил, чтобы ремонтировали раку преподобного Павла Обнорского; в общем «он самый подходящий человек, и наш Друг об этом намекал А. (Вырубовой) в своих телеграммах».

Когда же и сама А. Ф. увидала Хвостова, то она прямо в восторг пришла: «Благословляю и целую тебя без конца, — писала она Николаю, — Хвостов меня освежил, я не падала духом, но жаждала, наконец, увидеть «человека», и тут я его видела и слышала».

Все эти расхваливания и убеждения повторялись почти в каждом письме к Николаю в течение месяца, и, наконец, Хвостов был назначен министром.

Но спрашивается, почему Андроников так старался об этом назначении, почему лично возил Хвостова к Вырубовой, писал о нем, убеждал в его необыкновенных достоинствах?

Ответ мы находим в его собственных показаниях: оказывается, Андроников был восхищен речью Хвостова в Государственной думе о «немецком засилье» (произнесенной 3 августа 1915 г.), и именно эта речь возбудила в нем великую симпатию к Хвостову.

«... После речи Хвостова в Государственной думе, — говорил Андроников, в Следственной комиссии», — которую я прочел, мне чрезвычайно понравилось, что явился человек, который энергично открывает глаза на все, и я искал случая с ним познакомиться. Я высказал желание познакомиться. Тут как тут Червинская: «Помилуйте, это мой друг по Мариенбаду. Я вас с ним познакомлю...» — «Пожалуйста!» Она его пригласила к себе, и мы познакомились».

Затем «совершенно случайно», после этой речи в Думе, Андроников заговорил о Хвостове у Вырубовой; ей речь тоже понравилась. «Какой он умный, — восхищалась она,— как хорошо все знает!» И Вырубова выразила при этом желание повидать Хвостова, а дальше дело вступило на хорошие рельсы, и Хвостов стал министром.

Таким образом, начало этой, проведенной Андрониковым, карьеры идет от речи о «немецком засилье», где Хвостов говорил про немецкие банки и синдикаты. Хвостов предполагал, кроме того, еще более развить позднее эту последнюю тему в другой речи, при чем имел в виду обра-

тить преимущественное внимание на немецкие капиталы в русской электротехнической промышленности, так как Хвостов, — по его словам, — убедился, что именно «около этой электрической промышленности зарыт немецкий капитал, который влиял косвенно на немецкий шпионаж». Особенно, в связи с этим, интересовал Хвостова, — как он показывал в Следственной комиссии, — вопрос об «Электрическом обществе 1886 года», а также о различных военных заказах, исполнявшихся фирмами «Сименс и Шукерт», «Сименс и Гальске», а также «Всеобщей компанией электричества». Об этом намерении Хвостова было, конечно, известно в думском кругу.

По связи с нашей основной темой, нам также придется немного остановиться на вопросе о роли в электротехнической промышленности России германского капитала.

Первой в России начала действовать германская фирма «Сименс и Гальске» («Siemens & Halske Aktien Gesellschaft in Berlin»), открывшая в Петербурге свое отделение, которое в 1898 г. превратилось, при помощи «Немецкого банка» («Deutsche Bank») в акционерное общество под названием «Русские электротехнические заводы Сименс-Гальске». Самым крупным его отделением явилось, особенно интересное в связи с деятельностью Андроникова, «С.-петербургское электрическое общество 1886 г.». В 1889 г. «Сименс-Гальске», совместно с другой крупнейшей германской фирмой «Всеобщая компания электричества» (во главе которой стоял известный Ратенау), учредили «Русский электрический синдикат», который и покрыл, по определенному плану, электрическими сооружениями всю страну. Этим синдикатом был организован в России ряд других крупных предприятий — «Русские акционерные заводы Тюдор», «Акционерное общество соединенных кабельных заводов в Петербурге» и проч.

Что касается особенно близкого к нашей теме «Общества 1886 г.», то его акции на русской бирже вовсе не котировались, а интересы русских акционеров обслуживались в Берлине, где котировались акции этого предприятия, германскими банками. «Общество 1886 г.» было связано в России с Петроградским международным банком, также, как мы уже видели, «работавшим» при крупном участии германского капитала [49].

Учитывая германский характер «Общества 1886 г.», может стать вполне понятным, почему Андроников, как ярый патриот, постарался привлечь, к власти Хвостова: ясно, что последний, согласно ведшейся правительством борьбе с «немецким засильем», мог бы пригодиться в этом деле. Понятно, что поэтому же и Александра Федоровна и Вырубова, как истинные патриотки, всеми силами старались поддержать кандидатуру Хвостова.

Такое объяснение вытекает вполне естественно. Но это только так кажется. Дело принимает совсем другой оборот, и «патриотизм» Андроникова получает совсем иную окраску: оказывается, сам Андроников является не кем иным, как радетелем интересов этого самого «Общества 1886 года»...

Однако, раньше, чем говорить об этом, надо сделать маленькое пояснение: дело в том, что ликвидации «Общества 1886 года», как германского предприятия, настойчиво добивалась московская городская дума, добивалась на том же самом основании, по которому были ликвидированы другие германские предприятия, — однако, правительство, несмотря на все настояния московской думы, так и не ликвидировало «Общества 1886 г.». И это, несмотря на всю ту травлю, которая шла не только против германских предприятий, но и против отдельных немцев и полунемцев... Это объясняется тем, что у «Общества 1886 г.» нашлась сильная защита, и наиболее энергичным защитником его в 1915 году был как раз Андроников.

Относительно роли его в этом деле говорит тот самый Белецкий, которого Андроников одновременно с назначением Хвостова поставил в товарищи министра.

Белецкий, со слов самого Хвостова, в свое время узнал, что «явно неблагоприятное отношение Горемыкина к неоднократным настойчивым просьбам московской городской думы о передаче городскому общественному управлению «Общества электрической энергии 1886 г.» объясняется далеко небескорыстными комиссионными услугами, оказанными «Обществу» со стороны князя Андроникова».

Однако, Хвостов, по своем вступлении в должность, выразил намерение вновь возбудить в совете министров вопрос о необходимости удовлетворить ходатайство московского городского управления и просил Белецкого выяснить,

какое это произведет впечатление на Горемыкина и на Андроникова.

«Когда я, — говорил Белецкий в своих письменных показаниях в Следственной комиссии, — при первом свидании с князем Андрониковым, сказал ему о полученной А. Н. Хвостовым в Москве просьбе городского общественного управления о передаче в пользование последнего всех предприятий «Общества» и о том, что А. Н. Хвостов предполагает своим заступничеством за московские городские интересы показать не только ведомственную политику в отношении его к интересам городов, но и наглядно оттенить этим его первые начинания в государственном вопросе борьбы с немецким засильем, то князь Андроников растерялся, начал объяснять, что это не немецкое, а швейцарское предприятие, показал мне брошюры, в этом направлении изданные, и сказал, что если А. Н. Хвостов начнет снова подымать этот вопрос в совете министров, то Горемыкин ни за что этого не допустит, так как Горемыкин составил об этом деле себе иное представление. Прося моего воздействия на А. Н. Хвостова, Андроников заявил, что, если А. Н. Хвостов хочет с ним окончательно разойтись, то пусть попробует итти в этом деле против Горемыкина, но он, князь думает, что А. Н. Хвостов настолько умный человек, что учтет все обстоятельства и не станет ссориться с ним, князем, и Горемыкиным, на что он, князь Андроников, и сам ему, Хвостову, укажет. Затем я, — говорит Белецкий, — будучи у Горемыкина через день, в той же форме, что и князю Андроникову, передал Горемыкину о существе намерений А. Н. Хвостова в деле «Общества 1886 г.» и тоже увидел, что, при всей выдержанности этого человека, производившей на многих, мало его знающих, впечатление полного безразличия к делам государственного порядка, Горемыкин проявил нервную восприимчивость к этому моему докладу, Горемыкин, показав мне журнал совета министров, заявил, что он не позволит вновь обсуждать этот вопрос и что, в случае выступления А. Н. Хвостова в совете по поводу пересмотра этого дела, он должен будет обратиться к государю».

Из дальнейших слов Белецкого видно, что он передал обо всем этом Хвостову, отметив при этом, что «судя по всему, действительно, ему, А. Н. Хвостову, придется считаться

с последствиями своего выступления в совете по этому делу», вместе с тем Белецкий сообщил и Андроникову, что его с ним разговор он передал Хвостову, при чем Андроников отвечал, что он, после этого разговора, сам был у Хвостова и думает, что А. Н. Хвостов «не будет по этому вопросу выступать в совете».

Эти данные позволяют уяснить, какова была цель рекомендации Андрониковым в министры Хвостова: цель была та, чтобы, во-первых, парализовать возможность его выступлений в Думе против этого «Общества» и других германских трестов, и, во-вторых, подкупив Хвостова министерской карьерой, иметь в нем посредством этого такого человека, который, в качестве министра, не смел бы пойти против интересов «Общества 1886 г.».

Это потом признал и сам Хвостов; указывая в Следственной комиссии на цель своего назначения министром, он говорил:

«Цель была та, чтобы меня взять в среду правительства, с тем, чтобы не было выступлений о немецких капиталах и, главным образом, об электрических предприятиях».

В результате, все это дело показывает, что сам Хвостов, пытавшийся бороться с «немецким засильем», попал в министры только для защиты германского капитала и, таким образом, сам пал жертвою этого «засилья».

Добавим к этому, что, как мы отмечали, позднее Андроников был отстранен от себя Распутиным, но у «Общества 1886 г.» были и другие мощные защитники, так что твердая его позиция не поколебалась. Московская городская дума, во главе с кадетом Челноковым, не переставала, тем не менее, настаивать на ликвидации «Общества» гнилоть до революции. Дело, однако, окончилось тем, что «Общество» не только не было закрыто, но и получило в конце 1916 г. от прислуживавшегося к Распутину министра торговли и промышленности кн. Шаховского гарантию на заем в банках на 4 милилона рублей [50].

Так окончилась длительная борьба, где на одной стороне выступала московская городская дума, на другой — германское электрическое общество, поддерживавшееся могущественным германским трестом, связанным с германскими же банками и с русским Международным банком, простыми

агентами которых были в этом деле как князь Андроников, как Распутин, так и отчасти и Александра Федоровна.

По связи с именем А. Н. Хвостова мы перейдем теперь к характеристике обстоятельств карьеры (правда — неудачной) графа В. С. Татищева.

Хвостову, когда он стал министром, захотелось иметь, в качестве министра финансов, близкого к себе человека; это ему нужно было, прежде всего, для беспрепятственного распоряжения десятимиллионным фондом, отпущенным Хвостову для подготовки выборов в V Государственную Думу. Вследствие этого у Хвостова и явилась мысль провести в министры финансов своего родственника графа Татищева.

Татищев — довольно крупная фигура в банковском и промышленном мире. Он был председателем правления и директором Соединенного банка (в Москве), председателем правления товарищества для торговли в Персии и Средней Азии, участвовал в крупнейших золотопромышленных, железнодорожных и страховых предприятиях.

В ноябре 1915 г. Александра Федоровна, по инициативе А. Н. Хвостова и при поддержке Распутина, выдвигает в письмах к Николаю кандидатуру этого Татищева в министры финансов. Надо сказать, что тогдашний министр финансов Барк хотя и старался по мере сил, угождать Распутину, но, видимо, все-таки не в той мере, которая вполне обеспечивала благосклонность последнего. К тому же Барк скомпрометировал себя в глазах Романовых участием в коллективном заявлении министров по поводу смены вел. кн. Николая Николаевича, и этого Александра Федоровна никак не могла ему простить. Таким образом, у Барка не было здесь устойчивой почвы, а Хвостову, как мы видели, хотелось приставить к русским финансам «родного человечка».

В связи с такими обстоятельствами, Александра Федоровна, взявшаяся за это дело, писала своему мужу 13 ноября 1915 г., между прочим, следующее:

«Знаешь ли ты графа Татищева (банковского) из Москвы? Я думаю, это сын или племянник старого генерал-адъютанта. Он очень предан тебе, говорят, что ты его знаешь, он очень любит Григория, не одобряет московское дворянство, к составу коего принадлежит, уже далеко

не молод. Он приходил к А. (т. е. к Анне Вырубовой) поговорить, видит ясно ошибки, сделанные Барком, — вероятно, относительно займа и его фатальных последствий. Наш Друг говорит, что Татищеву можно доверять, он богат и хорошо знаком с банковским миром. Было бы хорошо, если бы ты повидал его и выслушал его мнение. Она (Вырубова) говорит, что он очень симпатичен. Я могу с ним познакомиться. Но только моя голова, я уверена, никогда не разберется в денежных делах — я так их не люблю. Но он мог бы изложить тебе свой взгляд на дело и помочь тебе советом».

Через некоторое время (19 декабря) А. Ф. вновь поддерживает кандидатуру Татищева, указывая вместе с тем на непригодность Барка. Про последнего она, между прочим, пишет:

«... Он сам не чувствует себя очень твердо на своем посту с тех пор, как подписал это письмо с другими министрами *, которые до сих пор все вышли в отставку, — и поэтому старается более или менее поладить с партией Гучкова. Говорят, что умный министр финансов мог бы легко поймать Гучкова в ловушку и обезвредить его, лишив его денег от евреев».

Оказывается, что к этому времени гр. Татищев уже успел добиться свидания с Александрой Федоровной, и она сообщала тогда Николаю о своих личных впечатлениях:

«Он знающий человек, знает и глубоко уважает нашего Друга и в отличных отношениях с Хвостовым, даже в родстве с ним, — человек очень преданный и желающий только блага тебе и России».

Вся сила аргументации была применена Александрой Федоровной для того, чтобы заставить Николая согласиться на предлагаемое назначение:

«Его (Татищева) имя на устах у многих, — утверждает А. Ф. На него указывают, как на человека, способного спасти финансовое положение и исправить ошибки, сделанные Барком. Он — человек с независимыми убеждениями, не ищет личных выгод, богат, князь (Татищев был лишь графом — *В. С.*) и враг партии Тютчевых и Самариных, «он свой человек, наш и нас не предаст», как говорит Хвостов.

---

* Коллективное заявление относительно увольнения в. к. Николая Николаевича (см. здесь стр. 42).

А его любовь к нашему Другу является несомненным благословением и преимуществом. Подумай и поговори о нем с Хвостовым при свидании. Он, конечно, не в праве вмешиваться в дела, которые его не касаются, но они очень дружно работали бы вместе! Он ненавидит Гучкова и всю московскую клику и произвел на меня очень хорошее впечатление».

Александра Федоровна настойчиво советует мужу повидать Татищева:

«Повидай его, когда приедешь, и поговори с ним по душе».

Вместе с тем А. Ф. утверждает, что, если назначить Татищева, то «совет министров станет работать более дружно — все наладится, — кроме того, они будут защищать нашего Друга из любви к тебе и уважения к нему».

Александра Федоровна расхваливала так Татищева под влиянием А. Н. Хвостова и Распутина. Почему Хвостов выдвигал Татищева — это мы видели, но является вопрос: почему Распутин так рекомендовал графа Татищева? Дело объясняется просто: граф оказывал семье Распутина «материальную поддержку», которая, — по словам Белецкого, — выразилась в крупной сумме — чуть ли не в 100 тысяч рублей.

Не довольствуясь подкупом Распутина, Татищев, для большего успеха дела, свел знакомство с митрополитом Питиримом, Вырубовой, со Штюрмером, с дворцовым комендантом генералом Воейковым; последнему Татищев предложил услуги Соединенного банка по организации акционерного общества для эксплоатации источника минеральной воды «Кувака» (этот источник эксплоатировался ранее Воейковым единолично), и дворцовый комендант, приняв эти услуги, установил с графом Татищевым «хорошие отношения». Вместе с тем, для лучшего воздействия на самого Распутина и устройства с ним частых свиданий, Татищев приставил к нему специальную агентуру в лице своего двоюродного брата, родственника министра внутренних дел А. Н. Хвостова, помощника директора Соединенного банка И. С. Хвостова, — при чем последний денег на это дело (банковских) «не жалел».

Но графу Татищеву всего этого казалось еще недостаточно: министр финансов — такой пост, устойчивое положение на котором во многом зависело не только от русских,

но и от «союзных» с ними французских капиталистов. Поэтому Татищев принял меры к популяризации своего имени во французской печати. Была написана особая статья для французской газеты «Temps», в которой намекалось на желательность привлечения к власти графа Татищева. Устроить эту статью во французской газете, и вообще вести агитацию в пользу гр. Татищева в печати, взялся известный авантюрист Манасевич-Мануйлов, получивший за это, по его собственному показанию, 25 тысяч рублей.

Однако, несмотря на эти взятки Распутину и энергичную, вследствие этого, агитацию Александры Федоровны, назначение Татищева министром не состоялось. Это был редкий и почти исключительный случай, когда рекомендация Распутина не дала желаемого результата. Оказывается, успеху дела помешала другая перекрестная кампания, ведшаяся опять-таки при помощи Распутина... Эту кампанию вел, уже известный нам, Манус.

Таким образом, при посредстве одного Распутина, шли две противоположных комбинации. Распутин, видимо, сам не вполне разбирался в том, за кого выгоднее стоять: за Татищева или за Барка. Но, если в комбинации Мануса на этот раз не входила смена Барка, то это не означает, конечно, что через некоторое время тот же Манус не мог бы занять противоположную позицию: достоинство министра финансов рассматривалось в данном случае только с точки зрения успеха его биржевых комбинаций.

В этом отношении тот же Хвостов приводит характерный рассказ об эпизоде с письмом, полученным Манусом от Саблина (приятеля Николая II). Письмо было такого приблизительно содержания:

«Вы, Иван Порфирьевич (так звали Мануса), мне не приказывайте ругать Барка: вы три дня тому назад приказывали хвалить его — я его хвалил... Как же возможно сразу его ругать?»

«Ругать» или «хвалить» нужно было в Царском Селе, или в ставке — перед Николаем или перед Александрой Федоровной. И что записка могла быть такова, — не текстуально, конечно, а по смыслу, — это вполне вероятно хотя бы уже потому, что Саблин действительно, как мы видели, исполнял роль посредника между Романовыми и Манусом.

Позднее, против Татищева было возбуждено обвинение в «пособничестве неприятелю» (108 ст. угол. улож.). Повидимому, некоторую роль играла здесь интрига того же Манасевича-Мануйлова, мстившего Татищеву за то, что, по инициативе его товарища по Соединенному банку И. С. Хвостова, Манасевич был предан суду. Тем не менее, какие-то темные дела за Татищевым были, и для того, чтобы парализовать все обвинения, Татищев прибег к помощи Протопопова, которому выдал 100 тыс. рублей «на покупку муки» для «лавок общества борьбы с дороговизной». Муки Протопопов, конечно, не покупал, но для того, чтобы пресечь возникшие против Татищева обвинения, решил, в противовес работе, расследовавшей деятельность банков комиссии генерала Батюшина, преследовавшей этого банковского дельца, назначить «наблюдающим за ходом следственных дел» в этой комиссии известного Белецкого, который должен был Татищева защищать. Таким образом, возникшие против Татищева обвинения, связанные с прикосновенностью его к германскому капиталу, были легко замяты.

Перейдем теперь к обзору «деятельности» двух других видных фигур умиравшей монархии — Рубинштейна и Манасевича-Мануйлова.

Рубинштейн был одним из лиц наиболее близких к Распутину; во всяком случае, у них были не менее тесные отношения, чем те, которые у Рубинштейна существовали с различными банками и биржей. В последней сфере он был лицом довольно крупного калибра. Так, он состоял директором и членом правления Русско-французского банка, директором правления общества Петро-макарьевских и Варваропольских каменоугольных копей. Русского акционерного общества для эксплоатации Тацинских каменноугольных копей и антрацитных рудников в Донецком бассейне, страхового общества «Волга», Петроградского общества страхования, членом правления Елисаветградского электрического общества и проч. Этот перечень ясно показывает, в каких отраслях промышленности «работал» Рубинштейн.

Что касается Манасевича-Мануйлова, то хотя он и не посвятил себя специально этого рода деятельности, но, конечно, занимался биржевой спекуляцией и наживал на этом не одну сотню тысяч. Секретный агент департамента полиции, пововременский сотрудник и аферист, Манасевич-Ма-

нуйлов играл крупную роль при Распутине и Штюрмере, назначению которого министром он сам очень много способствовал. Вместе с тем, Манасевич был и агентом некоторых крупных банковских дельцов; в частности, он, в качестве сотрудника «Нового времени», находился, как увидим, ниже, на секретной службе у того же Рубинштейна, владевшего значительным количеством акций этой газеты.

Конечно, все то, что мы будем говорить о Рубинштейне и Манасевиче, интересно не по личности их самих, но по тому, что эти, в конце концов, мелкие пешки обрисовывают не только самих «королей», но и вводят в некоторые, весьма характерные, тайники правительственной политики.

10 июля 1916 г. Рубинштейн был арестован военными властями: несмотря на то, что он был директором Русско-французского банка, он был заподозрен в спекулятивных операциях с немецким капиталом, в чем, конечно, нет ничего удивительного. Против Рубинштейна возникли, между прочим, обвинения в том, что он производил учет векселей «Немецкого банка» в Берлине и выплачивал, через нейтральные банки, деньги кредиторам Русско-французского банка, состоявшим в германском и австрийском подданстве. Рубинштейну также инкриминировалась продажа Русско-французским банком акций общества «Якорь» некоему Висту, что, по заключению следственных властей, могло «послужить в пользу неприятелю», ставилось также в вину взимание высокого комиссионного вознаграждения, в связи с теми заказами, которые выполнялись за границей представителями русского интендантства. Кроме того, он обвинялся в спекуляции хлебом на Волге и пр.

Рубинштейну по некоторым из этих его «операций» было предъявлено обвинение в «пособничестве неприятелю» [51].

Мы не знаем, насколько справедливы были эти обвинения, а потому, не касаясь существа этого дела, отметим лишь его последствия, которые представляются весьма характерными.

Когда Рубинштейн был арестован, то перед Распутиным и Александрой Федоровной встала задача добиться его освобождения, — к этому они и приложили все свои энергичные усилия.

Первые просьбы А. Ф. за Рубинштейна мы встречаем в письме ее к Николаю от 26 сентября 1916 г.: ссылаясь на

мнение Распутина и его прислужника Протопопова, А. Ф. просит Николая, чтобы Рубинштейна «без шума отправили в Сибирь»; «его не следует, прибавляет А. Ф., оставлять здесь, чтоы не раздражать евреев».

Приплетая сюда ни с того с сего евреев, А. Ф. всю вину за это дело пытается свалить на ярого своего врага, Гучкова: ссылаясь на мнение Протопопова, А. Ф. уверяет Николая, что это Гучков подстрекнул военных властей схватить Рубинштейна, в надежде найти доказательства «против нашего Друга». «Конечно, — прибавляет А. Ф., — у него (Рубинштейна) были некрасивые денежные дела, но не только у него одного».

В следующем письме (27 сентября) А. Ф. настойчиво добивается, чтобы Николай переговорил об этом деле с Протопоповым. Но так как ожидаемое решение Николая (находившегося в ставке под некоторым влиянием ген. Алексеева) несколько запаздывает, то в дело вмешивается сам Распутин и шлет Николаю следующую телеграмму (11 октября):

«Ставка. Государю императору.

Очень коротко и ласково беседовали с Калининым *), умоляет, чтобы ему никто не мешал, также контр-разведка, пусть ведет свое дело. Ласково беседовали об узнике, по-христиански. Напиши им всем, чтобы чаще беседовали, они послушают тебя, все-таки дай власть одному, чтобы работал разумом. Новый».

«Узник», о котором идет речь, это и есть Рубинштейн.

Через некоторое время (31 октября) А. Ф. сообщает Николаю тяжелую новость: Рубинштейн «при смерти», (это не мешает ему, однако, здравствовать и поныне где-то за границей). Так как Рубинштейн был арестован по распоряжению военных властей, то А. Ф. предписывает Николаю:

«Протелеграфируй, или же прикажи Алексееву немедленно телеграфировать Рузскому **) о переводе Рубинштейна из Пскова в ведение министра внутренних дел (лучше ты сам телеграфируй, тогда он сразу все сделает)».

Все это А. Ф. высказывает, очевидно, согласно воле Распутина, подобно тому как в этом же письме она, уже прямо ссылаясь на его просьбу, настаивает также на прекращении

*) Придворная кличка Протопопова.

**) Генерал, главнокомандующий северным фронтом.

дела Сухомлинова и даже сообщает текст телеграммы, какую Николай должен послать об этом последнем деле Штюрмеру.

В двух следующих письмах (от 1 и 3 ноября) А. Ф. настойчиво нахоминает мужу о Рубинштейне. В результате всех этих хлопот, дело это передается министру юстиции.

Здесь есть еще одно весьма характерное обстоятельство: Александра Федоровна, как мы видели, требовала ранее, чтобы это дело передали министру внутренних дел (т. е. Протопопову), который, конечно, и освободил бы немедленно Рубинштейна. Не такая передача дела министру внутренних дел, который к этому, по своей должности, никакого отношения иметь не мог, вызвала бы, вероятно, некоторые подозрения у арестовавших Рубинштейна военных властей. Этого приходилось избегать; поэтому было решено передать дело министру юстиции. Но эту должность занимал в то время Макаров, нерасположенный к Распутину. Что оставалось делать? Пустяки: просто взять и сменить Макарова.

К характеристике кампании против этого последнего, которая развивалась в связи как с этим делом, так и с некоторыми другими, мы еще вернемся, а пока отметим, что почти в одно время с хлопотами об освобождении Рубинштейна Александре Федоровне и Распутину пришлось вести борьбу в защиту и Манасевича-Мануйлова, — этого ближайшего советника Штюрмера, арестованного 20 августа 1916 года по обвинению в шантаже и служебном взяточничестве.

10 декабря 1916 г. А. Ф. писала Николаю:

«На деле Мануйлова прошу тебя надписать «прекратить дело» и переслать его министру юстиции. Батюшин, в руках которого находилось все это дело, теперь сам явился к А. (т. е. к Вырубовой) и просит о прекращении этого дела, так как он, наконец, убедился, что это грязная история, поднятая с целью повредить нашему Другу, Питириму и др., и во всем этом виноват толстый Хвостов. Ген. Алексеев узнал об этом после Батюшина. Иначе — через несколько дней начинается следствие, могут снова подняться весьма неприятные разговоры, и снова повторится этот ужасный прошлогодний скандал. Так вот, пожалуйста, сейчас же, не откладывая, отошли дело Мануйлова Макарову, — иначе будет поздно».

Здесь мысль А. Ф. опять встречается с этим нежелательным Макаровым: могут быть «неприятные разговоры», если это прекращение дела Мануйлова пойдет через его руки. Таким образом, и отсюда следовало, что Макарова лучше бы, на всякий случай, уволить.

А. Ф. вполне справедливо указала в цитированном письме на тот мотив, по которому распутинской клике необходимо было замять дело Мануйлова; такими же мотивами, как А. Ф., руководился и вдохновлявший ее Распутин, несколько, впрочем, теперь охладевший к Мануйлову. Относительно этих мотивов Распутина приведем характерные слова Белецкого: «Если, — говорит он, — Распутин до своей смерти поддерживал Мануйлова, то действовал в данном случае не в силу особого расположения к Мануйлову и не под влиянием полученного им от Мануйлова подарка в 5.000 рублей — бриллиантового кольца, купленного для старшей дочери Распутина Мануйловым у Симановича (после выбора бриллианта Вырубовой), а исключительно в своих личных интересах, боясь каких-либо о себе разговоров на суде».

Кроме борьбы за освобождение Рубинштейна и Мануйлова, распутинский круг был крайне заинтересован в рассматриваемое время вопросом о прекращении дела Сухомлинова, но это последнее не входит в пределы нашей темы и, если мы указываем на него, то только потому, что та кампания против министра юстиции Макарова, о которой мы дальше будем говорить, имела целью достигнуть благополучной ликвидации судебных дел всех трех указанных лиц.

Надо сказать, что Макаров был назначен министром 7 июля 1916 г. помимо желания Распутина и Александры Федоровны, и она сразу же выразила мужу неудовольствие по поводу этого назначения. Но до ноября его пребывание в качестве министра не имело особенно актуального для распутинской группы значения, и только в ноябре, в связи с вопросом о назначении судебного разбирательства трех отмеченных дел, явилась, как мы видели, острая необходимость сменить Макарова. К этому и направляются теперь все усилия Распутина.

10 ноября 1916 г. А. Ф. осторожно советует Николаю: «Макарова можно было бы отличным образом отставить — он не за нас». 5 декабря А. Ф. сообщает Николаю уже ре-

шительно, что Распутин «умоляет, чтобы скорее сменили Макарова, и, — прибавляет она, — я вполне с ним согласна». В этом же письме упоминается впервые, в качестве подходящего человека, фамилия Добровольского, который через некоторое время и заменил Макарова.

В следующем письме к Николаю (10 декабря) А. Ф. снова настаивает: «Милый, не уволишь ли ты поскорее Макарова и не возьмешь ли Добровольского? Макаров, действительно, враг (мой безусловно, а потому и твой), не обращай внимания на протесты Трепова».

Кандидатура упоминаемого здесь Добровольского в министры юстиции была выставлена одним из близких к Распутину аферистов — неким Симановичем (раньше был мелким ювелиром, а в это время — ростовщиком). Но сам Распутин (быть может, и не посвященный в тайные дела Симановича, имевшего, как будет видно далее, свои особые на этот счет соображения) высказывался против этой кандидатуры, находя, — как передает Манасевич-Мануйлов, — что нельзя делать министром юстиции «заурядного мошенника» (незаурядного, очевидно, можно). Однако, позднее Распутин изменил это мнение и согласился на это назначение, — конечно, потому, что Рубинштейн, настаивая; через Симановича на назначении Добровольского, пообещал Распутину крупную взятку.

В результате, после еще нескольких ударов А. Ф. по Макарову, последний 20 декабря 1916 г. увольняется от должности министра. На его место назначается «заурядный мошенник» Добровольский.

Следует, однако, сказать, что распоряжение о прекращении дела Манасевича было сделано Николаем еще во время пребывания министром Макарова. Приказание это, бывшее результатом требований Александры Федоровны, было сообщено Макарову следующей телеграммой, от 14 декабря 1916 г., переданной шифром:

«Повелеваю вам прекратить дело о Мануйлове и не допустить его до суда Николай».

Вследствие этого распоряжения, назначенное к слушанию в суде на 15 декабря дело Манасевича было тогда отложено яко бы «за неявкой свидетелей», — Манасевич же был освобожден.

Что касается Рубинштейна, то он был освобожден (6 декабря) также еще до увольнения Макарова, но помимо его; однако, дело Рубинштейна прекращено не было.

Когда Добровольский был назначен министром, то он должен был прежде всего выполнить свою главную миссию: совсем прекратить дело Рубинштейна.

Чтобы заставить Добровольского это сделать, к нему был направлен тот самый аферист Симанович, благодаря которому этот министр получил свой пост. Симанович настаивал на прекращении дела Рубинштейна и указал, что последний обещал за это «чуть не полмиллиона». Однако, Добровольский принять взятку, повидимому, не решился.

В дальнейшем Добровольскому не удалось вполне удовлетворить требованиям распутинцев. Дело в том, что для того, чтобы держаться на посту министра, приходилось лавировать между руководящим распутинским центром и Думой — это создавало некоторые осложнения, тем более что в январе предстояло в Думе обсуждение бюджета министерства юстиции; тогда (это было 21 января 1917 года) в Думе были сделаны запросы, — которых и ранее приходилось опасаться, — о «делах» Рубинштейна, Манасевича и Сухомлинова. Таким образом, из боязни Думы, не пришлось все-таки прекратить этих дел.

Но это уже вопрос второстепенный. Для характеристики режима важно то, что биржевым дельцам — Рубинштейну, Симановичу и Мануйлову удалось, через Распутина и Александру Федоровну, добиться даже смены министра юстиции, в целях ликвидации компрометировавших их (и Романовых) судебных дел, в том числе и такого серьезного, как дело Рубинштейна, обвинявшегося в пособничестве неприятелю во время войны.

Впрочем, в обстоятельствах смены Макарова, в конце концов, нет ничего удивительного: министры увольнялись мошенниками, ими же они и назначались; ведь, и сам Штюрмер, председатель совета министров, занял свой пост, главным образом, по настоянию того же Манасевича-Мануйлова, — последний был инициатором и той кампании, которая, в конце концов, привела к увольнению Штюрмера.

Расскажем об этом вкратце по связи с именем Мануйлова.

Когда встал вопрос об отставке Горемыкина, то в «сферах» затруднялись найти ему преемника: делу помог Манасевич-Мануйлов, указавший на Штюрмера митрополиту Питириму, — тот, не знавший лично Штюрмера, познакомился с ним и обратил на него внимание Распутина, последний же указал на него Александре Федоровне, и она вполне поддержала это назначение. Дальнейшее проталкивание Штюрмера в министры происходило все время при энергичной «работе» Мануйлова, действовавшего всеми доступными ему средствами. Когда Штюрмер стал во главе правительства, то ближайшим своим помощником по внутренней политике он сделал своего старого «сподвижника» Гурлянда. Последний, по словам Белецкого, сразу после этого тесно сблизился с банками, «войдя членом правления, с крупным окладом, в некоторые частные общества и выгодно помещая свой капитал в биржевую игру через банк Утина». «Банк Утина» — это Петроградский учетный и ссудный банк, председателем правления которого этот Утин состоял; этот же Я. И. Утин был и председателем синдиката всех частных банков.

—Влияние Гурлянда (официально состоявшего членом совета министра внутренних дел) на Штюрмера стало вскоре несколько пересиливать роль при нем Манасевича-Мануйлова. Последний начал обвинять Штюрмера в неблагодарности к себе, как лицу, поставившему его в министры. В связи с этим, Манасевич, сперва осторожно, потом более решительно, начал кампанию против Штюрмера, возбудив, в конце концов, против него всех его покровителей. Это было для Штюрмера серьезной опасностью, — поэтому он должен был пойти на уступки. Тогда Манасевич, чтобы обеспечить себе первую роль, выставил, — по словам Белецкого, — проект о необходимости создать при Штюрмере «как бы особый сверх-департамент полиции, учреждение совершенно законспирированное от всех высших правительственных лиц и установлений (в том числе, в особенности, от департамента полиции)», которое имело бы во главе, в качестве руководителя, полковника Резанова, а Мануйлова — в роли его помощника. Пользуясь особым широким кредитом из военного фонда, этот «сверх-департамент» мог бы, — по словам Белецкого, — «при помощи огромной сети своей агентуры, освещать для председателя совета министров не

только политическое и общественное настроение империи, но и сферу дипломатическую, не исключая дружественных нам держав, в особенности Англии, торговлю и промышленность, печать — русскую и заграничную, все министерства, законодательные палаты, а также настроение армии и флота, как на театре военных действий, так и внутри империи». Эта мысль очень понравилась Распутину, — «и только арест Мануйлова, а затем последовавшая вскорости после этого смена Штюрмера на посту министра внутренних дел приостановили приведение ее в исполнение».

Таким образом, этот план Манасевича, наделявший его почти неограниченной властью, не осуществился, и сам он попал в тюрьму. Но веденная им против Штюрмера агитация не прошла бесследно — доверие к Штюрмеру было подорвано, в чем, впрочем, кроме усилий Манасевича, был и ряд других причин.

От всех этих эпизодов, характеризующих распутинскую систему увольнения и назначения министров, мы, по связи с именами Рубинштейна и Манасевича, коснемся и их «газетной деятельности». Она соприкасается с суворинской газетой «Новое время» и представляет некоторые весьма характерные штрихи.

Отметим, прежде всего, что германское правительство еще до войны делало попытку подкупить суворинскую газету. Об этом в Государственной думе 1 ноября 1916 г. заявлял Милюков, в связи с именем Манасевича-Мануйлова; подробнее говорил об этой же истории Милюков в своих показаниях в Следственной комиссии, и будет небезынтересно привести здесь его показание.

«Это было, — говорит Милюков, — в то время, когда Извольский состоял министром иностранных дел. К нему явился Пурталес (германский посол), очень смущенный, и, заявив, что он попал в чрезвычайно неприятное положение, рассказал ему историю, о которой Извольский и раньше знал — именно о попытке подкупа одного из сотрудников «Нового времени». При этом указывалось довольно солидная сумма, — кажется 800 тысяч, — которая была дана в распоряжение Пурталеса для этого подкупа. Посредником при этой операции взялся быть Манасевич, который и сделал это предложение. Мне говорили, — сообщал Милюков,— что он сделал это предложение Пиленко (сотрудник «Но-

вого времени», профессор), который отказался и прогнал его. Он об этом факте отозвался уклончиво, но, так как я имел сведения от Извольского, а Извольский сослался на Пурталеса, то для меня это было несомненным фактом, который давал мне возможность на это сослаться, характеризуя Манасевича».

Позднее значительное количество акций «Нового времени» было приобретено Рубинштейном, который вообще играл в нем крупную роль. Но так как непосредственно принимать участие в редакционной работе Рубинштейн, конечно, не мог, то для этой цели у него состоял на службе не кто иной, как тот же Манусевич-Мануйлов. Обо всем этом сам Манасевич сообщил во время своего судебного процесса [54]. Относительно тех обязанностей, за которые Рубинштейн платил Манасевичу жалованье, последний говорил на суде так:

«Дело в том, что, когда Рубинштейн стал принимать участие в делах «Нового времени», ему интересно было знать о том, что делается в редакции. Он желал, чтобы я осведомлял его по этой части вместе с одним из других сотрудников. Я, конечно, не считал возможным делать это даром. Вот почему я получал от Рубинштейна жалованье».

Но несомненно, что, помимо этого осведомления, в обязанности Манасевича входило и влиять, насколько возможно, на направление газеты, согласно получаемым от Рубинштейна директивам.

К этому нелишне, пожалуй, прибавить, что, «осведомляя» за постоянное жалованье относительно редакционных дел «Нового времени» Рубинштейна, Манасевич, вместе с тем, «осведомлял» относительно «работы» самого Рубинштейна комиссию по обследованию банков генерала Батюшина, — и полученные от Манасевича данные, очевидно, были очень полезны при возникшем против Рубинштейна обвинении; сам Батюшин признавал, что Манасевич оказал «большие услуги» комиссии. Таким образом по отношению к Рубинштейну Манасевич играл явно провокационную роль.

Нас во всей этой истории интересует, между прочим, тот вопрос, что Манасевич, пытавшийся раньше подкупить «Новое время» на германские деньги через Пиленко, теперь оказался служащим по «Новому времени» у Рубинштейна, который также был заподозрен в различных комбинациях

«работы» с германским капиталом, квалифицированных 108 ст. уголовного уложения.

Впрочем, нужно при этом сказать, что акции «Нового времени» Рубинштейн покупал, видимо, не на германские, а на французские деньги (как директор Русско-французского банка). Возникает вопрос: с какой целью производилась эта покупка. И наиболее вероятный ответ на это тот, что, помимо выгодности этого предприятия, приобретение акций давало вместе с тем французским банкирам возможность воздействовать на русское «общественное мнение» с целью еще более разжигать шовинистические страсти. «Новое время» до войны, в сущности, не было вполне «благонадежным» в смысле «союзнической» ориентации. Из числа многих примеров, приведем в этом отношении один. В июле 1912 г. столп этой газеты Меньшиков высказывал в ней такие мысли: «Большую услугу нам и всему свету готовится оказать Германия, собираясь освободить мир от английской морской гегемонии»[53]... Таким образом, «Новое время» ждало в 1912 г. «услуги» от Германии в ее борьбе с Англией, — и вдруг в 1914 г. получилось обратное положение: «услугу» оказывала Англия, борясь с Германией. Такой поворот на девяносто градусов, надо думать, в некоторой степени и объясняется тем, что большое количество акций газеты принадлежало Русско-Французскому банку.

Эти эпизоды, между прочим, показывают, что оба участвовавшие в них авантюриста — Рубинштейн и Манасевич-Мануйлов служили двум богам: и французскому и германскому капиталу. «Работать» в Русско-французском банке, директором которого был Рубинштейн, едва ли было очень прибыльно, так как акции этого банка почти в течение всей войны стояли на одной точке и не обнаруживали ни малейшей тенденции к повышению, — поэтому Рубинштейну, видно, ничего не оставалось, как заняться операциями с германским капиталом, что в конце концов и привело его к суду.

Что касается Манасевича, то его попытка подкупить «Новое время» (до войны) по поручению германского посла Нурталеса говорит сама за себя. Но, в качестве агента Рубинштейна по «Новому времени», Манасевич уже служит, повидимому, французскому капиталу, — однако, все другие его связи в годы войны говорят больше за то, что он и в это

время не отступал от той позиции, на которой стоял, когда вел переговоры с Пурталесом.

Определив руководящий русский банковский центр (Международный банк, группа Мануса и проч.) и отношение к нему германского капитала, а также представив характеристику влияния на Романовых, через Распутина, отдельных банковских дельцов, мы хотим теперь сообщить несколько фактов, яснее устанавливающих политический характер той связи, которая создавалась между банками и романовской властью.

В связи с этим, прежде всего, опять придется остановиться на имени Протопопова, так как именно он, будучи назначен министром внутренних дел (в сентябре 1916 г.), должен был теснее связать власть с руководящими буржуазными группами.

Протопопов был владельцем крупной суконной фабрики и организатором «текстильного комитета», через который шли различные поставки на армию. Являясь одним из типичных представителей той военной буржуазии, которая наживалась на этих поставках, Протопопов стал играть в Государственной думе роль «представителя промышленности» и, так как он имел некоторое отношение также к промышленности металлургической, то был приглашен позднее, в качестве влиятельного человека, металлургистами-заводчиками к участию в их руководящем органе — «совете съездов».

Назначение Протопопова министром было подготовлено при непосредственном участии Распутина и «тибетского врача» Бадмаева, связанного, подобно Протопопову, с влиятельной группой представителей металлургической промышленности. Отношение к ним Бадмаева объясняется тем, что «тибетский врач» в это время задумывал организацию постройки некоторых железных дорог, между прочим, в только что занятой русскими войсками Турецкой Армении [51]. Бадмаев, совместно с Распутиным и Протопоповым, составлял тесно сплоченный «триумвират», при чем сам «тибетский врач» был, несомненно, наиболее «государственным умом» в этой троице.

Когда Протопопов был назначен министром, то закулисная сторона «стокгольмского свидания» была ясна

только немногим лицам из распутинской группы, — широким же слоям буржуазии была известна твердая империалистская позиция Протопопова. Видя в нем своего человека, широкие круги торгово-промышленной буржуазии встретили весьма сочувственно это назначение Протопопова. В свою очередь, и он, стремясь оправдать доверие промышленных групп, стал выдвигать мысль о необходимости теснейшего контакта правительства с промышленностью и банками.

Протопопов и действительно очень близко связался с руководящей банковской группой. Однако, по мере того, как стала определяться ультрареакционная его позиция, соединенная с тяготением к сепаратному миру, отношение широких слоев буржуазии к новому, «своему», министру резко изменилось, и, в результате, Протопопов был признан «сумасшедшим». Однако, быть может, и в этом «сумасшествии» был известный социальный мотив: дело в том, что Протопопов от участии в текстильной промышленности перешел в «совет съездов» промышленности металлообрабатывающей, а политические позиции представителей этих двух главных групп промышленности были различны — первая была относительно «либеральна», но вместе с тем проявляла сильные империалистские настроения, вторая была реакционнее, но как есть основание думать, была более склонна к «мирным» тенденциям.

Попав в руководящий орган металлуристов, Протопопов, естественно, должен был служить им не за страх, а за совесть, — и что взятая Протопоповым политическая линия, в общем, соответствовала интересам этой промышленной группы, видно, между прочим, из того, что «совет съездов» не расстался с Протопоповым вплоть до революции. Таким образом, переход Протопопова от «октябризма» и «прогрессивного блока» к крайней реакционности объясняется, вероятно, не «сумасшествием», а просто тем, что он, войдя в другую промышленную группу, должен был «приспособить» к ее интересам и свои «политические убеждения».

Но, отвлекаясь от личности Протопопова, мы покажем теперь на нескольких характерных примерах проявление того политического «контакта», который при посредстве Распутина, Штюрмера, Протопопова стал намечаться у правительства с банками и некоторыми группами промышленности.

В этом отношении заслуживает, прежде всего, внимания вопрос о подготовке правительством выборов в V Государственную думу (срок полномочий IV Думы истекал в сентябре 1917 г.).

В кружке Бадмаева, где постоянно бывали Распутин, Курлов, Протопопов, еще до назначения последнего министром, возникла мысль о необходимости для банковских и промышленных кругов, в связи с этой подготовкой выборов в Государственную думу, войти в более тесные отношения с правительством. В своих письменных показаниях в Следственной комиссии Временного правительства Протопопов по этому поводу говорит:

«Все высказывались за необходимость достигнуть выбора возможно более благонадежного (консервативного) большинства Государственной думы. Я находил, что в Государственной думе и Государственном Совете почти нет представителей торговли, промышленности и банков и что этот класс должен готовиться к предстоящим выборам и провести в законодательные учреждения человек 50-80 своих представителей; для этой цели я предполагал возможным устроить «центральное выборное бюро» в Петрограде, которое могло бы вести переговоры и заключить соглашение с правительством».

Для осуществления этой задачи, Протопопов считал необходимым, чтобы банки ассигновали на это от себя крупные кредиты, которые должны были бы пойти на печать, агитацию, разъезды агентов, устройство собраний, покупку цензов и «может быть, подкуп голосов».

Но нужно было избрать опорные пункты для проведения этой кампании, и вот по словам Протопопова, «опорными выборными ячейками служили бы отделения частных банков в провинции, — их число, помнится, около 1.200; их сила — частный кредит и учетная вексельная операция».

В связи с этим проектом правительство Штюрмера, в которое попал позднее Протопопов, стало разрабатывать план предстоящей выборной кампании. Из этого плана, между прочим, видно, в каком составе мыслилась правительству фабрикация этой новой Думы: предполагалось пропустить в нее 80 крестьян, 80 священников, до 50 мест предоставить «инородцам», от 50—70 мест — банкам и остальные (около 200 мест) отдать интеллигенции.

Опора на духовенство, основанная на практике выборной кампании в IV Думу, вполне понятна: служители церкви составляли самый надежный оплот «трона»; понятно и желание иметь, для декорации, в Думе до 80 крестьян, соответствующим образом обработанных; октябристская и кадетская интеллигенция также являлась необходимым элементом в Думе. Стремление же провести в Думу до 70 представителей банков, связанное с планом Протопопова — Бадмаева, объясняется, — как указано в особой составленной по этому поводу в министерстве внутренних дел записке, — именно тем, что правительство уже вошло в контакт с представителями некоторых банков, которые предложили израсходовать 2 миллиона рублей на предвыборную агитацию, рассчитывая получить за это от 50 до 70 мест в Думе. «Предложение это, — говорится в отмеченной записке, — представлялось бы приемлемым, при условии, чтобы в программу партии банков не включались аграрные и прочие острые социальные вопросы».

Ясно, конечно, что эта последняя оговорка носила только формальный характер и, вероятно, была сделана для тех членов правительства, которые, зная таких «опасных» представителей буржуазии, как Гучков, или Рябушинский, могли бы подумать, что и данная банковско-промышленная группа способна на какой-либо либерализм.

На этом примере мы, таким образом, ясно видим, в какие отношения к распутинскому правительству становились банки.

Возьмем еще один характеризующий это пример, касающийся также весьма крупного вопроса — вопроса продовольственного, который в 1916 г. достиг уже чрезвычайной обостренности. Распутин, сознавая серьезное значение этого вопроса, предвидел, что уже на этой, продовольственной почве можно ожидать серьезных народных волнений, и неоднократно предупреждал об этом Романовых. Правительство составляло различные проекты, чтобы бороться с продовольственной «разрухой», но все эти проекты были мертворожденными, а частичные мелкие мероприятия не улучшали дела уже потому, что продовольственная разруха была лишь одним из проявлений того общего кризиса всей хозяйственной системы, который все более и более назревал с самого начала войны.

Продовольственное дело находилось в министерстве земледелия, но, когда министром внутренних дел был назначен Протопопов, то в руки этого ставленника Распутина было предположено передать и снабжение России продовольствием. На этом, как видно из писем Александры Федоровны к Николаю, очень настаивал сам Распутин, предполагавший, очевидно, хорошо поживиться на этом деле при ближайшей помощи «тибетского врача» Бадмаева, который даже выступил с особым проектом о снабжении всей России продовольствием.

Протопопов, в связи с этим, решил привлечь на помощь частные банки. На созванном по этому поводу совещании Протопопов просил представителей банков помочь этому делу, и хотя они сразу не дали на это определенного ответа, но Протопопов, по его словам, увидел, что это дело их интересует.

Однако, позднее Протопопов, испугавшись Государственной думы, стал сомневаться в возможности перенести это дело без осложнения в свое министерство. Это вызвало крайнее неудовольствие Распутина:

«Наш Друг, — писала Александра Федоровна Николаю 1 ноября 1916 г., — ужасно сердит на Протопопова, который из трусости не хотел, чтобы было объявлено о том, что отныне продовольствие переходит в его ведение, — из-за Думы, и наш Друг сказал ему, что он мог объяснить дело тем, что он надеялся приблизительно в неделю все привести в должный порядок».

Мы не будем подробно рассматривать сущность этого проекта Протопопова, хотя последний и обладал, по мнению Распутина, такою магическою силою, что всю продовольственную разруху уничтожил бы в одну неделю, — скажем только, что в основу организации дела было, по проекту Протопопова, положено привлечение к делу банков, а прием, хранение и отправку хлеба и продуктов предполагалось поручить земствам под надзором губернаторов. Желательность привлечения к этому делу земств мотивировала при этом Протопоповым тем, что «эта серьезная работа отвлекала бы земских деятелей от политики», — таким образом, этот план Протопопова имел и политическое значение, как орудие борьбы с либеральной буржуазией.

Приведенные факты вскрывают некоторые проявления того контакта, который стал создаваться между распутинской властью и группами русских банков. Но эти факты касаются только внутренней политики и экономической жизни страны. Однако, контакт стал намечаться и в области политики внешней, непосредственно связанной с вопросами войны и мира. У распутинской власти был контакт с некоторыми русскими частными банками, а у этих последних с банками германскими. На этой именно почве, как это и можно было отчасти уже заметить, делались неоднократно попытки для заключения сепаратного мира России с Германией.

Действительно, уже при известной нам первой попытке осуществить план герцога гессенского (т. е. Вильгельма) о встрече для переговоров представителей России и Германии, состоявшейся в июле 1915 г. в Стокгольме (и Мальмэ), со стороны немецкой выступали директор «Немецкого банка» Монкевиц, со стороны русской, — какой-то видный коммерсант (мы едва ли ошибемся, если предположим, по некоторым признакам, что этим собеседником Монкевица был не кто иной, как Манус).

Относительно следующей, связанной с этой, попытки завязать сепаратные переговоры о мире — «свидания» Протопопова с Варбургом — нами уже достаточно выяснено его банковское происхождение.

Равным образом, и при той попытке сепаратного мира, которая относилась уже к концу января 1917 г. посредниками, как было отмечено, выступали «шведско-немецкие банкиры и банкиры германского происхождения в России».

Пытаясь, при помощи банковских кругов, наладить заключение сепаратного мира с Россией, германцы вместе с тем имели план создать такую политическую комбинацию, при которой к соглашению этих государств примкнула бы и Япония. Это было бы видно из приводившихся нами ранее слов Тирпица, — это же обнаруживается из мемуаров германского министра финансов Эрцбергера. Последний сообщает, что в конце марта (н. ст.) 1916 г. в Стокгольме у германского посланника фон-Люциуса произошла беседа германского промышленника Стиннес с японским посланником, причем «Стиннес предложил, чтобы влиятельные

представители России, Японии и Германии встретились в Стокгольме для обмена мнениями об условиях мира». Имя Стиннеса — слишком громкое имя: был ли это сам создатель крупнейших германских трестов и «король металлургии», или один из уполномоченных им членов его «династии» — это уже не так важно; самое имя Стиннеса указывает на чрезвычайное значение его попытки нащупать почву для мира.

По словам Эрцбергера, Стиннесом была высказана этой беседе просьба о сохранении намечавшегося им плана в секрете, — однако, «русское посольство было тотчас же осведомлено обо всем» [55].

После этого предложения Стиннеса состоялась вторичная по этому поводу беседа германского и японского посланников в Стокгольме (в середине апреля), — и есть основание думать, что и происшедшее в июле свидание председателя «совета съездов металлообрабатывающей промышленности» Протопопова с Варбургом также стоит в связи с намеченным германским «королем металлургии» Стиннесом планом, который осуществлялся, но в несколько иной форме (Стиннес предлагал совместные переговоры германского, русского и японского представителей, — на практике же вышло, что два последних имели отдельные переговоры с представителем Германии).

Надо заметить, что Стиннес, стоявший, между прочим, во главе германских электрических трестов, был тесно связан с Россией, как через их русские филиалы, так и через Международный банк.

Таким образом, помимо официальных глав государств, представители банковских кругов и металлургической промышленности России и Германии стали подготовлять почву для заключения мира.

Романовы, учтя значение попытки Протопопова, поспешили назначить его министром, подтвердив таким образом, что они и в этом случае шли на поводу у руководящей банковской группы. Эта же группа, как видим, отвечала в данном случае только на вызов германских банковско-промышленных кругов (Стиннес).

По связи с этим последним вопросом об отношении к русскому банковскому центру германского капитала мы можем привести здесь любопытную выдержку из письма англий-

ского короля Георга к Николаю II. Английское правительство очень тревожили те «пацифистские» настроения, которые стали замечаться в правящем русском кругу. Об этом английский король и писал Николаю в августе 1916 г.

«До меня, — говорил, — дошли сведения из нескольких источников, включая один нейтральный, вне всякого сомнения весьма к нам благорасположенный, что германские агенты в России прилагают большие усилия, чтобы посеять рознь между нашими странами, вызывая недоверие и распространяя ложные сведения о намерениях моего правительства»...

Николай в ответном письме своем к английскому королю, от 29 августа, заверяя, что чувство «глубокой дружбы» к Англии все более и более укрепляется среди русского народа, к этому прибавлял:

«Конечно, имеются отдельные лица, не разделяющие этого взгляда, но я постараюсь справиться с ними. Я считаю более серьезным явлением, требующим борьбы с ним, — продолжал Николай, — влияние некоторых банков, бывших до войны в германских руках, и воздействие которых сильно, но невидимо чувствуется, в особенности в медленном исполнении заказов на изготовление военных материалов, амуниции и проч.

«Я уже неоднократно, — указывал далее Николай, — обращал внимание моего правительства на этот факт. Я надеюсь, что г. Барк справится с этим затруднением».

Так заверял Николай II короля Англии... Но это были одни слова: «справиться» с «отдельными лицами», которые не разделяли «глубокой дружбы» к Англии, Николай не желал, ибо эти лица были, прежде всего, жена Николая, Александра Федоровна, и Распутин.

Что касается влияния банков, которые были до войны в германских руках (и, конечно, не порвали своих связей с Германией и во время войны), то эти банки, как показано, играли заметную роль во всей экономической системе монархии, и мы считаем, что экономическая связь русских и германских банков была одной из причин того тяготения к сепаратному миру, которое замечается в царской политике накануне революции.

Распутин и верховное командование.

При той политической системе, когда государственная власть России фактически находилась в руках Распутина и окружавших его банковских дельцов, не должно показаться странным, что влияние этих лиц сказывалось не только в различных областях внутренней и внешней политики, но даже и на руководстве военными действиями русской армии.

Тем моментом, с которого Распутин близко стал к военному командованию, была смена верховных главнокомандующих, уже рассмотренная нами подробно. Говоря об этой смене, мы, между прочим, отметили, что она вполне соответствовала не только желаниям Распутина и Александры Федоровны, но и интересам германцев, которые небезосновательно рассчитывали, что с устранением вел. кн. Николая Николаевича откроется возможность для их воздействий на русскую политику и, может быть, даже и на русское верховное командование.

Заметим, что и в современной русской специально-военной литературе смена вел кн. Николая Николаевича рассматривается, как «большая нравственная победа» Германии. [50].

Ведя кампанию против вел. кн. Николая Николаевича, Распутин и Александра Федоровна, естественно, сочли нужным постараться также о том, чтобы обеспечить Николая II от влияний и со стороны других чинов «ставки».

В этом отношении заслуживает внимания эпизод с ген. Даниловым («черным»), генерал-квартирмейстером штаба

Николая Николаевича. В то время, как известно, везде искали шпионов: в связи с этим особые подозрения вызывали как сам Распутин, таки и вообще среда, окружившая его и Александру Федоровну. Последняя, не желая остаться, видимо, в долгу, начала сама разыскивать шпионов, — и таким неожиданно оказался упомянутый нами генерал Данилов. А. Ф. сообщала об этом Николаю II в письме от 14 июня 1915 года, правда, не лично от себя, а со слов вел. кн. Павла Александровича.

«Друг мой, — прибавляла к этому сообщению А. Ф., — Боейков * хитер и умен, поговори с ним об этом и вели ему умно и осторожно следить за этим человеком (Даниловым). Конечно, как Павел говорит, у нас теперь мания на шпионов, — но все же, раз такое сильное подозрение возникло, раз делается известным за границей все, что могут знать лишь близкие, посвященные лица в ставке, Павел счел своим долгом спросить меня, упоминал ли ты мне об этом. Я ответила, — прибавляет она, — что нет. Только не говори об этом Николаше (Николаю Николаевичу), пока не будешь иметь достаточно материала, так как он всё может испортить своей горячностью и сказать Данилову всё в лицо, или не поверить».

В одном из следующих писем, сообщая мужу о слухах, распространившихся относительно мирных предложений, сделанных германцами через Васильчикову, А. Ф. вновь напоминает Николаю о «шпионстве» Данилова:

«Говорил ли ты с Воейковым относительно Данилова?— спрашивает она в письме от 16 июня. Прошу тебя, сделай это. Только не говори об этом с толстым Орловы **, который приятель Н. Они постоянно в переписке, когда ты бываешь здесь. Воейков об этом знает. Это все не к добру. Он не одобряет посещения Григорием нашего дома, и поэтому хочет удержать тебя в ставке, вдали от него. Если бы они только знали, как они тебе вредят, вместо того, чтобы помочь, — слепые люди, со своей ненавистью к Григорию».

Но сам Николай, несмотря на такие настойчивые указания на «шпионаж» Данилова, не склонен был поверить на этот раз Александре Федоровне и Распутину: «Что касается

---

* Дворцовый комендант.
** Начальник походной канцелярии Николая II.

Данилова, — писал он жене 16 июня, — то я думаю, что мысль о том, будто он шпион, не стоит выеденного яйца». Впрочем, как вполне ясно видно из следующего письма Александры Федоровны, суть дела была вовсе не в шпионстве: «Все говорят, что он держит в руках Н. и других вел. князей», — пишет про Данилова вскоре после этого А. Ф. и этим раскрывает истинную причину брошенных против него раньше подозрений.

Таким образом, борьба А. Ф. и Распутина против генералов Данилова, Орлова, а также и других, вызывалась, несомненно, желанием возможно лучше расчистить «ставку» от всех тех лиц, которые могли влиять на Николая, вопреки целям распутинцев. Позднее ими велась кампания и против фактического верх. главнокомандующего генерала Алексеева, но об этом мы скажем ниже.

Перейдем теперь к вопросу о влиянии Распутина и А. Ф. Романовой на руководство военными действиями русской армии.

Вмешательство Распутина и Александры Федоровны в военные операции отражается неоднократно даже и в переписке Романовых, — здесь можно найти многочисленные примеры тех советов, которые они давали в этом отношении верховному командованию. Побудительным мотивом для этих советов иногда при этом выставлялись соответствующие «ночные видения» Распутина, его сны, или «откровения свыше», во время которых «божий человек» воспринимал указания о том, какие операции должна совершать в данное время русская армия: где надо наступать, где воздержаться от активных действий и т. п. Александра Федоровна с благоговением воспринимала все подобные советы Распутина и, передавая их мужу, старалась добиться от последнего, чтобы воля «божьего человека» была исполнена.

Вот что, например, в связи с положением на северном фронте в ноябре 1915 г., советовал Распутин Николаю:

«Теперь, чтобы не забыть, — писала А. Ф. мужу 15 ноября, — я должна передать тебе поручение от нашего Друга, вызванное его ночным видением. Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги — говорит, что это необходимо, а то германцы так твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врас-

плох и добьемся, что они отступят. Он говорит, что и м е н н о т е п е р ь это самое важное и настоятельно просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать. Он говорит, что мы можем и должны это сделать и просит меня немедленно тебе об этом написать».

Зачем, — возникает вопрос, — понадобилось Распутину это наступление? Должен ведь быть какой-то смысл, какая-то цель и в этом и во многих других подобных его советах. Предположить, что Распутин мог сам разбираться в стратегической обстановке столь же трудно, как поверить в его «ночные видения». Допустить, что он давал эти советы наобум, т. е. вспоминал какой-либо первый, пришедший ему на ум фронтовый пункт и указывал, что здесь нужно наступать, или, наоборот, отступать, — также едва ли возможно, тем более, что советы Распутина, хотя и вызванные «ночными видениями», обычно чем то мотивированы.

При таких условиях, думается, логичнее всего будет считать, что эти советы подсказывались Распутину лицами, почему-либо заинтересованными в выполнении той или другой стратегической операции.

Можно было бы привести ряд примеров подобных советов, — иногда их давала и сама Александра Федоровна, повидимому, лично от себя. Так, 12 сентября 1915 года она писала мужу:

«Неужели правда, что мы опять в 200 верстах от Львова? Нужно ли нам торопиться вперед и не повернуться ли нам и раздавить немцев?»

Тут практическое значение имела, собственно, только первая мысль — не торопиться с наступлением ко Львову; что касается второй, то она была трудно выполнима и, прежде всего, потому, что, если бы армия «повернулась», то — к русской границе, где, конечно, никаких немцев не было.

Но особенную энергию проявил Распутин совместно с Александрой Федоровной во время летнего брусиловского наступления 1916 года. Этот вопрос мы рассмотрим подробно, так как роль здесь этих лиц во многих отношениях характерна.

Первый отклик на это мы находим в письме Александры Федоровны к мужу от 4 июня 1916 года. А. Ф. пишет:

«Аня (Вырубова) позабыла тебе сказать, что наш Друг шлет благословение всему православному воинству. Он просит, чтобы мы не слишком сильно продвигались на севере, потому что, по его словам, если наши успехи на юге будут продолжаться, то они сами станут на севере отступать, либо наступать, и тогда их потери будут очень велики, — если же мы начнем там, то понесем большой урон. Он говорит это в предостережение».

То наступление, которое было в мае 1916 г. предпринято армиями юго-западного фронта (Брусилова), должно было быть связано с общим наступлением русской армии, т. е. в нем, помимо юго-западного фронта, должны были принять участие также армии южного и северного фронта. Таков был стратегический план, выработанный на военном совете, состоявшемся в апреле, и одобренный Николаем. Предполагалось быть готовым к исполнению этого плана 1 мая; однако, начало операций несколько задержалось, и срок общего наступления был определен в конце мая и даже в первых числах июня. Но уже с 7 мая итальянское командование стало обращаться в русский штаб, в виду упорных атак на итальянскую армию австрийцев, с просьбами об ускорении наступления русских армий, и даже о немедленном выполнении этого; эти просьбы, — как отмечает в докладе Николаю II ген. Алексеев, — были «близки к требованиям». Вследствие этого было решено ускорить наступление, но это ускорение, — по словам Алексеева, — не должно было, однако, «изменить общего плана наших действий, уже намеченного и одобренного на совещании 1 апреля».

Однако, — как пишет в своих «Записках» ген. Брусилов, — 21 мая ген. Алексеев его уведомил, «что главковерх (т. е. Николай II) желал бы отсрочить атаку недели на две, с тем, чтобы переменить в корне систему моего (т. е. Брусилова) наступления, т. е., чтобы все армии стояли на места, атаку же произвести только одной 8-й армией, направленной на Ковель».

Брусилов ответил, что предлагаемая ему система атаки лишь на одном фронте «уже многократно испытывалась у нас и на Западе, французами, и немцами у Вердена, и везде одинаково терпела неудачу», а потому применять ее он не хочет и просит его сменить; так как Николай в мо-

мент получения этого ответа «лег спать», то Алексеев, после некоторых возражений, разрешил Брусилову действовать по его усмотрению, — и 22 мая он начал атаку противника (как это и было первоначально решено).

Брусилов, вместе с тем, «для пользы общего дела всего нашего фронта, а не одного южного фронта, полагал целесообразным настоятельно требовать перехода в решительное наступление западного и северного фронтов», тем более, что «все средства для главного удара были у западного и частью у северного фронтов».

В результате, что касается западного фронта, то он, хотя и произвел наступление, но с запозданием, почему потерпел крупную неудачу; что же касается северного фронта, то о нем, — по словам Брусилова, — «не стоит и говорить: никому и ничем он не помог» [57].

Возвращаемся теперь к совету Распутина. Указывая на то, чтобы усиленно не наступали на севере, Распутин, в сущности, подавал свой авторитетный голос за разрушение всего плана общего наступления, так как именно в это время северный фронт (равно как и южный) должны были начать энергичные действия. Правда, сам Николай, еще ранее, 21 мая, да и позднее высказывал желание «переменить в корне» намеченный план наступления, но есть основания думать, что и эта мысль Николая шла от того же Распутина: свое мнение об изменении общего плана наступления Николай высказывал от себя (а не по инициативе Алексеева) лишь через четыре дня после того, как в течение нескольких дней он пробыл вместе с приезжавшей в ставку женой и, следовательно, уже тогда знал все взгляды на этот счет Распутина; последнему же, очевидно, план наступления был сообщен, как это и всегда делалось, сразу после того, как он был разработан.

Брусиловское наступление и в дальнейшем своем развитии тесно связано со «стратегическими» советами Распутина, — это мы сейчас и покажем, причем этот пример будет представлять интерес в том отношении, что в данном случае смысл советов Распутина обнаруживается довольно ясно.

С конца июля 1916 года Распутин начинает вести кампанию в пользу уменьшения интенсивности, а затем — и окончательного прекращения наступления Брусилова.

В письме А. Ф. к Николаю, от 25 июня, мы читаем такое руководящее указание Распутина:

«Он находит, — пишет А. Ф., — что, во избежание больших потерь, не следует так упорно наступать — надо быть терпеливым, не форсируя событий, так как в конечном счете победа будет на нашей стороне, — можно бешено наступать и в 2 месяца закончить войну, но тогда придется пожертвовать тысячами жизней, а при большей терпеливости будет та же победа, зато прольется значительно меньше крови».

Но войне чужды эти гуманные, христианские соображения, и военный штаб едва ли бы согласился с желанием Распутина. Поэтому нужно было воздействовать на Николая, и А. Ф. в июле и августе три раза ездила в «ставку». Для большего успеха ее миссии, Распутин велел взять туда и Вырубову. «Напиши мне относительно А. (т. е. Вырубовой), — писала А. Ф. Николаю 25 июня, — могу ли я ее привезти с собой. Наш Друг очень сильно этого хотел; она тоже принесла бы счастье нашим войскам, он (Распутин) говорит, что и женушка всегда приносит с собой туда счастье».

Во время этих свиданий в «ставке» Николай был, очевидно, соответствующим образом обработан, а генерала Алексеева, враждебно относившегося к Распутину, А. Ф. пыталась подкупить путем передачи ему иконы от Распутина; вместе с тем Николай, по настоянию жены, должен был объяснить Алексееву все великое значение Распутина.

Возвращаясь из первой за это время поездки в ставку, А. Ф. в письме к Николаю (от 3 августа) подтверждала совет Распутина, чтобы «они не спешили вперед», и вместе с тем замечала:

«Если только Алексеев принял икону нашего Друга с подобающим настроением, то бог, несомненно, благословит его труды с тобой. Не бойся упоминать о Григории при нем — благодаря ему ты сохранил власть и взял на себя командование год тому назад, когда все были против тебя, — скажи ему это, и он тогда постигнет всю мудрость и многие случаи чудесного избавления на войне тех, за кого он молится и кому он известен, не говоря уже о Бэби (наследнике Алексее) и об Ане (Вырубовой)».

Поездка в это время А. Ф. в «ставку» и настояния ее о приостановке брусиловского наступления имели, несо-

мненно, свой особый смысл. Дело в том, что как раз приблизительно в это время — в начале июля — состоялось «стокгольмское свидание», о котором, несомненно, сразу же были осведомлены и Распутин и А. Ф. 6 июля она прибыла в ставку, а уже на следующий день, 7-го, Николай подписал указ об отставке Сазонова (чего так давно добивалась А. Ф.) и о назначении на его место Штюрмера. Хронологическая близость «стокгольмского свидания» с назначением министром иностранных дел Штюрмера позволяет думать, что оба эти момента стоят в логической связи.

Распутинская власть в обоих этих случаях подчеркивала свое желание встать на «мирные» позиции. При таком положении, в условиях империалистической войны, могло быть две военных тактики: или постараться до начала мирных переговоров забрать как можно большее количество территории, находившейся в руках противника, или же обратно — не производить энергичных активных действий, приостановить наступление, и тем наглядно показать противной стороне свою выжидательную позицию.

«Ставка», верховное командование (если не считать колебавшегося в обе стороны Николая) придерживалась первой позиции, Распутин и Александра Федоровна — второй.

В этом, видимо, и заключается сущность тех мотивов, по которым Распутин настаивал на уменьшении интенсивности наступления, а позднее — и на полном его прекращении.

После тех первых указаний Распутина, которые были сделаны им в этом отношении и выше нами приведены, распутинская кампания развивалась так.

8 августа 1916 года А. Ф. пишет Николаю:

«Наш Друг надеется, что мы не станем подниматься на Карпаты и пытаться их взять, так как, повторяет он, потери снова будут слишком велики».

Это было, конечно, умеренное желание, но, видимо, требовать большего было неудобно. Занятый в это время различными «делами» — Рубинштейна, Манасевича-Мануйлова, Сухомлинова и проч., Распутин в течение некоторого срока не давал военных указаний. Лишь 23 сентября мы находим в письмах А. Ф. такое сообщение:

«Наш Друг, — пишет она, — говорит по поводу новых приказов, данных тобой Брусилову и т. д., очень до-

волен распоряжением папы, будет хорошо». Он об этом никому не скажет, но мне по поводу твоего решения пришлось просить его благоловения».

«Папа», т. е. Николай, отдал распоряжение остановить наступление — этим и был «очень доволен» Распутин.

Это удовольствие также имело свой смысл. Дело в том, что как раз перед этим распутинская группа добилась крупной удачи на фронте внутренней политики: 16 сентября Протопопов был назначен министром. Это, конечно, усиливало «мирные» позиции, и прекращение наступления именно в этот момент было особенно своевременным.

Однако... наступление продолжалось. Это вызвало, естественно, неудовольствие Распутина. 24 сентября А. Ф. писала Николаю:

«Милый, наш Друг совершенно вне себя от того, что Брусилов не послушался твоего приказа о приостановке наступления. Он говорит, что тебе было внушено свыше издать этот приказ, как и мысль о переходе через Карпаты до наступления зимы, и что бог благословил бы это; теперь же, он говорит, снова будут бесполезные потери. Надеется, что ты все же будешь настаивать на своем решении, так как сейчас «не ладно».

Эти же мысли были в тот же день подтверждены и телеграммой А. Ф. к Николаю.

На следующий день, 25 сентября, А. Ф. высказывалась еще решительнее:

«О, прошу тебя, повтори свой приказ Брусилову, прекрати эту бесполезную бойню, — младшие чувствуют, что начальники их тоже не имеют никакой веры в успех там — зачем повторять безумство германцев под Верденом? Твой план был так мудр, наш Друг его одобрил — Галич, Карпаты, Дона-Ватра, румыны. Ты должен на этом настоять — ты глава, и все на коленях будут благодарить тебя, а также наша славная гвардия! Там непроходимые болота, открытые места, на которых невозможно укрыться, мало лесов, скоро начнется листопад, нет никакого спасительного прикрытия при наступлении. Приходится посылать солдат далеко в обход болот, от которых идет такой ужасный запах: там товарищи их лежат непогребенными! Наши генералы не щадят жизней — они равнодушны к потерям, а это трех; вот, когда есть уверенность в успехе, тогда другое дело. Бог бла-

гослоляет твой план — пусть его выполнит, — пощади эти жизни»...

В письме от 26 сентября А. Ф. вновь повторяет, что «наш Друг скорбит о том, что тебя не послушали (Брусилов), так как твоя первая мысль была верной».

Николай, в ответных письмах от 24 и 27 сентября, представил свои объяснения; из последнего письма Николая видно, что он исполнил волю Распутина и А. Ф., при чем Брусилов, немедленно по получении приказания Николая, «отдал распоряжение остановиться», — но вместе с тем Николай сообщал о выработанном новом плане атаки.

В ответ на это, А. Ф. писала 28 сентября:

«Спасибо, дорогой, за объяснения относительно Брусилова,—я раньше не совсем ясно это себе представляла. Во всяком случае, наш Друг настаивает, чтобы ты выполнял с в о и планы, — твоя п е р в а я мысль всегда бывает наиболее правильной».

Наконец, в письме от 12 октября, написанном в самой ставке, где А. Ф. провела десять дней, она перед своим отъездом обращается к Николаю с такими словами:

«О, мой родной, останови это бесполезное кровопролитие! Зачем они лезут на стену? Необходимо дождаться более благоприятного момента, а не слепо итти вперед».

Заметим кстати, что вскоре после этого, в письме от 15 октября, А. Ф. высказывала Николаю свое удовольствие относительно тех указаний, которые он дал Протопопову:

«Я рада, что ты велел П. поговорить с Г. и Б.».

Вот три вершителя судеб «войны» и «мира»: П., Г., Б. Это — Протопопов, Распутин и, видимо, Бадмаев. У этой «троицы» были и ключи к сепаратному миру.

Надо, однако, указать, что, при отмеченных выше своих вмешательствах в дела верховного командования, Распутин и Александра Федоровна встречали обычно противодействие со стороны начальника штаба Николая, ген. Алексеева, фактического руководителя военных действий. Распутинская икона, видимо, не оказала на него своего чудотворного действия. В таком случае А. Ф. и Распутину не оставалось ничего иного, как постараться убрать и Алексеева, подобно тому, как раньше был убран в. к. Николай Николаевич. Поводом для возбуждения у Николая недоверия к Алексееву послужила «переписка» его с Гучковым, т. е., в сущности,

два-три письма о разных злоупотреблениях в военном ведомстве, написанных Гучковым начальнику штаба «верховного».

«Я прочла, — пишет А. Ф. 21 сентября 1916 г., — копии с двух писем Гучкова к Алексееву и велела буквально их скопировать, одно из них для тебя, чтоб ты мог убедиться, какая это (Гучков) скотина! Теперь мне понятно, почему Алексеев настроен против всех министров — каждым своим письмом (повидимому, их было много) он будоражит бедного Алексеева, а затем в письмах его факты часто намеренно извращаются. Все министры чувствуют антагонизм с его стороны, и теперь им стала ясна причина этого. Когда ты получишь это письмо, ты должен серьезно поговорить с Алексеевым, так как эта скотина подрывает в глазах Алексеева все правительство... Надо изолировать Алексеева от Гучкова, от этого скверного, коварного влияния».

Эта кампания, проводившаяся и в ряде следующих писем, протекала в т е с а м ы е д н и, когда Распутин требовал приостановки наступления, которое, однако, продолжалось, — очевидно, по настоянию Брусилова и, главным образом, Алексеева. В этот момент последний был особенно неприятен распутинской группе: именно потому, конечно, и начат был против него поход.

В связи с этим, в письме от 5 ноября А. Ф. указывает мужу, что Алексееву следовало бы дать двухмесячный отпуск; это указание сопровождается такими замечаниями:

«Человек, который так страшно настроен против нашего Друга, как несчастный Алексеев, не может работать успешно. Говорят, у него нервы совершенно развинчены. Это понятно: сказалось постоянное напряжение «бумажного человека»; у него, увы, мало души и отзывчивости».

Николай, отвечая жене 7 ноября, сообщал, что, по мнению врачей, Алексееву, действительно, нужен отдых втечение 6—8 недель. А. Ф. подкрепила своим авторитетом это решение: «Это вполне правильно, — замечала она в письме 8 ноября, — что Алексеева отправляют для длительного отдыха в Крым».

Заместителем Алексеева был назначен ген. Гурко. Но А. Ф. и тут сочла нужным предупредить Николая: «Не забудь запретить Гурко болтать и вмешиваться в политику — это погубило Никол(ашу) и Алексеева. Последнему

бог послал болезнь — очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносил вред тем, что слушался дурных писем и людей, вместо того, чтобы следовать твоим указаниям относительно войны, — а также и за его упрямство».

Генерал Гурко не «вмешивался в политику», т. е. не шел против Распутина — цель последнего и Александры Федоровны была достигнута.

Такова, в главных чертах, вырисовывающаяся из писем Александры Федоровны, история вмешательства Распутина и ее в руководительство русской армией во время наступления 1916 года. Эта история показывает связь «стратегических» советов Распутина, как с общей линией политики правительства, так и с отдельными этапами той борьбы за сепаратный мир, которую вели в это время Распутин и А. Ф. В общем, прекращение брусиловского наступления было нужно распутинской группе для того, чтобы яснее показать германцам, что царская власть становится на выжидательные «мирные» позиции.

Как можно уже было видеть из приведенных нами эпизодов, касающихся брусиловского наступления, Распутин и Александра Федоровна были прекрасно осведомлены не только о текущих военных операциях, но и обо всех планах и предположениях верховного командования. Такое положение наблюдалось вообще всегда, и из переписки Романовых совершенно ясно видно, что сам Николай, находясь в ставке, постоянно сообщал своей жене все, даже самые секретные, сведния о военном положении и о стратегических плана.

Для иллюстрации этого приведем, например, выдержку из письма Николая к Александре Федоровне от 31 августа 1915 года.

«Теперь, — пишет Николай, — несколько слов о военном положении. Оно представляется угрожающим в направлении Двинска и Вильно, серьезным в середине к Барановичам и хорошим на юге (генерал Иванов), где наши успехи продолжаются. Серьезность заключается в страшно слабом состоянии наших полков, насчитывающих менее четверти своего состава; раньше месяца их нельзя пополнить, потому что новобранцы не будут подготовлены,

да и винтовок очень мало. А бои продолжаются и вместе с ними потери. Тем не менее прилагаются большие старания к тому, чтобы привести какие можно резервы из других мест к Двинску, чтобы отбить неприятеля от этого места. Но, опять-таки, на наши железные дороги уже нельзя положиться так, как раньше. Только к 10 или 12 сентября будет закончено это сосредоточение, если боже упаси, неприятель не явится сюда раньше».

Написав все это, Николай вдруг спохватывается — он прибавляет:

«Прошу, любовь моя, не сообщай их деталей никому, я написал их только для тебя».

«Никому», но, конечно, кроме Распутина. А это может означать многое... Чтобы показать, какой смысл это могло иметь, мы приведем один пример.

В своих показаниях в Следственной комиссии Временного правительства бывший директор департамента полиции Белецкий говорит, между прочим, о том, как были организованы поездки Николая II на фронт.

«Поездки эти, — сообщает Белецкий, — были обставлены так легко, что о них было известно в Германии: там знали маршруты царских поездов. Так, например, в ноябре, когда государь ехал с наследником на фронт, агентура западного фронта сообщила, что на участке за Бахмачем должна быть брошена бомба с немецкого аэроплана. Поезд шел со станции Сарны. Немецкий аэроплан шел навстречу. У них (германцев) в распоряжении имелись сведения о маршрутах царских поездов, даже по часам, что я впоследствии проверил. Я поставил в известность генерала Воейкова, чтобы эти поезда лучше скрывались от них. Получив определенные сведения, я прекратил телефонные сношения и дал срочную телеграмму Воейкову, чтобы он боялся этого пролета. Произошла случайность — у наследника случилось кровоизлияние из носа, и поезд, повернув назад, срочно отправился в Царское. Но в тот самый час на этом пролете с высоко стоящего немецкого аэроплана была, действительно, брошена бомба во вспомогательный поезд, который идет впереди царского. Я по этому случаю составил записку и передал в ставку генералу Алексееву».

Итак, мы имеем указания Белецкого, что в Германии были точно известны маршруты царских поездов. Надо заметить, что Белецкий, в отличие от большинства других деятелей старого режима, давал свои показания правдиво и откровенно. И сообщенный здесь им факт находит себе подтверждение в том, что эпизод с внезапной болезнью наследника Алексея и поворотом вследствие этого царского поезда, действительно, произошел. Это видно, между прочим, из переписки Николая и Александры Федоровны — 3 декабря 1915 г. Николай, находясь в поезде, в пути на южный фронт, дал следующую телеграмму своей жене:

«Вследствие простуды, у Алексея целый день с перерывами было кровотечение из носа. Решил, по совету Федорова *, вернуться в ставку. Буду очень рад, если ты приедешь провести 6 декабря вместе. Крепко обнимаю.

Николай».

Эта телеграмма была подана со станции Мена Либаво-роменской железной дороги: Мена находится весьма близко от указанного Белецким Бахмача (не более часа езды по железной дороге).

В телеграмме Николая он, как видим, сообщая о болезни наследника и возвращении, вследствие этого, из поездки, вместе с тем приглашает жену приехать к 6 декабря в ставку, — однако потом этот план был изменен, и Николай решил возвратиться в Царское, как это и указывает Белецкий.

Таким образом, мы можем видеть, что Белецкий указал в общем весьма точно и время и место этого случая. На основании этого можно отнестись с доверием к сообщению Белецкого, что германцы знали маршруты поездок Николая. Но откуда? Каким путем? Этого Белецкий не сообщает.

Ответ на этот вопрос может дать та же переписка Романовых.

3 ноября 1915 г., незадолго до предыдущей поездки Николая (тоже на юг), А. Ф., передав ему некоторые просьбы А. Н. Хвостова (министра внутренних дел), между прочим, сообщала:

---

* Придворный врач.

«Он (Хвостов) привез мне твои секретные (подчеркнуто Александрой Федоровной — *В. С.)* маршруты от Воейкова, и я никому ни слова не скажу, только нашему Другу (подчеркнуто нами—*В. С.)*, чтобы он тебя всюду охранял».

Несомненно, такая распутинская «охрана» нужна была и при следующей поездке Николая, а, при таких условиях, в связи с эпизодом у Бахмача, сообщение этих секретных маршрутов «только нашему Другу» может приобрести особый, драматический смысл. Для объяснения его проследим за ходом мыслей А. Ф.

Непосредственно после цитированных нами строк А. Ф. о маршрутах в письме ее говорится следующее:

«Только бы Кирилл (вел. кн. Кирилл Владимирович) имел успех. Наш Друг сказал еще одну вещь, а именно: если будут предлагать большие суммы (с тем, чтобы получить награды), их нужно принимать, так как деньги очень нужны; поощряешь их делать добро, уступая их слабостям, и тысячи от этого выигрывают — верно, но все-таки это безнравственно. Но в военное время все — по иному. Поговори с Хвостовым о Жевахе (кн. Жевахов)... Андроников передал все не совсем так, как было».

Переписка Романовых дает ответ и на вопрос, кто именно предлагал «большие суммы» за награды.

В письме А. Ф. к мужу от 10 сентября того же года, находим строки, в которых она хлопочет относительно изобретателя каких-то аэропланов, и при этом сообщает:

«Какой-то Рубинштейн дал уже 1000 руб. и согласен дать еще 500000 руб. на изготовление аппарата, если он получит то же самое, что и Манус».

Таким образом, в письме, где сказано о секретных маршрутах, А. Ф., говоря непосредственно после этого о том, что нужно принимать большие суммы, которые будут предлагать за награды, имеет в виду, прежде всего, того же известного нам банкира Рубинштейна: последний желал получить чин действительного статского советника (каковой незадолго до этого был дан Манусу), и А. Ф. в писье от 3 ноября только напоминала о том, о чем говорила 10 сентября, т.-е., что нужно дать Рубинштейну чин, получив за это от него 500 тысяч.

Но, хотя Рубинштейн и был личностью в высшей степени подозрительной, мы не хотим из приведенных сопоставлений сделать заключение, что именно он причастен к вопросу о «секретных маршрутах», — и это прежде всего потому, что тогда, в конце 1915 года, Рубинштейн, повидимому, еще не был близок к Распутину. Зато в том же письме, как мы видели, упоминается еще одно темное имя, имя князя Андроникова; по газетным сообщениям именно он, весьма близкий тогда к Распутину, выхлопотал Рубинштейну чин действительного статского советника. Таким образом, при вопросе о путях перехода к германцам «секретных маршрутов», мы, кроме имени Распутина, подходим и к имени кн. Андроникова, который, кстати сказать, упорно подозревался в шпионаже.

К этой истории можно добавить и еще один эпизод из подобной же области.

Существует известие, сообщенное в иностранных газетах жандарским генералом Комисаровым, одно время состоявшим при Распутине, о том, что английский фельдмаршал Китченер, погибший в мае 1916 г., подвергся такой участи вследствие предательства кого-то из распутинского круга. Китенер погиб в то время, когда он направлялся из Англии в Россию на крейсере «Гемпшир»: этот крейсер был взорван германской подводной лодкой. Германцы, таким образом, были осведомлены об отъезде Китченера и о времени и пути следования крейсера, хотя все это держалось в такой тайне, что даже сам командир судна только по выходе в море узнал, куда должен быть направляем корабль (место назначения было указано в запечатанном конверте, который должен был быть вскрытым только по выходе в море).

Хотя в показаниях Комисарова есть некоторые сомнительные пункты [58], однако прикосновенность к гибели Китгенера кого-то из «распутинцев» представляется вполне возможной,—и на приведенных эпизодах мы, таким образом, прямо подходим к вопросу о Распутине и шпионаже.

Надо заметить, что у самого Николая были, видимо, какие-то сомнения насчет той роли, которую может сыграть сообщение Александрой Федоровной Распутину всех военных тайн — поэтому Николай иногда делал предупреждения и относительно него. Так, например, в письме от

5 июня 1916 года Николай, сообщив жене о вновь принятых военных планах, прибавляет:

«Но прошу тебя об этом не говорить никому, даже нашему Другу».

Однако, Александра Федоровна, при ее слепой вере в «божьего человека , все-таки продолжала, конечно, сообщать ему все военные тайны.

Впрочем было даже собственное указание Распутина о том, чтобы осведомлять его обо всем выдающемся. Это мы видим хотя бы из письма Александры Федоровны к мужу, от 22 декабря 1915 года:

«Наш Друг, — пишет она, — все молится и думает о войне. Он говорит, чтобы мы ему тотчас же говорили, как только случится что-нибудь особенное, — она (Вырубова) ему сказала про туман, и он сделал выговор, что ему этого не сказали тотчас же, — говорит, что туманы не будут мешать».

Итак, распорядившись, чтобы не было больше туманов, Распутин вместе с тем подтвердил необходимость сообщать ему обо всем «особенном»; однако, почему-то однажды Николай допустил оплошность, не сообщив Распутину о происходившем вскоре наступлении на одном из фронтов. Тогда последовало напоминание:

«Он (Распутин), — пишет А. Ф. в январе 1916 года, — жалеет, что начали это движение, не спросивши его. Он бы сказал, что нужно подождать. Он всегда молится и обдумывает, когда придет хороший момент для наступления, чтобы не терять людей без пользы».

Вообще на многих примерах можно видеть, что, если чего-либо нужно Распутину своевременно Романовы не сообщали, то он обращался к Александре Федоровне, — а та к Николаю, — с соответствующими запросами.

Так, 7 ноября 1915 г. А. Ф. пишет Николаю, находившемуся в Одессе:

«Жажду телеграммы из Одессы, все мои мысли с тобой. Дорогой ангел, так хочется задать тебе тысячу вопросов о твоих планах относительно Румынии. Наш Друг очень хочет это знать».

Или письмо от 4 февраля 1916 года:

«Теперь, — пишет А. Ф., — совершенно частный вопрос от меня лично: все время читаешь, что германцы продолжают посылать в Болгарию войска и пушки, так что, если мы, наконец, поведем наступление, а они зайдут сзади через Румынию, то кто прикроет тыл нашей армии? Или будет послана гвардия влево от Келлера * и для прикрытия по направлению к Одессе? Это я придумала сама, потому что враги всегда находят у нас слабые пункты. Они всегда и все подготовляют на всякий случай, а мы вообще весьма небрежны, почему и проиграли Карпаты, где недостаточно укрепили свои позиции. Теперь, если они проложат себе путь через Румынию к нашему левому флангу, то что же остается для защиты нашей границы? Извини, что надоедаю тебе, но невольно приходят в голову такие мысли».

Александра Федоровна получила, понятно, ответы на все эти вопросы и, очевидно, обо всем сообщила Распутину.

Все подобные выпытывания военных тайн, конечно, очень подозрительны, особенно в связи с теми слухами о связи Распутина с германской агентурой, которые были широко распространены во время войны и, можно сказать, даже независимо от фактов, много способствовали созданию революционного настроения масс. Действительно, если наверху совершается предательство (а в этом подозревали не только Распутина, но и Александру Федоровну), то ради чего же гибнут тогда эти сотни тысяч жизней: ведь, при таких условиях, конечная победа все равно невозможна, и война утрачивает даже тот призрачный смысл, который ей придавала русская буржуазия.

Мы, конечно, также не можем располагать какими-либо определенными фактами, чтобы доказать связь Распутина с германским шпионажем. Но не имеем оснований и отвергнуть такую возможность. Ведь, шпионаж был организован в овсех воюющих странах, при чем шпионили одна за другой не только враждебные, но и союзные державы. При таких условиях, трудно было бы думать, чтобы германская агентура не использовала такого ценного и столь легко доступного источника, каким был Распутин.

Однако, думать, что Распутин мог быть платным германским агентом, мы считаем неосновательным. Совер-

---

* Генерал, командовавший одной из армий.

шенно справедливо отмечает М. Н. Покровский, бегло к
этого вопроса в предисловии к переписке Романовых,
«имея к своим услугам кошелек самой богатой семьи в Р
сии, не говоря уже о приношениях бесчисленных поклонниц
толпы просителей, Распутин едва ли бы польстился немец-
ким жалованьем» [59]. Но, несмотря на это, является всё же
вопрос: не могло ли «посредничество» Распутина осуще-
ствляться в каких-либо более «деликатных» фирмах? Рас-
путин не таил про себя получаемых от Романовых секретов,
он разбалтывал их (особенно в довольно обычном своем пья-
ном состоянии) всем своим окружающим, — дальнейшее
же направление этих сведений к нужному пункту при же-
лании было дать не трудно.

Распутин, как умный человек, не мог, конечно, не созна-
вать, какое употребление могут сделать соответствующие
лица из сообщаемых им военных секретов. Но Распутин,
видимо, смотрел на это «сквозь пальцы», «делал вид», что
он и не подозревает куда идут те сведения, которые у него,
под разными предлогами, выспрашивали «заинтересован-
ные» лица, вручавшие вместе с тем Распутину, опять-таки
под разными предлогами, и подарки и деньги. Такой прием
и обычно применяется в подобной «осведомительной»
практике.

Министр внутренних дел А. Н. Хвостов оставил харак-
терный рассказ о том, как технически проводилось это осве-
домление разных дельцов о военных тайнах.

«Распутин, — говорит Хвостов, — ездил в Царское,
и ему давал поручение Рубинштейн узнать о том, будет ли
наступление или нет. При чем Рубинштейн объяснял дру-
гим, что это ему нужно для того — покупать ли в Минской
губернии леса, или нет, потому что если будет наступле-
ние, значит, можно покупать — тогда это представляло бы
большую ценность; если же нет, если не будет наступле-
ния — то не следует. Мне сообщили, — продолжает Хво-
стов, — что Распутин поехал с таким поручением, а когда
приехал, то, действительно, он рассказывал, что он говорил
в Царском Селе».

Николай сказал, оказывается, что наступления не будет.
«Когда же будешь наступать?» — спрашивает Распутин. —
«Ружья будут только через два месяца; раньше не могу...»

жны ли были, — прибавляет Хвостов, — Рубинну эти сведения, чтобы купить лес, или чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин, чтобы потом могли послать 5-6 корпусов на верденский фронт — это трудно установить» [57].

Это, конечно, только пример того, как могло быть организовано подобное «дело»: если не Рубинштейн, то кто-либо другой мог с успехом выполнять при Распутине подобные функции.

Но, даже оставляя в стороне этот последний вопрос, мы имеем основание думать, что и при вмешательстве в дела верховного командования у Распутина были те самые «руководители», которые наставляли его и тогда, когда он действовал в области «гражданского управления»: при назначениях министров, при их увольнении, при организации займов и т. п. Это, очевидно, все те же Андрониковы, Рубинштейны, Манусы, Манасевичи-Мануйловы и весь прочий сброд. Заинтересованность этих биржевых дельцов в тех или иных военных операциях в значительной степени определялась успехом их финансовых комбинаций, при чем крупное поражение русской армии часто бывало для «понижателей» гораздо выгоднее удачных ее действий: поражение, отзываясь иногда на бирже понижением бумаг, сулило все выгоды тем спекулянтам, которые играли именно на этом; с другой строны, «повышатели», по таким же мотивам, имели все основания желать хорошей победы. Таким образом, есть основание думать, что некоторые «стратегические» советы Распутина были связаны просто с интересами направляющих его отдельных спекулянтов. Не исключена, однако, и та возможность, что в некоторых случаях через Распутина передавались Романовым директивы германского штаба.

В заключение этого очерка надо отметить, что, в общем, роль Распутина и Александры Федоровны, при их вмешательстве в дела военного командования, соответствовала той позиции, которую они занимали в вопросе о сепаратном мире. Этой цели, в конечном итоге, соответствовали и достигнутое распутинцами свержение вел. кн. Николая Николаевича, и борьба против Алексеева и наконец — настояния о задержке, и даже совершенном прекращении летнего наступления 1916 года.

Таким образом, в то время как на полях сражений борьба за достижение «победоносного мира», правящая распутинская группа, при своем вмешательстве в руководство военным командованием, вела другую закулисную борьбу — за прекращение войны, за сепаратный мир.

Заключение.

Вопрос о заключении мира, хотя бы и сепаратного, к чему клонилась политика царской России накануне революции, должен был вставать тогда, даже и вне всякой зависимости от той или иной воли правительства и социальных групп его поддержавших: этот вопрос ставился, прежде всего, назревшими к тому времени объективными условиями, связанными в своей основе с тем общим разложением всей хозяйственной системы, которое протекало в процессе войны.

Однако, правящая группа могла понимать всю серьезность тех причин, которые вызывали необходимость постановки вопроса о мире и могла, по слепоте своей, их не вполне учитывать, в гибельной и нелепой надежде, что какими-либо чудодейственными мерами можно будет преодолеть непреодолимые препятствия.

В нашу задачу не может входить, конечно, анализ проявлений наступавшего экономического разложения, которые сами по себе уже должны были бы наводить власть на мысль о небходимости заключения мира. Однако, некоторые главные симптомы происходившей «разрухи» мы считаем нелишним всё же здесь отметить.

Война, с ее небывалым размахом, превзошла все те планы, на которые могла рассчитывать царская власть, — и результатом этого, первым тревожным симптомом, дававшим, однако, громадную трещину в лозунге «война до победы», был недостаток орудий и снарядов, обнаружившийся уже с начала 1915 года. Чем дальше — тем грознее значение этого «недостатка» стало ощущаться все более и более и, в конце концов, одним из результатов его было отступление

русской армии из Галиции и ряд тех поражений, которые понесла русская армия летом 1915 года. Однако, мобилизовавшаяся в связи с этим буржуазия пришла на помощь правительству, благодаря чему снабжение армии орудиями и снарядами, в большей или меньшей степени, стало налаживаться. Но предоставленные для военных надобностей заводы почти не могли уже заниматься той «мирной» работой, которая, однако, была необходима и во время войны: вагоны и рельсы изнашивались, а новых не было — вследствие этого явилась «разруха» транспорта, бывшая, несомненно, главной причиной наступавшего хозяйственного кризиса. Затем пришла, принявшая грозные размеры, продовольственная «разруха» и связанная с ней дороговизна, немало способствовавшая усилению общего недовольства широких масс. Потом стали обнаруживаться разные другие «разрухи» и, в конце концов, не осталось уже ни одной области хозяйственной жизни, в которую война не внесла бы своей разрушающей силы. И решающим фактором, в результате, становились уже не пушки и снаряды, которые предназначались для уничтожения неприятельских армий, а именно те условия, которые создавались в тылу и обнаруживали общее разложение всей хозяйственной жизни страны.

Помимо тех причин к миру, которые связаны с происходившим в хозяйственном организме России разложением, мы отметим здесь еще две.

Первая из них — это то, что русской армии, даже при полном обеспечении снарядами, фактически было не под силу воевать на два фронта: и с австро-германцами и с турками, — между тем именно у Турции должна была царская Россия отхватить свою главную добычу — Константинополь и проливы. Стратегическая невозможность преследовать эту последнюю задачу стала выясняться в ставке уже с февраля 1915 года, а в октябре того же года, в связи с решением Болгарии присоединиться к Германии, генерал Алексеев пришел к заключению о небходимости для России заключить сепаратный мир с Турцией. «Только тогда, — по мнению ген. Алексеева, — создастся положение, при котором разумно можно будет рассчитывать на достижение цели войны — изгнания врага из наших пределов и сокрушения опасной для нашего существования, военной мощи Герма-

нии». «Преследовать иные цели, — указывал Алексеев, — значит, гоняться за миражом» [61].

Вторая причина, которую мы хотим отметить — это рост, в связи с войной, революционного настроения рабочих масс. Движение их стало заметно проявляться уже во второй половине 1915 года; в этом отношении нужно особенно отметить большие забастовки в Петрограде и в Москве. Этот, с каждым днем все более нараставший революционный подъем был, между прочим, одним из мотивов возникшего в «ставке» проекта о небходимости учреждения военной диктатуры.

Нарастание революционного настроения масс было также одним из тех мотивов, по которым в некоторых слоях буржуазии начинали задумываться о необходимости мира, посредством которого предполагалось подавить назревавшую революцию. И этот мотив, следует отметить, имел известное значение не только у нас, в России, но и в других государствах, особенно же у австро-германской коалиции и, естественно, и там содействовал росту пацифистских настроений у правящего класса.

Затем, не говоря уже о том, что некоторые русские социальные группы всегда отрицательно относились к перспективам войны с Германией, стремление к миру, под влиянием чисто-экономических интересов, стало проявляться и у некоторых из тех слоев, которые желали войны, но не предвидели ее затяжного характера. Таковы некоторые дворянско-помещичьи круги, связанные с хлебным экспортом; война, прервавшая всякий вывоз за границу, слишком тяжело отражалась материально на этих слоях и, если удачная война и сулила им выгоды, то самая длительность ее не могла не наводить на мысль о необходимости скорейшего ее прекращения, чтобы, не увлекаясь недостижимыми выгодами, вернуться хотя бы к прежнему довоенному порядку.

Частичным пониманием некоторых из указанных нами причин, и особенно постепенно росшим сознанием опасности продолжения войны для монархии и для династии, и объясняется то стремление к сепаратному миру, которое отмечаем мы в политике Романовых накануне революции.

Однако, в еще большей степени этот курс объясняется не столько пониманием этих общих мотивов, сколько тем,

что после смены вел. кн. Николая Николаевича к аппарату власти стали, через Распутина, подходить «пацифистски» настроенные группы, которые и давали правительству свои директивы. Таковыми группами были, во-первых, «правые» и, во-вторых, основная банковская группа, связанная с металлургической промышленностью.

Что касается «правых», выражавших интересы некоторых крупно помещичьих кругов, то в их среде всегда отрицательно относились к союзу с республиканской Францией, чему противополагалась необходимость солидарности с Германией; по мере продолжения войны «мирные» настроения этих кругов подкреплялись вновь нараставшими причинами экономического порядка. Из среды этих «правых» и выходили все те бюрократы, которые привлекались к власти через Распутина, — таков, в частности, Штюрмер, имевший собственный влиятельный политический «салон». Интересам этих же «правых», стоявших на германофильской позиции, служили и низовые черносотенные организации, вроде «союза русского народа» и «палаты Михаила архангела».

Второй пункт, направлявший царскую политику, представляла собою руководящая банковская группа, тесно, как мы видели, связанная, с одной стороны, с германским капиталом, с другой — через Распутина, Протопопова и др. — с «троном». Для объяснения «мирных» настроения этой банковской группы, в зависимости от которой находился и ряд крупнейших металлургических предприятий, в сущности, можно найти некоторые экономические мотивы, совершенно даже независимые от прикосновенности этой группы к германскому капиталу.

Дело в том, что война, приведшая к дезорганизации всей хозяйственной жизни страны, если и могла быть выгодна для отдельных банковских спекулянтов, то для банкового капитала в целом она, видимо, особого интереса не представляла. Об этом мы можем сделать вывод на основании анализа котировок на бирже банковских акций. Все они, равно как и акции металлургических предприятий, испытав с началом войны чрезвычайное понижение, не могли не только в 1914 г., но и втечение всего 1915 г. и даже первой половины 1916 г., вернуть своей довоенной стоимости. И, хотя во вторую половину 1916 г. стоимость акций стала,

по сравнению с довоенной, повышаться, но это повышение было не абсолютное, а только относительное, потому что стоимость самого рубля чрезвычайно понизилась, так что, например, в октябре 1916 г. рубль, по сравнению с движением товарных цен на продукты питания, обесценился уже более, чем в два раза. Такое положение, как мы думаем, уже само по себе может дать достаточную почву для объяснения тяготения к миру, как банковских кругов, так и руководящей группы промышленников-металлургистов [61].

В области внутренней политики эта банковская группа вполне поддерживала реакционную политику правительства; это особенно наглядно было видно из приведенного нами плана, выборов в V Государственную думу, которую банки собирались сфабриковать совместно с распутинским правительством. Если же и были более либерально настроенные банковские дельцы, то они в общей банковской политике заметного влияния не имели.

Зависимость руководящей банковско-промышленной группы, возглавлявшейся Международным Банком, от германского капитала вносила в ее политику элементы непосредственного германского воздействия. Примеры этого мы видели на обстоятельствах назначения министром внутренних дел А. Н. Хвостова, — чем предполагалось предотвратить его выступления в Государственной думе против германского капитала, — на организации «стокгольмского свидания» Протопопова с Варбургом, последствием чего, несомненно, было и назначение Протопопова министром. Эти примеры весьма характерны: они показывают, что, хотя германский капитал и не играл в экономической жизни России преобладающего значения, но он имел пути к непосредственному, даже во время войны, воздействию на аппарат русской государственной власти; эти пути, — как мы показывали, — шли через Распутина и окружающих его банковских дельцов.

Вместе с тем, понятно, что это воздействие германского капитала было гораздо меньше той роли, которую играл англо-французский капитал в своем влиянии, как на военную политику царской России, как на руководство русской армией, так и на широкие слои русской буржуазии. Тем не менее бой двух главнейших воевавших капиталистических

групп — англо-французской и германской — протекал не только на полях сражений, но и в самом политическом организме капиталистически-молодой России.

Мы не имеем, понятно, возможности рассматривать здесь сколько-нибудь подробно вопрос об отношении к войне промышленной буржуазии, — нам важно только отметить, что на тогдашней политической арене явно намечается борьба двух противоположных ее групп.

С одной стороны, мы видим, широкие слои империалистской буржуазии, с такими ее представителями, как Рябушинский, Коновалов, Гучков и т. п.; в этом слое буржуазии видную роль играли представители текстильной промышленности. Этому слою промышленной буржуазии, стоявшей на прогрессивной позиции, объективно служила и так называемая, либеральная интеллигенция. Против этой либерально-империалистской буржуазии правительство вело ожесточенную борьбу, а Гучков даже оказывался «главным вратом» монархии и династии.

На другом фланге выявляется небольшая, но очень сильная группа, представителями которой выступают Манус, Путилов, Протопопов. Эта группа, тяготеющая к сепаратному миру и к крайней реакции, пользуется полной поддержкой Романовых и, через Распутина и Протопопова, оказывает решающее влияние на политику.

Отмеченные нами пацифистско-германофильские группы стали, как мы видели, подходить к власти не ранее чем через год после начала войны. Поворотным этапом царской политики, согласно нашему взгляду, является момент увольнения вел. кн. Николая Николаевича и, в известной мере связанный с этим, разгон Государственной думы (в сентябре 1915 г.). Эти мероприятия отстранили претензии на приближение к государственному аппарату либеральной буржуазии и открыли доступ к нему реакционным ее слоям, которые, в конце концов почти овладели государственным управлением. В связи с этим дальнейшие наскоки на власть либерально-империалистской буржуазии и имели своей главной целью овладение правительственным аппаратом, путем свержения «темных сил» и установления «министерства общественного доверия».

Эти стремления либеральной буржуазии были тем более естественны, что, организовавшись в «союзы» земств и горо-

дов, в «военно-промышленные комитеты», укрепившись в «думах», либеральная буржуазия фактически распоряжалась уже всей военной экономикой страны. Только верхушка власти не была в ее руках, и, вопреки интересам широких слоев буржуазии, направляла дело к сепаратному миру. Естественно, что это вызвало сначала «осаду власти», а потом, когда эту власть поколебать не удалось, и планы дворцовых переворотов, имевших целью устранить Николая II и Распутина и водворить на их место какого-либо другого, более приемлемого для империалистской буржуазии, Романова.

Отражение борьбы двух течений — либерально-империалистского и реакционно-пацифистского — проявилось, между прочим, на сменах и назначениях министров. Это вовсе не была какая-то беспорядочная «чехарда», — тут имелась своя система. Поставив к власти Штюрмера, распутинская группа вместе с тем стремилась к тому, чтобы придать «кабинету» однородный, реакционно-пацифистский характер; но делать это надо было (из боязни империалистской буржуазии) осторожно, постепенно; приходилось временно мириться с либерально-империалистскими элементами (вроде Сазонова, пользовавшегося доверием союзников). Однако, постепенно эти элементы устранялись, и их места занимались или кандидатами распутинской группы, или же людьми беспринципными, готовыми играть какую-угодно роль. Когда же скрытые цели такой механики обнаруживались более чем следовало, приходилось убирать нужных людей и заменять их лицами более или менее приемлемыми для противной стороны: таков, напр., был смысл отставки Штюрмера и замена его (в ноябре 1916 г.) Треповым, который, хотя и был реакционером, но все-таки мог бы примириться с империалистской буржуазией на принципе «война до конца». Но это была половинчатая позиция, не удовлетворявшая ни ту, ни другую сторону, — потому Трепова убрали, а на его место назначили бесцветного князя Голицына, которому пришлось быть уже последним председателем совета министров.

Оценивая происходившую борьбу, мы можем также заметить, что самая верхушка власти была в одно и то же время точкой приложения двух боровшихся сил. На «троне» восседали, в сущности, трое: Николай II, Александра Федо-

ровна и Распутин. Если двое последних представляли здесь «пацифистское» течение, то сам Николай II, хотя и колебался под его ударами, но все-таки, уже в силу своего положения, не мог не возглавлять империалистские стремления русской буржуазии.

Однако, несмотря на такую раздвоенность власти, поскольку главенствующую роль играла перед революцией «пацифистская» группа, мы можем стремление к сепаратному миру с Германией считать основной, руководящей линией этой распутинско-романовской политики.

Последний бой империалистской буржуазии с «пацифистскою» группою намечался уже тогда, когда над всеми слоями буржуазии обнаружилась угроза революции. Тогда и та и другая группа буржуазии, стараясь предотвратить выступление общего врага — пролетариата, пытались организовать государственный переворот, при чем у «пацифистской» группы, он связывался с вопросом о сепаратном мире, у империалистской — с стремлением к войне до конца».

Первый план, предусматривавший, между прочим, роспуск Государственной думы и превращение ее в «законосовещательное» учреждение, был уже рассмотрен нами в очерке «Борьба за сепаратный мир». Этот план, одобренный и Николаем II, непосредственно вышел из кружка «правых» Римского-Корсакова, — кружок же этот был связан и с «пацифистской» финансовой группой (Манус и К-о). План этот, возвращавший самодержавие к его «чистой» форме, открывал теоретическую возможность и для союза с Германией.

Противоположный этому план имел целью предотвращение сепаратного мира и «войну до конца». Было две группы, подготовлявших такой переворот. Руководителем одной, в которую входили преимущественно офицеры, был генерал Крымов, намечавший, совместно со своим отрядом, план нападения на царский поезд во время поездки Николая II в «ставку»; предполагалось предложить ему отречься от престола, — если же он откажется, «физически его устранить», провозгласив царем наследника Алексея, а регентом брата Николая, Михаила Александровича. Эта группа, в лице офицерского отряда, представляла физическую силу для переворота; государственную же власть, после его совершения, должна была, очевидно, взять другая группа,

хотя и «работавшая» отдельно от первой, но через некоторых участников осведомленная о ней. Ядро этого второго кружка составляли некоторые члены прогрессивного блока, в том числе и значительное число из тех лиц, которые потом вошли в состав первого Временного правительства. Этот кружок, подобно кружку Крымова, также поддерживал мысль о необходимости водворения на престол наследника Алексея, с регентством вел. кн. Михаила Александровича.

Примыкавший к этому кружку Милюков, признавая, что «главным мотивом», которым руководились «парламентские круги, делавшие оппозицию правительству», было «желание довести войну до конца в согласии с союзниками и всё возраставшая уверенность в том, что при данном правительстве эта цель не может быть достигнута», именно этим объясняет участие представителей «блока» в плане указанного дворцового переворота [60]. Целью упомянутого кружка было, таким образом, обеспечение продолжения войны «до конца», и лишь средством для того, чтобы достигнуть этой цели, был намечавшийся переворот.

И планы либеральной буржуазии и чаяния крайних «правых», естественно, поддерживались теми государствами, к которым обращали они свои надежды.

Германцы, жизненно заинтересованные в сепаратном мире, постоянно (в частности, и при попытках к сепаратному миру) указывали Романовым на противоестественность союза монархической России с республиканской Францией, противопоставляя этому целесообразность союза России и Германии, создававшего «прочный оплот» монархического начала в Европе.

С другой стороны, союзники России сочувственно поддерживали борьбу либеральной буржуазии с властью, и когда Романовы стали клонить политику к сепаратному миру, считали желательным, чтобы в России произошел переворот, который приблизил бы к кормилу власти эту самую либеральную буржуазию, непоколебимую в своей верности союзникам и готовности вести войну до победы.

Февральская революция удовлетворила этим чаяниям союзников, но дальнейшее развитие революционного процесса разбило подчинение России англо-французскому капиталу и ход истории направило по новым путям.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) М. Н. Покровский. „Царская Россия и война". М., 1924 г., стр. 19—21 и 64—77.

[2]) Палеолог. „Царская Россия во время мировой войны". Л., 1923 г., стр. 211.

[3]) Лорд Берти. „За кулисами Антанты". Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. Л., 1927 г., стр. 51.

[4]) Письма Николая II и Александры Федоровны цитируются по изданию Центрархива „Переписка Николая и Александры Романовых", с предисловием М. Н. Покровского, томы III—V, 1923—1927 г.г. Ссылок на страницы этого издания мы не делаем, так как и без них, по указываемым датам писем, всегда легко найти цитируемое письмо в печатном тексте.

[5]) „Константинополь и проливы". По секретн. документ. б. министр. иностр. дел". Под ред. и со вступит. статьей Е. А. Адамова. Том I. М., 1926 г., стр. 289—294.

[6]) Такое сообщение появилось, например, в шведской газете Svenska Dageblad".

[7]) Валентинов. „Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 г." М., 1920 г., стр. 55—56, секретная телеграмма Жилинского ген. Алексееву, от 27 ноября 1915 г.

[8]) Журнал „Дела и дни", 1920 г., кн. I, стр. 220, „Дневник Сухомлинова".

[9]) Это письмо шведского короля, а также ряд других из цитируемых и приводимых в настоящей книге документов, сохранились в личных бумагах Николая II (Центрархив, Архив Октябрьской революции); см. также книгу „Монархия перед крушением. Из бумаг Николая II. Статьи В. П. Семенникова". Л., 1927 г.

[10]) Count Burian „Drei Jahre", Berlin, s. 139.

[11]) Cramon. „Unser Oesterreich—ungarischer Bundesgenosse im Weltkriege". Berlin, 1920.

[12]) Письма Васильчиковой, сохранившиеся в личных бумагах Николая II (Центрархив, Архив Октябрьской революции) были напечатаны полностью в моей книге „Политика Романовых накануне революции", 1926 г., стр. 12—19. Письма Васильчиковой были писаны по-русски, но ее беседа с фон-Яговым изложена на французском языке, на котором велась.

[13]) „Константинополь и проливы", том II, стр. 375—380.

[14]) М. Лемке. „260 дней в царской ставке". П., 1920 г., стр. 281 (здесь напечатана телеграмма начальника штаба северного фронта ген. Бонч-Бруевича на имя ген. Алексеева, с запросом о пропуске Васильчиковой, и резолюция по этому поводу Алексеева).—См. также Палеолог, „Царская Россия во время мировой войны". стр. 312, а также газеты за декабрь 1915 г. „Русские ведомости", № от 22 декабря, „Русское слово", № от 19 декабря и др.

[15]) „Записки германского кронпринца". П., 1923 г., стр. 130.

[16]) „Воспоминания А. П. Извольского" (б. министра иностр. дел) П., 1924 г., стр. 95.—А. Вырубова. „Страницы из моей жизни", стр. 90.

[17]) Петербургская газета", 1913 г., № 281, от 13 октября.

[18]) Журнал „Дым отечества" 1913 г., № 4 от 24 января; см. также „Новое время" 1913 г., № 13266.

[19]) „Дневник в. великого князя Андрея Владимировича". Под ред. и со вступит. статьей В. П. Семенникова. Л., 1925 г., стр. 87.

[20]) Интервью с Витте было помещено в апреле 1914 г. в газете „Vossische Zeitung".

[21]) „Петербугская газета" 1914 г., № 144.

[22]) „Переписка Н. и А. Романовых", том III, стр. XIX и приложение III.

[23]) М. Н. Покровский. „Царская Россия и война, стр. 28.

[24]) Копия текста этой прокламации, сохранившаяся в личных бумагах Николая II, была представлена ему верх. главноком. вел. кн. Николаем Николаевичем при соответствующем его приказе по армиям от 7 января 1915 г., № 13. — Об этой прокламации упоминает также Палеолог — „Царская Россия во время мировой войны", стр. 142.

[25]) „Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г.". Под ред. П. Е. Щеголева. В семи томах. 1924—27 г.г. Показания Родзянко — в томе VI.

[26]) Записка эта напечатана в журнале „Красная новь", 1922 г., кн. 6, с предисловием М. Павловича; в сокращении помещена в журнале „Былое", 1922 г., № 19, стр. 161—176.

[27]) „Записки германского кронпринца", стр. 157.

[28]) Доклад Протопопова на съезде предводителей дворянства напечатан по стенограмме в „Русском слове", 1917 г., от 19 января, № 17, и в других газетах".—О „беседе" Протопопова см. также в издании „Константинополь и проливы", том I, стр. 405—411; A. Necludoff. „Souvenirs Diplomatiques en Suède pendant la guerre mondiale", avec une prèface de M. G. Hanotaux, Paris, 1926; „Падение царского режима", томы II и IV (показания Протопопова); в моей книге „Политика Романовых накануне революции", стр. 37—44 (где указаны и другие источники).

[29]) „Падение царского режима", т. VI, показания П. Н. Милюкова.

[30]) Th. von Bethmann Nollveg. „Betrachtungen zum Weltkriege" Berlin, 1922, 2-ter Theil, s. 94—96, 300.

[31]) А. Тирпиц. „Из воспоминаний". С предисловием В. Гурко-Кряжина. Л., 1925, стр. 149—150.

[32]) „Константинополь и проливы", т. I, стр. 132—134, 412—448.

[33]) Эрцбергер. „Германия и Антанта". Л., 1923 г., стр. 150.

[34]) А. А. Блок. „Последние дни императорской власти". П., 1921 г., стр. 122—125. (здесь напечатан текст этой записки полностью).

[35]) „Константинополь и проливы", т. II, стр. 384—386, а также A. Necludoff. „Souvenirs diplomatiques", pp. 256—262.

[36]) О. Чернин. „В дни мировой войны". С предисловием М. Павловича. П., 1923 г., стр. 156—158.

[37]) Вильгельм II. „Мемуары: События и люди". С предисловием А. В. Луначарского. П., 1923 г., стр. 123.—По словам Вильгельма II, содержание этой записки было сообщено ему после брестского мира графом Мирбахом.

[38]) К. Гельферих. „Накануне мировой войны. Под ред. Ф. Роттштейна. М., 1924 г., стр. 124—130.—Как отсюда видно, Давыдов действовал в Берлине 26—27 июля, то есть за 4—5 дней до общей мобилизации России.

[39]) Цитаты из книги E. Agahd „Grossbanken und Weltmarkt“ (Berlin, 1914) приведены в работе В. И. Ленина „Империализм, как новейший этап капитализма“, которой мы и пользуемся.

[40]) П. В. Оль. „Иностранные капиталы в России“. Изд. Инст. Экон. Исследов. при Н. К. Ф. П., 1922 г., стр. 79, 99.

[41]) „Переписка Н. и А. Романовых“, мемуары Палеолога, „Падение царского режима“, статья „Распутин в освещении охранки“ („Красный архив“, т. V) и проч.

[42]) „Письма императрицы Александры II к Николаю II“. Берлин, 1922 г., т. II, стр. 84—85.

[43]) Приведенные сведения взяты из „Всеподданнейшего доклада министра путей сообщения“, от 25 июля 1916 г., „по вопросу о железнодорожном строительстве“.

[44]) „Падение царского режима“, т. IV, письменные показания Протопопова.—В дальнейшем тексте очерка „Банки и Распутин“, многократно цитируя различные показания бывших сановников в следственной комиссии Временного правительства, мы всегда пользуемся изданием „Падение царского режима“, не делая, однако, на это постоянных ссылок.

[45]) М. В. Родзянко. „Крушение империи“ (мемуары). Л., 1927 г., стр. 113 и др.

[46]) Палеолог. „Царская Россия накануне революции стр. 222.

[47]) „День“ 1917 г., №№ 57—69.

[48]) Показания Андроникова, в Следственной комиссии—„Падение царского режима“, т. II.

[49]) П. Юферман и К. Хюглин. „Стиннес и его концерны“ Со вступит. статьей К. Радека. П., 1924 г., стр. 74 и след.; Оль. „Иностранные капиталы в России“. стр., 164, 194.

[50]) „Финансовая газета“ 1916 г., № 371, от 7 декабря.

[51]) „Русское слово“ 1917 г. № 13, от 17 января.

[52]) Отчеты в процессе Манасевича—Мануйлова в „Русской воле“ за 1917 г., с 14 по 19 февраля, и в других газетах.

[53]) „Новое время“ 1912 г., № от 21 июня.

[54]) „За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева“. Ред. и вступит. статья В. П. Семенникова. Л., 1925 г., стр. XXV—XXVII.

[55]) Эрцбергер. „Германия и Антанта“, стр. 201 — 202.

[56]) А. М. Зайончковский. „Мировая война 1914 — 1918 г., М. 1924 г., стр. 216.

[57]) „Из записок А. А. Брусилова“—в журнале „Россия“ 1924 г., № 3, стр. 137—142; см. также отдельное издание „Записки А. А. Брусилова“. Л., 1928 г.

[58]) Об этом см. мою книгу „Политика Романовых накануне революции“, в приложении.

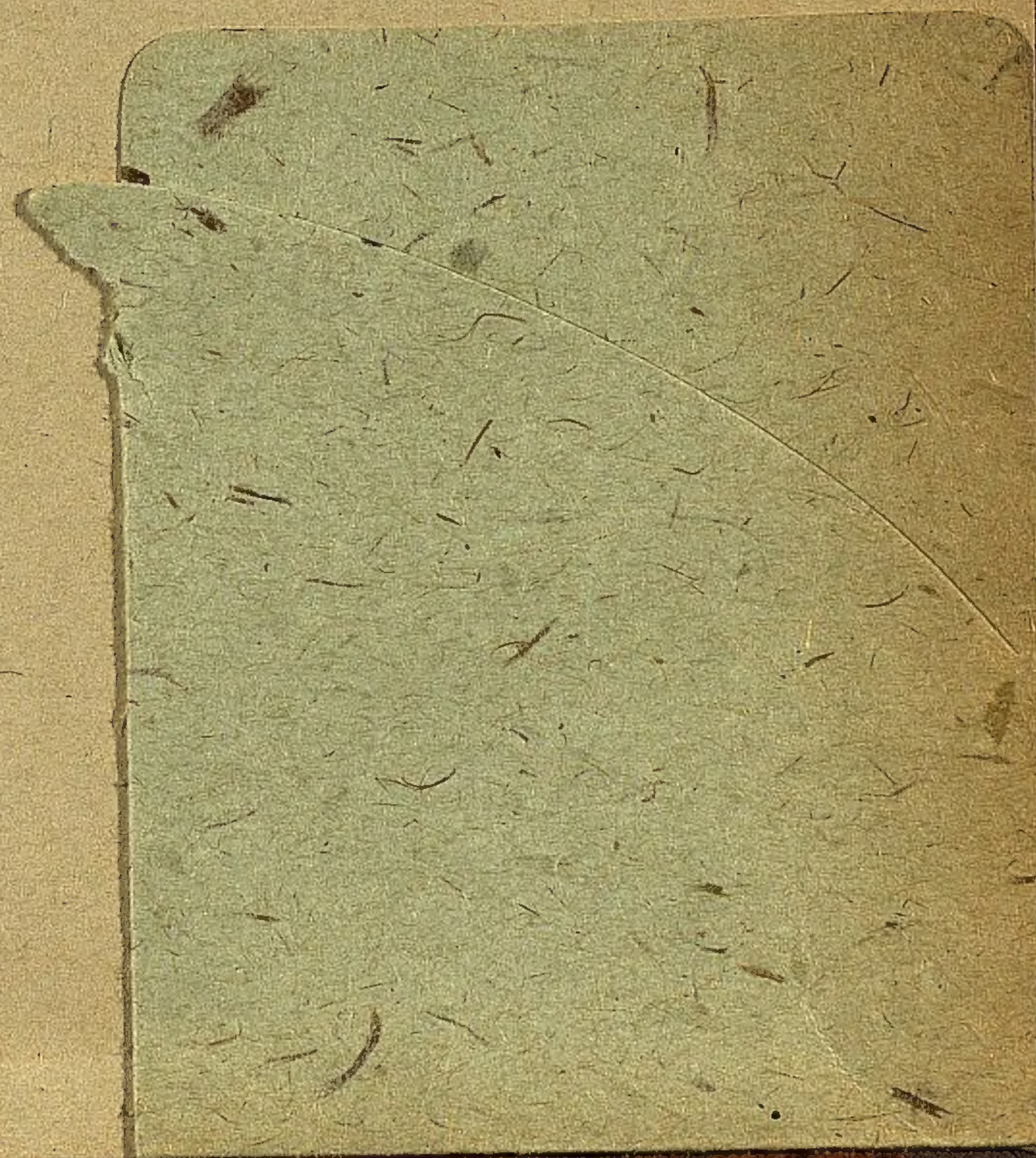
[59]) Предисловие М. Н. Покровского к III, тому „Переписки Н. и А. Романовых“, стр. XXI.

[60]) „Константинополь и проливы“, т. I, стр. 107—108.

[61]) Обзор котировок банковских акций дан в моей книге „Политика Романовых накануне революции“, стр. 206—208, 238—241.

[62]) П. Н. Милюков. „История второй русской революции“. 1919 г., стр. 22.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Борьба за сепаратный мир Германии—России 5
Банки и Распутин 7
Распутин и верховное командование 11
Заключение 14
Примечания 15